

Александр ЯНОВ

**РУССКАЯ ИДЕЯ
от НИКОЛАЯ I до ПУТИНА**

3 Книга третья
1990–2000

Александр ЯНОВ

Русская Идея

ОТ НИКОЛАЯ I
ДО ПУТИНА

3 Книга третья
1990–2000

УДК 94(47).073/.083:323.1(=411.2)

ББК 63.3(2)5-38

Я 641

Янов А. Л.

Я 641   Русская идея. От Николая I до Путина. Книга третья (1990–2000) / Янов А. Л. — М. : Издательство «Новый хронограф», 2015. – 384 с. : ил.

ISBN 978-5-94881-271-7

ISBN 978-5-94881-309-7 (Кн. 3)

Вот парадокс. Существует история русской литературы, история русского искусства, а также – русской архитектуры, русской музыки. Есть, конечно, история социалистических идей в России. А вот истории русского национализма нет. Ни в русской, ни в мировой литературе. Но почему? Вероятнее всего потому, что он, этот национализм, по какой-то причине всегда избегал называться собственным именем. Предпочитал эвфемизмы («Русское дело», «Русский мир», «Русская Идея»). Этим, скорее всего, и объясняется выбор названия книги, посвященной истории русского национализма.

УДК 94(47).073/.083:323.1(=411.2)

ББК 63.3(2)5-38

ISBN 978-5-94881-271-7

ISBN 978-5-94881-309-7 (Кн. 3)

© Янов А. Л., 2015

© «Новый Хронограф», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Вводная

ФАТАЛЕН ЛИ ДЛЯ РОССИИ ПУТИН?	9
Путаница	9
Но пойдем по порядку	12
Парадокс	15
Статистика неумолима, однако	18
Вопросы	21
Заключение	23

Глава 2

ДРАМА СТАНИСЛАВА ШАТАЛИНА.	24
Оппозиция?	27
«Вся власть Советам!»	29
Несколько слов о Шаталине	32
Выход на арену	34
«Звездный час»	36
Попытки объяснения	39
Совпадения?	41
Гипотеза	44
Послесловие	47

Глава 3

КОМУ НУЖНА БЫЛА ПЕРЕСТРОЙКА?	49
Вторая ошибка	50
О европейской России	52
Летописец	54
Их версия перестройки	57
«Комиссия Кириллина»	60
Выбор	64

Глава 4

РАСКОЛ ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ	67
Шахматная комбинация генсека	68
XXVIII съезд	72
Поворот Горбачева	79

Глава 5

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ГОРБАЧЕВА	83
Плата за «поворот»	83
Неожиданный ход	84
Шок	87

Озарение Горбачева	89
Два плана партийного переворота	90
Национал-патриоты	92
Последний пленум	95
Глава 6	
ПОСЛЕ ПУТЧА	100
Замешательство	103
На свой страх и риск	106
«Перебежчики»	111
Расплата за ошибки	113
Глава 7	
КТО РАЗВАЛИЛ СОЮЗ?	118
Выбор Ататюрка	120
О чём на самом деле спорили	124
Но было поздно	126
Последние содрогания	128
Последний шанс	129
Глава 8	
12 ИЮНЯ 1992	132
Колонный зал. 12 июня 1992	133
Останкино	136
Две гипотезы	139
«Русский монстр»	142
Крушение кумира	145
Глава 9	
«ИМПИЧМЕНТ»	150
Свалить Ельцина!	150
Непримиримые	154
Депутаты	155
Разочарование	157
После референдума	159
Последняя попытка	164
А вот и развязка	165
Заключение	172
Глава 10	
ИЛЛАРИОНОВ vs ГАЙДАР (часть первая)	175
А нельзя ли попроще?	178
Мои источники	180
«Разоблачение» № 1. Гайдар и голод	182

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Разоблачение» № 2. Гайдар и разгром бюджета	185
«Разоблачение» № 3. «Грабительская» реформа	187
Глава 11	
ИЛЛАРИОНОВ vs ГАЙДАР (часть вторая)	191
«Разоблачение» № 4. Гайдар и Верховный Совет	192
В поисках последней ясности	193
Депутаты в стане «непримиримых»	195
Неминуемость конфронтации	196
Шаг первый	198
Шаг второй	200
Шаг третий	202
Осечка	202
«Превратить поражение в победу»	204
«Разоблачение» № 5. Гайдар – сын шпиона	210
Глава 12	
КАК БЫ НЕ ПОВТОРИТЬ СТАРЫЕ ОШИБКИ	213
О тех, «веймарских» годах	216
Об ошибке Запада	217
Психологическая война	219
Откровения ненавистников Запада	221
Фиаско	224
Глава 13	
ОШИБКА ЛИБЕРАЛОВ	227
Так в чем же ошибка-то?	232
Странное совпадение	233
Упущеные возможности	237
Глава 14	
ЧЕЧЕНСКИЙ ЭКЗАМЕН В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ	243
Перед началом	245
Экзамен	248
«Мы сами», «мы сами»	252
Муки демократов	256
Заключение	260
Глава 15	
ПЕРЕД ВЫБОРОМ	262
Правильно ли голосовали в 96-м?	267
Кто такой Зюганов	269
Нужно ли было с ними спорить?	273

Глава 16

ГИБЕЛЬ «ИЗВЕСТИЙ»	277
Интерлюдия	283
«Победило меньшее зло»	286
Первые испытания	288
Хождение по мукам	290

Глава 17

«ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИСТЕРИЯ»	294
ПЕРВАЯ ПОСТСОВЕТСКАЯ	294
Почему Косово?	295
Диссонанс	300
Два объяснения	302
Личный опыт	305
«Новый режим»	306
Заключение	311

Глава 18

ПУТИН. НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ	313
«Парадокс Кюстина»	314
Краткий обзор	317
Проблема одиночества	320
«Две души в душе одной»	321
«Невводили победили»	322
Первый звонок	324
Опять импичмент?	325
Рывок Лужкова	327
Путин выходит из тени	333
Контрнarrатив	336
Почему Путин?	338
Заключение	342

Приложение

ЯНОВ vs ДУГИН	343
ДИАЛОГ О БУДУЩЕМ РОССИИ	343

Именной указатель	374
-------------------------	-----

Глава 1. Вводная

ФАТАЛЕН ЛИ ДЛЯ РОССИИ ПУТИН?

Начнем с терминов, просто потому, что иначе не-пременно увязнем в терминологических спорах, в «контроверзе», как сказал бы Л. Н. Гумилев. То, что произошло в 1991 году, люди в России понимают, мало сказать, по-разному, – противоположно: одни как победу, другие – как поражение. Ну, подумайте, имел ли бы смысл спор тех, кто думает, что жизнь на Земле создал Господь, с теми, кто верит в эволюцию по Дарвину? Но ведь то же самое произойдет, если одни спорщики (назовем их «имперцами») уверены, что крушение СССР было результатом «спецоперации Запада по развалу великой державы», а другие («русские европейцы») – что распад советской империи был началом последней великой революции в Европе, несоизмеримой по своему значению ни с Февралем 1861, ни с Февралем 1917.

Из первого термина («развал державы») следует, что империю нужно, назло Западу, восстановить, РЕВАНШ, одним словом, следует. Из второго («европейская революция») – что пришло время исполнить, наконец, двухсотлетней давности завещание Чаадаева и «слиться с Европой», как сделали послевоенная Германия и все без исключения бывшие сателлиты империи. Стать, другими словами, как стали они: нормальными европейскими государствами. Поймут ли друг друга эти спорщики?

Путаница

Вопрос риторический. Но когда б терминологическая путаница на этом заканчивалась! Увы, есть у нее

и другой, поистине кровавый, как выяснилось, аспект, еще больше усложняющий картину. Посмотрите, что происходит сегодня между Россией и Украиной. Имеем мы там дело с триумфом «имперцев», восстановливающих империю, или с обыкновенным национализмом, ксенофобией?

Одни говорят, что, аннексируя Крым и затевая всю эту кровавую бучу с «Новороссией», державники, имперцы пытаются таким образом восстановить «разваленную спецоперацией Запада» державу. Погодите, однако, возражают другие, откликнувшись ведь массы (подогреваемые, нет слов, взбесившимся ящиком), вовсе не на какие-то державные замыслы, а на то, что Крым опять «наш» – русский. На то, что в Донбассе «украинцы» лишают родного языка, убивают наших братьев – русских. «Бей укров, спасай Россию!» – так, по крайней мере, выглядит это в ящике. Если это не чистой воды национализм, и притом худшего, черносотенного, толка, я не знаю, что такое национализм.

Но почему же, с другой стороны, пришли в такой восторг от всей этой катафасии именно державники? Загляните на сайт Изборского клуба, их главного интеллектуального центра, идейной штаб-квартиры реваншистов, если хотите. Там ведь царит праздник и ликование по поводу того, что «Путин отрезал себе путь назад», что «Путин, наконец-то, приступил к воссоединению державы!» Неспроста же задает поэтому вопрос А. А. Венедиктов, и очень публично притом, задает: «Так кто же Путин – националист или имперец?»

Странно лишь, что в собеседники себе выбрал он известного теоретика империи Алексея Миллера, договорившегося до того, что украинцев создали немцы – в лагерях для военнопленных во время Первой

мировой войны. И не спросил его Венедиктов, как в таком случае быть с Иваном Франко, с Лесей Украинкой, с Тарасом Шевченко наконец? Как быть со всей замечательной украинской литературой XIX века, которую преследовал еще Николай I? Ее что, тоже в лагерях для военнопленных вырастили?

И как быть с классической историографией русского империализма? Кем был Николай Данилевский – имперцем или националистом? А державник Константин Леонтьев, которому случалось писать: «Я больше националист, чем славянофилы»? А Николай Михайлович Карамзин, обронивший однажды: «Пусть иностранцы осуждают раздел Польши, мы взяли **свое**» (это, между прочим, об Украине), он кем был?

Ответ, казалось бы, напрашивается сам собой: все это были, так же, как сегодня, допустим, председатель того же Изборского клуба Александр Проханов, **имперские националисты** (в отличие от этнических, ратующих за «Россию для русских»). Что происходит в Украине, с их точки зрения? Вот что думает об этом А.Ю. Бородай, бывший премьер ДНР: «Границы Русского мира шире границ РФ. Я выполняю историческую миссию во имя русской нации, суперэтноса... Потому что есть Великая Россия, Российская империя. И украинские сепаратисты, которые находятся в Киеве, борются против Российской империи».

Он-то думает о себе, как о патриоте своей страны. Только под своей страной подразумевает он Российскую империю. Это и называется **ИМПЕРСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ**. Понятно теперь, почему на Изборской улице праздник? Так есть ли смысл затевать дискуссию о том, кто такой Путин – националист или имперец?

Надеюсь, читатель согласится, что путаницы мы избежали...

Но пойдем по порядку

Сперва о «чаадаевском», если можно так выразиться, случае. Есть ли у нас основания рассматривать 1991 год как начало **европейской** революции? Конечно, как всякая революция, перевернул он судьбу страны вверх дном и заставил ее население начинать жизнь, так сказать, с чистого листа. Но ведь и большевистская революция 1917 сделала с Россией то же самое. Но завела она страну лишь в очередной тупик. Значит, не всякая революция в России – европейская? Обратимся поэтому к нашей палочке-выручалочке, к истории, к опыту предшествовавших великих европейских революций. Как складывались они?

Великая английская революция 1640-1660 началась с кровавой гражданской войны между королем и парламентом, сопровождалась цареубийством 1649-го, провозглашением республики и завершилась реакционным откатом в протекторат (диктатуру) Кромвеля. Но что осталось от нее, этой революции, в истории, в сухом, так сказать, остатке, кроме, конечно, тысяч и тысяч поломанных жизней? Осталась, одним словом, после всех этих ужасов **договороспособность** британских элит, которые уже в 1688 году примирились на идее конституционной монархии. И не в том лишь дело, что оказался этот компромисс единственной формой монархического правления, пережившей столетия, но и в том, что стал он единственным возможным коконом, в котором могла созреть демократия. Без него Европа не была бы тем, чем она стала.

Великая французская революция 1789-1815 началась формально, конечно, со штурма Бастилии и провозглашения Свободы, Равенства и Братства, но на самом деле – с цареубийства, сопровождалась кровавым

якобинским террором и завершилась опять-таки откатом в диктатуру – на этот раз Бонапарта. Но что в сухом остатке? Французские элиты не сумели, в отличие от британских, найти общий язык на протяжении полувека (так же, заметим в скобках, как впоследствии, опять-таки в отличие от британцев, не примирились они сразу с крушением своей империи; увы, умом французов, как известно, не понять). Но от крестьянской собственности на землю, завещанной им революцией наряду с Кодексом Наполеона, не отказались. Более того, именно эти нововведения и стали социальным и правовым фундаментом, без которого Европа опять-таки не стала бы Европой.

Но ведь, присмотритесь, и с революцией 1991-го происходило все примерно так же, как и с ее предшественницами. Несмотря даже на то, что у нас все было несопоставимо сложнее (сказалась вековая запоздалость): политическая революция переплелась с социальной и антиимперской. То, что у предшественниц растянулось на столетия, сжалось у нас в один неразъемный узел. После десятилетий за железным занавесом, о котором те и понятия не имели, России предстояло открыться миру; после тотального огосударствления экономики – перейти к свободному рынку; после автаркии – к встраиванию в мировое хозяйство; после беспощадной конфронтации с Западом – слиться, говоря словами Чаадаева, в «великой семье европейской». Короче, России – единственной из всей плеяды посткоммунистических стран, образовавшихся на руинах империи, – предстоял в 1991 году ТРОЙНОЙ переход: от Госплана к рыночному хозяйству, от однопартийной диктатуры к разделению властей и от империи к федерации.

Чудо, что при таком стечении обстоятельств обошлось все без цареубийства, без гражданской войны,

без террора. Если уж и В. В. Путин, практически буквально повторил слова Чаадаева о стремлении тогдешней России в «европейскую семью», можно не сомневаться, что именно так в 1991 году и было. Вот документальное свидетельство: «Падение Берлинской стены стало возможным благодаря историческому выбору народа России, выбору в пользу демократии и свободы, открытости и искреннему партнерству со всеми членами европейской семьи» (это из знаменитой «Мюнхенской речи» 10 февраля 2007 года). Как видим, даже в самой своей антизападной речи Путин все же рассматривал революцию 1991 года как **ПОБЕДУ** России (похоронив попутно изборскую версию о «спецоперации Запада по развалу державы»).

Мало того, очевидно из слов Путина, что была она именно **европейской** (вдохновлена стремлением «к партнерству со всеми членами европейской семьи», не говоря уже о стремлении к «демократии и свободе»). И судьба ее, естественно, сложилась поэтому так же как и судьба ее предшественниц. Так же, как они, перевернул этот «исторический выбор» жизнь страны с головы на ноги. И так же, как в них, повеявшее было, чувство свободы сменилось в ней реакционным откатом в царство несвободы.

Была ли эта революция действительно великой? Сошлюсь на прозрение одного из самых замечательных эмигрантских мыслителей Владимира Вейдле: «В том-то и дело, – писал он, – что и Мусоргский, и Достоевский, Толстой или Соловьев – глубоко русские люди, но в такой же мере они люди Европы. Без Европы их не было бы. **Но не будь их, и Европа была бы не тем, чем она стала**». Добавлю «должна стать». Просто потому, что без России никогда не быть Европе единым целым. Отдельность России – ее незаживающая рана (даже если немногие там способны это

артикулировать). И только **великая** русская революция может эту рану залечить. Иначе те же Мусоргский и Соловьев так и останутся для нее не русскими европейцами, а непонятно откуда взявшимися пришельцами. Потому и несет в себе революция 1991 потенцию завершения цикла великих революций Европы, начавшегося почти четыре столетия назад. В сухом остатке, конечно.

Беспрецедентная сложность анализа в нашем случае, однако, в том, что революция эта пока что в фазе безнадежного, как многим кажется, реакционного отката, в зоне, чтоб уж совсем было понятно, Кромвеля и Бонапарта. И поэтому сколько-нибудь достоверно судить о том, что останется от нее в сухом остатке можно лишь по намекам, по наметившимся в элитах России тенденциям. И есть, похоже, только одна возможность узнать, действительно ли наметились в российских элитах проевропейские тенденции – из отчетов интеллектуальных центров реванша.

Уж эти-то штабы реакции кровно заинтересованы в том, чтобы слияние России с Европой не состоялось и конфронтация между ними былаувековечена. Еще проще, заинтересованы они в том, чтобы Россия **НИКОГДА** не стала нормальным европейским государством. Кому-кому, но уж им-то точно можно верить, когда они регистрируют разочаровывающую их ориентацию сегодняшних российских элит. Вот и посмотрим, что же такое вынуждены они регистрировать.

Парадокс

Опираться я буду на доклад «Линии разлома в российском обществе», опубликованный на сайте Изборского клуба 31 мая 2014 года (я знаю, конечно, что нельзя

по одному докладу судить о настроениях элит, что есть даже специальная отрасль знания, именуемая «элитологией», и написаны об этом тома. Просто исхожу я из того, что докладчики Изборского клуба тома эти читали и знакомы с выводами «элитологов»). А дата важна потому, что Крым уже к тому времени был аннексирован, бои в Донбассе в разгаре, патриотическая истерия в обществе бушевала, рейтинг Путина взлетел до небес, и «крымнашисты» полностью контролировали ящик. При всем том, авторы доклада констатировали странный парадокс. Состоял он в следующем.

«Население страны, – пишут докладчики, – все еще считает Россию ... имеющей миссию в масштабах всего мира, а элиты – нет, элиты ... полагают максимальным успехом встраивание России в глобализирующийся мир как развивающейся страны не первого эшелона, как страны, которая должна отказаться от глобальных амбиций, сосредоточившись на внутренних проблемах». Мало того, «мессианские идеи им [элитам] кажутся нерациональными и наивными». До такой степени, что «уподобляются они российским либералам, не устающим призывать к отказу от державных амбиций в пользу хороших дорог и честных чиновников».

Так кто же они, эти странные элиты, так бестактно расходящиеся с «населением страны»? Может быть, люди, которыми всегда гордилась Россия, академики, выведшие ее в космос, или писатели, музыканты, художники, составившие ее бессмертную славу, хоть и были всегда немножко отщепенцами? Ничего подобного. Вовсе не о них речь. Интересовали докладчиков исключительно современные «представители властных структур, политических объединений, бизнеса – те, кто влияет или будет влиять на политическую повестку дня».

Так это они, выходит, представители властных структур, – «отщепенцы»? Да, они вполне лояльны власти, подчеркивают докладчики. Власти, но не населению? Понятно, что столь безответственное направление мысли у ТАКИХ элит вызывает у докладчиков не только разочарование, но и возмущение. Они напоминают элитам, что «идея нормальной страны вместо сверхдержавы была одной из мант्र развала СССР». Ссылаются в подтверждение на Дм. Тренина из московского центра Карнеги, который свидетельствует, что «с середины 1980-х не только интеллигенцией, но и широкими кругами овладело стремление открыться миру и жить в нормальной стране». Более того, оказывается, «мечтали, чтоб Россия стала европейской страной. Диапазон моделей простирался от Германии... до Швеции и даже Швейцарии».

Но, уверяют докладчики «отщепенские» элиты, ведь «сегодня очевидно, насколько безумны были чаяния этих широких кругов». Безумны потому, что ни к чему, кроме развала державы, привести они не могли. И привели. Ибо вокруг России вовсе не ее доброжелатели, а враги. И «потому подобная позиция стратегически беспersпективна». Хуже того, она «ущербна... это позиция проигрывающего».

Очевидно, что докладчики исходят из представления, что господствует в мировой политике жестокая игра с нулевой суммой, где выигрыш одного обязательно означает проигрыш другого. Правда, будь «отщепенским» элитам предоставлено слово в этом докладе, они могли бы возразить, что, допустим, элиты слабой и разодранной на части послевоенной Германии ровно ничего безумного не видели в том, чтобы стать «нормальной европейской страной». Более того, были уверены, что именно такое представление о мире

как раз и было единственным залогом ее будущего процветания.

И не ошиблись ведь: не помешали Германии недоброжелатели и враги вокруг. Не помешали они и посткоммунистическим восточноевропейцам. Почему же мешают они одной лишь России? Согласитесь, что тут есть, над чем задуматься. Увы, слова в Изборском докладе «отщепенские» российские элиты, разумеется, не получили. Так и остался он, этот основополагающий вопрос, висеть в воздухе...

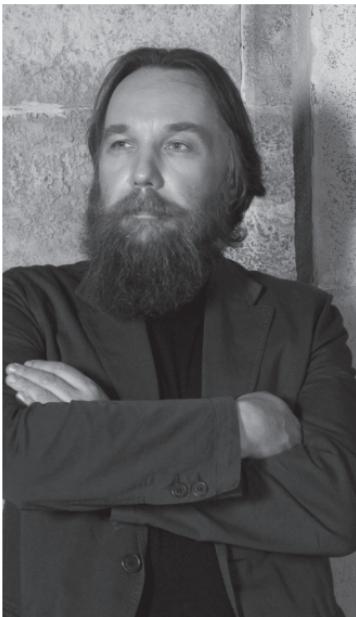
Под конец доклада становится очевидно, что докладчики начали терять терпение и с некоторой даже угрозой напоминают «отщепенцам», что «наблюдаемые тенденции элит расходятся с декларируемыми претензиями России на одну из ведущих ролей в международных отношениях». Особенно «после Мюнхенской речи Президента, задекларировавшей, что РФ претендует на статус одного из ведущих акторов мировой политики». Короче, хотите быть лояльными власти, так извольте быть лояльны до конца, согласиться с восторгом населения. Забудьте об опыте Германии, которая добилась именно такого статуса без всяких конфликтов с окружающим миром. Прикрикнули, одним словом.

Статистика неумолима, однако

И свидетельство ее беспощадно: что-то и впрямь неладно в Датском королевстве. А именно, число противоречащих населению элитарных «отщепенцев», убежденных, что нет у России, как нет у Германии, никакой особой геополитической миссии в мире, ПАСТЕТ. Если тех, кто верил в эту миссию, было в 1999 году подавляющее большинство (83 %), то в 2008, как раз после Мюнхенской речи Путина, было их уже 64 %, а в 2012 – и вовсе меньшинство (40 %).

Еще худшие новости для имперцев. Если в середине нулевых почти половина респондентов считала, что национальные интересы России распространяются на территорию СНГ (т.е. бывшей советской империи), то к 2012 году осталось их лишь жалкие 15 %. Таким же примерно (14 %) было число тех, кто включал в сферу национальных интересов России приграничные страны. Тех же, кто, как докладчики (и население), был уверен, что Россия «имеет миссию в масштабах всего мира» остался вообще мизер – 11 (!) %.

Самым обескураживающим, однако, было то, что **чем моложе** были респонденты, тем УЖЕ определяли они сферу национальных интересов России. «Можно предположить, – уныло констатируют докладчики, – что постепенно геополитические амбиции, унаследованные от советского прошлого, сменятся более трезвой оценкой существующего положения дел. Все больше людей считает, что Россия фактически утратила статус мировой

А. Г. Дугин

М. В. Леонтьев

державы и должна сосредоточиться на решении внутренних проблем».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Но это ведь прямо противоречит, как с негодованием заметили вначале и сами докладчики, всему сегодняшнему курсу внешней политики! За объяснением этого загадочного противоречия они обратились к экспертам Валдайского клуба, тоже, конечно, пропутинского, но живущего все-таки в реальной, а не в параллельной реальности, не в королевстве кривых зеркал, где обитают Изборцы. Но, увы, ничего утешительного и от них они не услышали: «Эксперты объясняют это тем, что сейчас внешнюю политику курирует старшее поколение, по советской инерции склонное к геополитическому мессианству. А им на смену идут молодые прагматики... и мобилизационные стратегии для них непривлекательны».

Так вот в чем разгадка! Путин, Лавров, Сечин и вся правящая сегодня компания, оказывается, просто люди вчерашнего дня. И завтрашние «молодые прагматики» готовятся сказать им, как солдаты из знаменитой поэмы Маяковского: «Которые тут временные? Слазь, кончилось ваше время». Так не объясняет ли это мрачные предчувствия Изборцев? И истерические вопрошания А. Проханова «Где ты, Святая Русь?», и суровые заклинания М. Леонтьева о «предательстве элит», и гневные инвективы А. Дугина: «Между российским государством и российским народом стоит антигосударственная и антинародная прослойка – элиты, правящий класс. Эти элиты и есть главная проблема России. Они – классовый... враг»?

Что все это значит? Не готовят же изборцы революцию против «предательских элит». Не намереваются свергнуть «правящий класс». Или готовят и намереваются? Или просто неистовствуют бесы, предчувствуя конец?

Вопросы

Но если у нас нет оснований подозревать докладчиков Изборского (!) клуба в преувеличениях, – а у нас их нет: каждая цифра в этой роковой статистике для них что нож острый – то вся картина путинской России, как с унынием, если не с ужасом воспринимают ее сегодня русские европейцы, буквально переворачивается головой вверх, не правда ли? И объясняется скорее их поверхностным, скажем мягко, знакомством с европейской историей? В том числе и с тем, что именно так, эрой несвободы и кажущейся безнадежности, как раз и завершались до сих пор великие европейские революции?

Да, у диктатуры тоже есть своя временная ниша в революционном процессе. И диктаторы как символы порядка после бурных лет неустройства добивались не только единоличной власти, но и всенародной любви. Кончалось это для них, однако, плохо. Абсолютная власть, как известно, развращает абсолютно. Кружится голова. Отсюда роковые ошибки. Лорд-протектор Кромвель ввязался в гибельную войну с Испанией и взимал для этой войны произвольные налоги не хуже казненного монарха, Бонапарт вторгся в Россию, положив на ее полях свою старую гвардию и объединив против себя Европу. Результаты мы знаем. Важно здесь для нас одно: несмотря на всенародную любовь, оказались диктаторы временщиками. И долго еще приходилось расчищать Августовы конюшни, которые они за собой оставляли.

Если верна положенная в основу этого эссе гипотеза, то не должна ли так же завершиться и революция 1991 года? А поскольку случай тут особенно тяжелый, меры после ее завершения понадобятся чрезвычайные. Понадобятся не только «кризисные менеджеры» вроде Ходорковского. Европе тоже придется засучить

рукава, чтобы помочь покончить с последствиями последней архаической конвульсии, потрясшей ее со времен мировой войны. И одной гуманитарной помощью дело не обойдется. Без «плана Маршалла для России», на который не решился Запад в эпоху Горбачева и Ельцина, на этот раз не обойтись. И «примирение элит», как в пореволюционной Англии, понадобится. И массовая, так сказать, детоксикация населения.

Есть неудачный «французский опыт» такой детоксикации: наполеоновская легенда терзала Францию десятилетиями после революции. Есть, разумеется, и удачный «германский опыт». Но он потребовал оккупации страны, о которой в нашем случае не может быть и речи. Потому и говорю я о «плане Маршалла для России»: население должно на этот раз почувствовать, что воссоединение с Европой принесло ему не обнищание, как в 1992-м, но резкий рост благосостояния.

Конечно, у России есть и собственный опыт подобного радикального изменения «культурного кода» большинства. Она пережила его дважды – и при Грозном царе, впервые отменившем в 1581 году Юрьев день и начавшем тем самым эру закрепощения крестьян, привыкших к свободе, и при Ленине, дотла разрушившем почти уже европейскую Россию. В обоих случаях то был, однако, опыт подавления свободы, **деевропеизации** страны. Молодым прагматикам, сегодняшним «отщепенцам», которые, если верить свидетельству докладчиков Изборского клуба, идут на смену последнему советскому поколению, понадобятся прямо противоположные методы просвещения масс.

Готовы ли к этому сегодняшние «представители властных структур», даже если их повестка дня включает, как мы видели, «отказ от мессианской геополитики» и «превращение России в нормальное государство»? Помогут им в этом русские европейцы? Или

станут сводить старые счеты? Я не знаю ответов на эти вопросы. Знаю лишь, что прошлым великим революциям и просвещение масс, и «примирение элит» удалось. Не сразу, но удалось. В Англии, например, первый компромисс 1660-го развалился и сработал лишь второй – в 1688 году. Во Франции, как всегда, затянулось «примирение» много дольше – до самого 1870-го.

Так или иначе, что останется после всех этих перипетий от революции 1991 в сухом остатке, если, повторяю, верна моя гипотеза? Единство Европы, вот что останется. Европейская Россия останется. В любом случае времена настанут интересные. Времена борьбы, а не застоя и уныния, свободы, а не «патриотической истерии». Времена реального преобразования страны. И потому ответ на вопрос, вынесенный в заголовок, очевиден. Достаточно поменять в нем имя: был ли, в самом деле, Кромвель фатален для Англии? Бонапарт для Франции?

Заключение

Я понимаю, что такое Введение может показаться неуместным для третьей книги «Русской идеи», трактующей последнее десятилетие XX века, когда Ельцин и либералы отступали на всех фронтах и события неумолимо вели к откату в царство несвободы. Именно об этом нам ведь и предстоит говорить в книге подробно. И все же хотелось мне, чтобы и в этой картине наступающего мрака читатель мог, так сказать, заглянуть за горизонт, увидеть перспективу и свет в конце тоннеля, в который устремилась в те годы Россия. Так оправдываю я для себя это вступительное эссе. Тем более уместно это сейчас, в эпоху заключительного, похоже, кризиса протектората, когда уныние и страх становятся практически всеобщими.

Глава 2

ДРАМА СТАНИСЛАВА ШАТАЛИНА

Что не задалась русская революция 1991 года, стало очевидно еще до того, как она началась. Даже лучшие начинания предреволюционной поры, Перестройки, когда страна вдруг опять задышала свободно после десятилетий советского удушья, даже самые добрые намерения обернулись, в конечном счете, во вред будущей революции. С самого майского Съезда 1989-го все пошло наперекосяк. И поскольку, если верить опыту истории России, суждена ей еще одна освободительная революция, подобная той, четвертьвековой давности, полезно, я думаю, иметь в виду эти старые ошибки.

Во избежание разнотечений, однако, нужны, наверное, четкие определения: что, собственно, имею я в виду под революцией, и чем отличается она от Перестройки. Цель ведь у них, в конце концов, была одна и та же: та, о которой мечтали еще два столетия назад Сперанский и Чаадаев: сделать Россию нормальной европейской страной, столь же европейской, как, скажем,

Первый съезд народных депутатов РСФСР

постимперская Франция или послевоенная Германия. Ни в малейшей степени не означало это отнять у России ее национальную специфику, «перекодировать» ее, как пугают публику национал-патриоты. Германия, как была, так и осталась непохожей на Францию, хотя обе они европейские. И Россия, став европейской, не похожа будет, конечно, ни на ту, ни на другую. Единственная национальная традиция, которой она лишилась бы, это традиция ПРОИЗВОЛА ВЛАСТИ. Ее-то, эту традицию произвола, и отстаивают отчаянно национал-патриоты. Дорога она им почему-то. А мы все не догадываемся спросить их, почему...

Но если цель у Перестройки и у революции была одна, то в чем же, спросит читатель, разница. В том, что нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Смысл Перестройки был в том, чтобы подготовить революционный «прыжок».

Означало это в первую очередь: дать людям вздохнуть свободно. Но также и демонтировать инфраструктуру «холодной войны», избавиться от внешнего, восточноевропейского пояса империи, разрушить однопартийную диктатуру, провести радикальную реформу экономики, открыв тем самым дорогу иностранным инвестициям, выйти, одним словом, из советского изоляционизма. Большего Перестройка дать не могла. А чтобы стать нормальной европейской страной нужно было нечто большее.

Нужно было, в частности, окончательно «отвязаться» от империи и построить правовое государство, где

С. С. Шаталин

центральную роль, которую в России вплоть до конца ХХ века играло первое лицо (будь то монарх, генсек или президент), исполняли бы институты. Я имею в виду независимый суд и парламент. Иначе говоря, нужно было РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ (не имитация его, а принципиально новая структура власти, способная предотвратить как реставрацию старого режима, так и образование «олигархата», т.е. власти денег). Одним словом, нужна была Революция. В этом и состояло ее отличие от переходного периода, т.е. от Перестройки.

В том, что сделать Перестройке удалось многое, не может быть сомнения. Но главного она, в силу разных причин, не сделала. Я имею в виду провал радикальной реформы экономики, предложенной командой Станислава Шаталина, что поставило страну на грань катастрофы, привело к обнищанию значительной части населения и к общему разочарованию в демократическом переустройстве страны. Короче, привела Перестройка ко второму роковому тождеству, погубившему российскую революцию 1991 года (о первом см. ниже), к тому, что «распад империи = обнищанию».

И тождество это стало могущественным инструментом реваншистской оппозиции, перекорежив впоследствии весь ход революции. Вместо того чтобы строить правовое государство, революционной власти пришлось всю дорогу отбиваться от сил реванша. Больше-ники покончили с этими силами быстро и эффективно: посредством тотального «красного» террора. Но демократическая власть не могла позволить себе террор. Ей приходилось маневрировать, поступаться принципами, прибегать к помощи «больших денег». Короче, изменять самой себе.

Не создала также Перестройка предпосылок для перехода к европейской государственности,

к разделению властей. Напротив, она максимально его затруднила. И началось это торможение прямо на том же знаменитом майском Съезде 1989 года. Нет, в том, что был он одним из самых счастливых событий в русской истории XX века, уверен я и сегодня. На протяжении двух недель гигантская страна до самых до окраин жила излучением свободы и драмы, исходившими от этого Съезда. Даже самое тривиальное наблюдение подтверждает это: за две недели Съезда центральное телевидение не показало НИ ОДНОГО остросюжетного фильма. Никакое кино не могло соперничать с прениями на Съезде, затягивавшимися порой до 3 часов ночи. Подумайте, *прения на публичном собрании*, скучнейшее, казалось бы, из зрелищ, оказалось драматичнее всего, что могли придумать сценаристы и режиссеры. Ну, мыслимо ли было такое в СССР?

Оппозиция?

Начнем с того, что на Съезде почти тотчас обнаружилось МЕНЬШИНСТВО. Причем инакомыслящее меньшинство. Это само по себе было ошеломляющей новостью. Последний раз меньшинство на публичном собрании в СССР было в конце 1920-х, семь десятилетий назад! Многие ли о нем помнили? Правилом было нерушимое единство. И исключений из этого правила не было, исключение равнялось крамоле, страшно сказать, оппозиции. А тут на тебе: «Так вот, уважаемое агрессивно-послушное большинство... давайте все-таки не забывать о тех, кто нас послал на этот Съезд. Они послали нас для того, чтобы мы изменили решительным образом положение дел в стране».

Это из выступления Ю.Н. Афанасьева (ныне, увы, покойного, светлая ему память) после

разочаровывающих выборов в Верховный Совет (ВС должен был представлять Съезд в перерывах между сессиями). А в заключение и того пуще: «Мы сформировали сталинско-брежневский Верховный Совет». Можно ли было такое стерпеть? Председательствующий, он же Генеральный секретарь ЦК КПСС, перебил. И услышал от депутата В. Ф. Толпежникова: «Я категорически протестую против вмешательства Михаила Сергеевича в выступления депутатов». Мол, Генеральным ты можешь быть у себя в партии, а в этом зале мы все равны, все уполномоченные представители народа. И зал аплодировал. Пришлось стерпеть.

Г. Х. Попов тут же развил афанасьевскую тему: «Конечно, на выборах в Верховный Совет партийный аппарат одержал победу. И, в общем-то, победить в этом зале было нетрудно. Но кто, спрашивается, победит инфляцию в стране, кто победит пустые прилавки в магазинах, кто победит некомпетентность руководства?» И опять: «А мы, между прочим, пришли сюда именно для этого дела». Инакомыслящее меньшинство на глазах перерастало в демократическую оппозицию «аппарату». А. Д. Сахаров четко сформулировал ее главное требование: однопартийной диктатуре – нет! Речь, стало быть, шла не больше, не меньше, чем об отмене 6-й статьи брежневской Конституции (о руководящей роли партии). В классической терминологии: Карфаген должен быть разрушен!

Ю. Н. Афанасьев

«Вся власть Советам!»

На майском Съезде такое требование звучало фантазией. Но события развивались стремительно, прилавки магазинов пустели еще стремительней, инфляция набирала темп (анекдот того времени: «Не знаешь, как лучше измерять дензнаки – в километрах или в тоннах»?), демократическая оппозиция крепла, и, представьте себе, не прошло и года, как она своего добилась: на мартовском Третьем съезде 1990 года Карфаген таки был разрушен, 6 статья – отменена.

КПСС, конечно, продолжала существовать, и способность «аппарата» саботировать Перестройку была по-прежнему велика, в первую очередь потому, что сам инициатор Перестройки не только оставался в рядах развенчанного «аппарата» но и был его лидером, Генсеком. Но, конечно, об однопартийной диктатуре речи больше не было. Победа демократов? Бессспорно. Но какая-то двусмысленная, согласитесь, победа. Тем более что повели они за собой большинство под лозунгом АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИМ,

А. Д. Сахаров

под ленинским популистским лозунгом «Вся власть Советам!».

Никто не сомневается, что выдвинул этот лозунг в 1917 году Ленин именно для того, чтобы *противопоставить* его классическому «буржуазному» канону РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ, без которого демократия существовать не может. Может лишь диктатура. Для Ленина как идеолога диктатуры это само собой разумелось. Но демократы конца XX века, все-таки ставили себе целью *свержение диктатуры*?

Да, для Перестройки лозунг «Вся власть Советам!» был в самый раз: без него немыслимо было развенчание «аппарата». Другое дело ПОСЛЕ революции, после того, как Россия «отвязалась», наконец, от империи и должна была, по идеи, приступить к созданию правового государства. В этой новой реальности перестроечный лозунг был на руку только реваншистам. Тем более что число «перебежчиков» из демократического лагеря в реваншистский увеличивалось не по дням, а по часам. Разочарование в реформах нарастало. И главным убежищем реваншистов становились именно Советы. Одним словом, менять лозунг следовало немедленно.

Вспомним, что только между апрелем и октябрем 1917 Ленин менял этот самый лозунг несколько раз. Но Ленин был гением революционной тактики. Увы, среди демократов 1991 года не нашлось своего гения. И старый лозунг остался в силе и после революции, до самого 1993-го, когда его двусмысленность неожиданно аукнулась трагедией. Именно он ЛЕГИТИМИЗИРОВАЛ вооруженный мятеж хасбулатовского Верховного Совета, и впрямь вообразившего себя ВЛАСТЬЮ, единой и неделимой, и принявшегося УПРАВЛЯТЬ страной вместо того, чтобы законодательствовать. Не нужно быть Сократом, чтобы понять, что из этого получилось. Практически все ведущие экономисты

страны закричали «караул!» после первых же указов Верховного Совета и обратились к президенту с мольбой немедленно остановить разрушение России. Чем это кончилось, всем известно.

Это лишь один из примеров исключительного невезения революции 1991 года. Почти сразу же после ее начала ей пришлось иметь дело со своей Вандеей. Причем располагалась ее Вандея, в отличие от Великой французской революции 1789 года, не где-то на окраине страны, а прямо в центре столицы. И естественно, руководство мятежом тотчас перехватили реваншистские контрреволюционные силы самого худшего, черносотенного пошиба – от Баркашова до Макашова.

Избежать гражданской войны удалось. Но стигма в национальном сознании осталась: при самом своем рождении революция оказалась омрачена стрельбой по «парламенту», который ни минуты не считал себя парламентом («вся власть Советам!»), и «парламентарием», возомнившим себя правительством. Второй, еще более важный, пример невезучести революции как раз и связан с вынесенной в заголовок драмой

А. П. Баркашов

А. М. Макашов

Станислава Шаталина, одного из благороднейших и, увы, невоспетых героев Перестройки.

Несколько слов о Шаталине

Пишу я о нем не только потому, что мы были близки в те неправдоподобно далекие времена, когда мне еще и в голову не приходило, что я когда-нибудь окажусь в Америке, а он, изысканный, насколько возможно это было в СССР, интеллектуал, делал академическую карьеру. Разница между нами объяснялась, по сути, профессией. Я был гуманитарий, историк, а он – блестящий математик-экономист. Мне в брежневские времена светила лишь дорога в самиздат, ему – в Академию наук (математики-экономисты были тогда в цене). Я закончил ко времени нашего знакомства свою «Историю политической оппозиции в России» (обреченную, конечно, быть напечатанной лишь на «Эрике»), а он был на пороге избрания в членкоры РАН.

И все же мы были близки. Даже когда у меня случилась беда: КГБ всерьез заинтересовался, каким образом оказалась моя рукопись в Америке, и я наверняка был «под колпаком», он поделился со мной важным секретом. Такой это был человек, бесстрашный. Вот какой был секрет. Явился к нему доверенный человек от члена Политбюро Г. И. Воронова, умоляя снабдить его какой-нибудь сногсшибательной экономической идеей, способной спасти репутацию его шефа (ходили слухи, что Воронов был на пороге исключения из Политбюро, а Стасик известен был тогда, как своего рода *enfant terrible* научного сообщества). И вот что он ответил: «Признателен за доверие, но ничего, кроме перехода к рыночной экономике предложить не могу». В 1973 году! Я же говорил: такой это был человек.

Родом он был из ультракоммунистической семьи. Отец его был еще при Сталине секретарем Калининского обкома ВКП(б), дядя – секретарем ЦК КПСС. «Я сиживал на коленях у Маленкова, – писал он впоследствии в открытом письме Горбачеву, – слово «plenum» узнал раньше Вас, а в 9 лет увидел пистолет под подушкой у отца». Юность его прошла в годы расцвета советской империи (он родился в 1934), в зрелые годы он ее ненавидел – вместе с революцией, ее

М. С. Горбачев и С. С. Шаталин

породившей: «То, что у нас называют Великой Октябрьской, историки всего мира зовут «авантюрой Ленина и Троцкого» – писал он. – И трудно найти более объективную оценку событию, которое завело нас в исторический тупик».

Обосновывал так: «Если бы Ленин не верил в мировую революцию, – а это было для него и Старым, и Новым заветом, – не случился бы и Октябрь. Если верить Талейрану, это было больше, чем преступление, это была ошибка». Сталинский имперский национализм Шаталин презирал тем более, называл его «философией парвеню, плебейством».

Выход на арену

В отличие от малограмотной публики, руководившей страной после Сталина, Горбачев (во всяком случае, до сентября 1990 года, когда он испугался и окружил

А. Н. Шохин, С. С. Шаталин, Г. Э. Бурбулис, Е. Т. Гайдар. 1992 г.

себя опасными для здоровья людьми, которых Шаталин назвал по-булгаковски «осетриной второй свежести») испытывал почтение к интеллектуалам. В книге «Жизнь и реформы» он рассказывает, как мечтал об «онаучивании управления страной», об «альянсе власти и науки». Удивительно было бы, не обрати тот ранний Горбачев внимание на такого *enfant terrible*, как Шаталин. Тем более что на дворе был не 1973 год, когда одна мысль о переходе к рыночной экономике звучала чем-то вроде оскорблении его величества, а 90-й, когда, по словам самого Горбачева, «против рынка не возражала уже ни одна заметная политическая сила, и страсти переместились в плоскость выбора путей и способов перехода к рынку». А в этих делах авторитет Шаталина был неоспорим.

При первой же возможности Горбачев рекрутировал его в Президентский совет – наряду с такими бонзами, как Евгений Примаков и Аркадий Вольский. Когда Горбачев согласится с одним из лидеров демократов Николаем Травкиным, что «радикальная реформа, на которую нацелил страну Съезд, начинает походить на неспешную штопку прорех в экономике», он продвинет Шаталина еще выше...

Шаталин, однако, оставил верен себе: «Войти в совет я решился, оговорив условие, – если Перестройка пойдет назад, подаю в отставку. Но драться буду по принципу: гвардия погибает, но не сдается». И Горбачев дал ему возможность «погибнуть за Перестройку». Шаталину было поручено возглавить Неправительственную команду для разработки действительно радикальной программы перехода к рынку, вошедшей в историю под именем «500 дней». Это была передняя линия фронта. От успеха его команды зависело быть или не быть Перестройке. И Шаталин засучил рукава...

«Звездный час»

«Когда б Вы знали, – писал он Горбачеву, – с какой радостью, легкостью, очарованием, надеждой и ответственностью работали мы в том блаженном августе 90-го года. Все были равны. И мои сверстники Евгений Ясин, Николай Петраков, и годившийся мне в сыновья Григорий Явлинский, и Алексей Михайлов, который мог быть моим внуком... Вы сами же говорили, что эти «юнцы» – при крайнем саботаже со стороны бывшего председателя Госплана Ю.Д. Маслюкова и бывшего министра финансов В.С. Павлова (сейчас он работает у Вас премьер-министром) сумели за 25 дней совершить, как сказал акад. А.Г. Аганбегян, подвиг, написать программу «500 дней» и проекты важнейших законов, необходимых для ее реализации. Я гордился своей работой, сам совершил чудеса, на которые сейчас уже неспособен».

Это был не только звездный час Шаталина, то, к чему готовился он всю жизнь, для чего, по сути, жил. Многим ли дано в жизни такое – спасти свою страну на краю пропасти, в которую она готова была провалиться? Это был, как многие думали, последний шанс превратить Россию в нормальное европейское государство, то, о чем мечтал почти два столетия назад еще Михаил Михайлович Сперанский. Тогда помешало сопротивление консервативного дворянства, которого император, помня о судьбе убитого отца, боялся смертельно, но сейчас-то, 31 августа 1990 года, когда сам Президент сказал, что предпочитает шаталинскую программу «штопке прорех», предложенной правительством, и сопротивление консерваторов его, казалось, не пугало, что могло помешать?

Единственное, о чем попросил тогда Горбачев, чтоб никто не остался в обиде, провести независимую

процедуру «согласования» «500 дней» с правительственною программой. Уверенный, что «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», Шаталин против процедуры не возражал. Тем более что поручена она было Аганбегяну.

И, конечно же, «спасибо Абелю Гезевичу, он решительно встал на нашу сторону. За три дня методом вычеркивания мы сделали с ним «президентский вариант» программы, который на 95,5 % опирался на «500 дней». Именно на этот вариант и сослался лауреат Нобелевской премии В. В. Леонтьев, когда на большом собрании советских экономистов в честь знаменитого американского соотечественника, на вопрос «Что нам делать?» ответил: «Спросите у вашего Шаталина, он знает, что вам делать». Это было в начале сентября.

Удивительно ли, что программа «500 дней» не оставила камня на камне от своей правительственной соперницы? Она предусматривала легализацию частной собственности, отмену субсидий убыточным госпредприятиям, распродажу в частные руки незавершенных

Е. Г. Ясин

Н. Я. Петраков

Г. А. Явлинский

А. Ю. Михайлов

А. Г. Аганбегян

строек, приватизацию государственной собственности и в ходе ее – поглощение избыточных денег в экономике, и – отмену государственного контроля над ценами (то, что после реформы Гайдара 1 января 1992 года называлось «либерализацией цен»). Надо ли говорить, что ничего подобного в правительственной программе и в помине не было?

То, что случилось несколько дней спустя, прозвучало как гром с ясного неба. Горбачев неожиданно заявил, что предпочитает программу правительства. То есть «штопку прорех». По сути, отказался от реформы. Вот как описывал то, что случилось, сам Шаталин: «Мне казалось, что я хорошо понимал реальный расклад сил в стране, в Верховном Совете именно на тот момент, когда мы выходили с нашей программой. Это была пора подъема демократического национального возрождения, вполне благоприятная для проведения радикальных реформ. Верховный Совет хорошо воспринял нашу

программу, наша команда шла «на выигрыш», и вдруг случился сбой. У «старшего тренера», как оказалось, были другие планы, и не подчиниться ему я не мог. Это как в «договорной» игре, когда полные сил, верящие в свою победу игроки выходят на поле, получив перед самым матчем установку тренера «отдать игру» (пусть читателя не смущают футбольные метафоры Шаталина, он до конца своих дней оставался почетным председателем «Спартака»).

И еще рече: «Я больше не считаю Президента истинным лидером страны». Конечно, для Шаталина это было жесточайшей личной драмой, от которой он, по-видимому, никогда до ранней своей смерти не оправился. Но начинаю я эту книгу с его драмы все-таки потому, что неразрывно переплелась она с драмой великой страны, которую он, один из умнейших и честнейших ее сыновей, попытался удержать на краю пропасти. «Я абсолютно не понимаю позицию Президента», – писал он в феврале 1991 года. А вы, читатель, понимаете? А кто-нибудь из тех, кому вы доверяете, понимает? Короче, недоумение Шаталина превращается в ключевой вопрос его времени: как мог Горбачев, человек, принесший России свободу, допустить, чтобы любимое его детище, Перестройка, обернулась, по выражению А. А. Зиновьева, «Катастройкой»?

Попытки объяснения

Попыток объяснения было немало. Сам «старший тренер», приказавший Шаталину «отдать» практически уже выигранную игру, объяснял свой приказ так: «правительственная программа исходит не только из экономического союза республик, но также из сохранения союзного государства с регулирующими функциями», тогда как «программа «500 дней» фактически исходит

из перспективы прекращения СССР как единого государства». Горбачев забыл добавить, что правительственная программа исходила из фантома, а «500 дней» – из реальности конца 1990 года. А в реальности СССР «с регулирующими функциями» (советской империи в другой интерпретации) просто больше не существовало.

Ну что, спрашивается, могло «регулировать» имперское правительство в прибалтийских республиках, которые уже объявили, о своей независимости, Литва даже юридически? Или в Украине, которая тоже готовилась к референдуму о независимости от СССР, и все опросы неизменно свидетельствовали, что, по меньшей мере, 90 % населения проголосует за независимость? Или в Армении и Азербайджане, которые открыто воевали из-за Карабаха? Или в Ферганской долине, где резали друг друга узбеки и киргизы? Или в Приднестровье, воевавшем с применением артиллерии с Молдовой? Большевики справились с распадом империи. Ценой большой крови и гражданской войны. А все, что мог сделать Горбачев, это уговорить Джорджа Буша выступить в Киеве с речью, убеждая украинцев не отделяться. Тому и по сей день поминают в Америке этот нелепый *chicken Kiev speech*.

Единственное, что реально еще было возможно, чтобы спасти хоть призрачную видимость единства общесоветского пространства, это нечто вроде того, что пытается сейчас воскресить Путин под именем Евразийского экономического союза. Но ведь именно такой «экономический союз **абсолютно суверенных государств**» и предлагала программа «500 дней» (я цитирую Шаталина). И Горбачев как гроссмейстер политической интриги, играющий одновременно на многих досках, не мог не держать про запас и этот вариант. Более того, его-то, «Союз суверенных государств»

(ССР), практически скопированный с шаталинской программы, сам же он и предложил несколько месяцев спустя (его, собственно, и предстояло утверждать 20 августа 1991 года).

Другое дело, что было поздно. Заигрался. «Осетрина второй свежести», окружавшая Горбачева после отстранения шаталинской команды, взбунтовалась и ввела в Москву танки. Но это уже другая история. Здесь волнует нас лишь одно: если не догма о «регулирующих функциях», от которой Горбачев и сам очень скоро отказался, послужила на самом деле основанием его приказа Шаталину «отдать игру», то что?

Может быть, испугала Горбачева бешеная пропаганда реваншистской, национал-патриотической оппозиции, нещадно эксплуатировавшая тотальный дефицит продовольствия и предметов первой необходимости, создавая первое из роковых тождеств, погубивших впоследствии российскую революцию 1991 года: «свобода = тотальному дефициту»? Но ведь программа «500 дней» как раз и предлагала Горбачеву основу для контратаки. С ней он мог бы сказать народу: «Да, Перестройка породила дефицит, но она его и убьет. Совсем еще недолго ждать». А без «500 дней» остался он и вовсе с пустыми руками: последний огонек надежды угас. Да что там – угас, своими руками он его погасил. Почему?

Совпадения?

Устраивают вас, читатель, эти объяснения? Вот и меня не устроили. В конце концов, Горбачев, не убоявшись никакой пропаганды, последовательно и бесстрашно демонтировал инфраструктуру «холодной войны»: отпустил на волю Восточную Европу, согласился на снос Берлинской стены и на воссоединение Германии, даже

на отмену 6 статьи брежневской Конституции, создал шаталинскую команду для радикальной реформы советской экономики – и вдруг на последнем шаге отступил, капитулировал. Перед кем? Перед чем?

Догадка пришла вдруг. 8 сентября 1990 года, т.е. как раз в дни, когда решалась судьба программы «500 дней», генерал-полковник Ачалов, командующий военно-десантными войсками, приказал командирам Тульской, Псковской, Белгородской, Каунасской и Кировабадской воздушно-десантных дивизий выдвинуться к Москве в состоянии полной боевой готовности, Рязанская воздушно-десантная дивизия была введена в столицу. И даже персонал гостиницы «Россия», где проживали иногородние депутаты Верховного Совета и сотрудники администрации Президента РСФСР, внезапно поменялся, исчезли горничные и коридорные, вместо них появились бравые прапорщики в военной форме. И маршал Язов, министр обороны, не смог объяснить смысл всего этого на сессии Верховного совета. Лепетал несуразицу, будто элитные части

В. А. Ачалов

Д. Т. Язов

в полной боевой готовности маневрировали в окрестностях столицы... для помощи колхозникам в уборке картофеля. Для сомневающихся Ачалов добавлял, что рязанцы готовились к ноябрьскому военному параду (в начале сентября? В гостинице «Россия»?)

И едва успел я сопоставить даты, читая в «Развилках новейшей истории России» Е. Т. Гайдара (2011), что *именно* в результате этого странного передвижения войск ***«Горбачев отказался от поддержки экономических реформ*** (курсив автора – А. Я.). После этого крах советской экономики стал неизбежен».

Просто мимолетное замечание, ни подробностей, ни комментариев. Но вспыхнул фейерверк вопросов. Какая связь между передвижениями войск и президентской программой реформы, «шедшей на выигрыш» в Верховном Совете – и вдруг «отдавшей игру»? Я понимаю Шаталина, который расценил внезапный поворот Горбачева как предательство («Я больше в команде Горбачева не играю», заявил он на всю страну). Я понимаю Горбачева, озабоченного «регулирующими функциями». Но маршал Язов-то тут причем? Где имение и где вода? Предупреждение Горбачеву? Но зачем? О своей должности он мог и сам позаботиться. Или наоборот, предупреждение Верховному Совету – в поддержку Горбачеву? Но и тут он бы сам справился.

Я нарочно погружаю читателя в лабораторию своей мысли, чтобы объяснить, почему не сходились концы с концами. Должно было быть еще что-то третье, касающееся непосредственно военных и заставившее генералов пойти на столь экстраординарный шаг. Но что? Только после того, как я в очередной раз внимательно вчитался в текст «500 дней» и сопоставил его со всей внешней политикой Горбачева, забрезжила у меня гипотеза. Очень спорная, неуверенная, но все-таки

заслуживающая, я думаю, рассмотрения. Хотя бы потому, что почти четверть века прошло с той поры, практически все участники событий уже «отписались», свои версии представили, но ничего подобного я у них не нашел.

Гипотеза

Сначала о внешней политике Горбачева. Не все в тогдашней Москве верили в добрую волю Запада, не говоря уже о перспективе превращения СССР в нормальную европейскую страну. «Если Россия станет когда-нибудь чем-то вроде Франции, – говорил почти за столетие до «холодной войны» классик русской националистической мысли Константин Леонтьев, – зачем мне такая Россия?» А уж после полувека «холодной войны»... Не могло же это настроение, согласитесь, испариться бесследно. Особенно в сознании людей, потративших на «холодную войну» жизнь. Я имею в виду большинство генералов, чекистов и директоров ВПК, главных спонсоров национал-патриотической оппозиции, для которой вся политика Горбачева сводилась к тому, что он «продал и предал» великую Державу, перед которой трепетал мир. И логично для них поэтому было держать за пазухой камень. На всякий случай. Камень этот назывался «Паритет».

Воспрепятствовать Горбачеву они не могли, до времени не могли: страна была за ним. Он мог демонтировать инфраструктуру «холодной войны», мог «сдавать» врагу, пардон, партнерам завоеванное кровью наших солдат, **но** – на паритетных началах, т.е. в присторечии «я тебе, ты мне», по-купечески. «Сдал» он, допустим, Берлинскую стену, разрубившую надвое столицу другой великой страны, а в компенсацию

получил что? Шиш. Это было не по-купечески. Этого и сегодня не простили Горбачеву «хранители русской духовности», националистические крикуны. Для серьезных людей, для генералов, важно было другое: паритет военный. Это было святое. Отнять его у них равнялось бы тому, что отнять у «аппаратчиков» однопартийную диктатуру.

Нет слов, паритет этот был нелеп и разорителен для страны с экономикой вчетверо меньшей американской. А ведь СССР должен был поддерживать военный паритет не только с Америкой, но и со всеми ее союзниками. Да еще держать 40 дивизий на китайской границе. Для брежневского СССР это безумие было императивом. До поры до времени нефть выручала. Но когда в конце 1985 года цена на нефть обвалилась, бюджет затрещал по швам. Паритет оказался непосильным для страны. Да в ситуации Перестройки, собственно, и ненужным. Особенно после того, как Горбачев «сдал» Берлинскую стену. Запад относился к реформирующемуся СССР не просто дружественно – с восторгом. До такой степени, что отрядил американского президента агитировать за его сохранение. Мало того, 15 октября 1990 года Горбачев был удостоен Нобелевской премии мира именно за то, что покончил с конфронтацией между СССР и Западом.

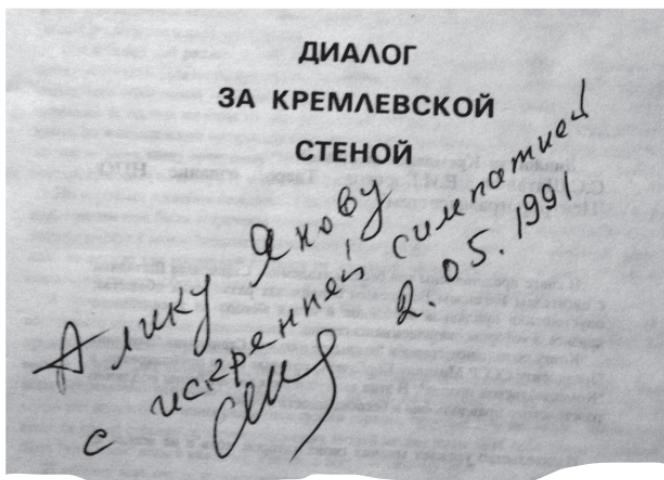
Как видите, вопреки сегодняшним пропагандистам, все-таки кое-что получил Горбачев за «сдачу» этой паршивой, позорной стены. Например, теперь можно было отказаться от опустошающего бюджет и разоряющего страну военного паритета. **Но...** И тут начинается самое интересное: НЕ ПОСМЕЛ Горбачев, сколько я знаю, отказаться от этой «священной коровы» ВПК и генералов, даже когда нужда в ней отпала напрочь, и страна разорялась.

Нет, он никогда не отказывался от возможности сократить вооружения, он с энтузиазмом за нее хватался

и сам предлагал. Однажды даже чуть не уговорил Рейгана полностью отказаться от ядерного оружия (не могу даже предположить, что стал бы теперь делать Путин, если бы удалось это тогда Горбачеву: ведь это лишило бы нынешнего президента РФ его единственного козырного туз). Но все это – лишь на основе строгого паритета. Мы сокращаем – и вы сокращайте! Словно в одной этой области «холодная война» никогда не кончилась. Странно – вы не находите? – для человека, без колебаний сокрушившего ее во всех других областях. Так чем объяснялась эта странность?

Не очень, как и его генералы, верил в добрую волю Запада и держал камень за пазухой? Или, как полагал Шаталин, нашептывали Горбачеву всякие ужасы «аппаратчики» (отсюда его рекомендация «немедленно отказаться от поста Генерального секретаря ЦК КПСС» и предположение о «мистической подозрительности к демократам»)? Или, наконец, из самого тривиального СТРАХА перед этими генералами?

Так или иначе, авторам шаталинской программы горбачевские страхи были до лампочки, и одной из их

главных мишеней как раз и было существенное сокращение военных расходов, безжалостно СОКРУШАВШЕЕ паритет.

Так не предупреждением ли генералов, что ЭТОГО армия не допустит, была сентябрьская мобилизация элитных частей на уборку картофеля? И не его ли опасался Горбачев, наспех похоронив программу «500 дней»? Не того ли, то есть, что и впрямь произошло год спустя? О танках в Москве я говорю. Уверены вы, читатель, что Горбачев повел бы себя в этом случае, как повел себя 19 августа 1991 года Ельцин? Можете вы представить себе Горбачева на броневике?

Такая вот гипотеза.

Послесловие

Задумана была эта глава как рассказ о драме Перестройки, одной из печальнейших в русской истории XX века повестей, давшей нам возможность и вдохнуть глоток европейской свободы, и почувствовать, как хрупка и уязвима она в России, эта свобода. Показать это хотел я через драматическую судьбу одного человека, которому судила история стать ключевым персонажем Перестройки. Судьбе Станислава Сергеевича Шаталина и посвящена, собственно, львиная доля этого текста. Добавлю лишь, что его как раз я вполне могу представить себе на броневике. Бесстрашный был человек, да будет земля ему пухом.

Но – надеюсь, Стасик, где бы он сейчас ни был, простит мне это – как-то помимо моей воли ворвалась в текст и стала в нем центральной судьба другого человека, самого инициатора Перестройки – Михаила Сергеевича Горбачева, со всеми его играми и страхами, со всеми вопросами, на которые он не сумел найти ответов. Наверное, нельзя писать о Перестройке,

отделавшись от Горбачева дежурными словами. Громадная фигура, наравне с великими историческими неудачниками, как Сперанский или Александр II.

Да, вопросы остаются. Главный герой моей повести ушел, так и не узнав на них ответа. Да и мы можем их, эти ответы, только предполагать. Пока что. Потому и не стал я ничего менять в этом тексте.

Глава 3

КОМУ НУЖНА БЫЛА ПЕРЕСТРОЙКА?

П охоже, мы настолько увлеклись жаркими экономическими баталиями за выживание Перестройки, что совсем забыли о том, как поживал на закате СССР сам главный герой (или героиня, если хотите) всего нашего предприятия – Русская идея в ее советской инкарнации. Речь, конечно, о Русской партии, как она сама себя назвала. Мы оставили ее во второй книге в начале 1980-х измельчавшей, растерявшей идеалы своего героического оппозиционного прошлого, все дерзкие проекты своих «шестидесятников». Больше и слышать она не хотела ни о «вооруженном свержении коммунистической олигархии», подобно ВСХОН, ни о географическом отделении от этой олигархии в полупустой Сибири, подобно «Вече», ни о «православном возрождении», к которому звал ее Солженицын. Теперь она пробавлялась, как мы помним, главным образом доносами в «родной Центральный комитет» и ни к чему, кроме «ключевых постов» в советской империи, больше не стремилась.

«Посты», как уверены были ее идеологи, могли – по мере вымирания кремлевских старцев – достаться только ей. Просто потому, что никаких других кандидатов на них не было. Не горстке же «сионистующих», в самом деле, доверят народ и партия сохранить «величие державы». Что до состояния экономики страны, оно интересовало Русскую партию меньше всего. В этом она ничего не понимала – и не хотела понимать. То был удел «сионистующих», какого-нибудь Леонида Абалкина или Станислава Шаталина, которых она не уставала разоблачать. В этом и состояла первая ошибка национал-патриотов: они были убеждены, что

СССР и Госплан – это навсегда. Так и проморгали катастрофический упадок империи.

Вот эта идейная пустота и сделала Русскую партию с началом Перестройки легкой добычей фашистующей черносотенной **«Памяти»**, из рядов которой вышли вожди реваншистской оппозиции, вроде Александра Дугина или Александра Баркашова (не говоря о десятках других, менее известных «памятников»). На первых порах эти новые и не скрывали своей политической ориентации. Довольно вспомнить громкое интервью Баркашова, в котором он объявил себя «национал-социалистом, из тех, кого на Западе называют наци» или мрачные проповеди Дугина, которого даже Кургинян публично называл фашистом, чтобы понять, как бесславно закончила свои дни Русская партия.

Вторая ошибка

По версии пришедших ей на смену реваншистов, именно этим вакуумом, созданным кончиной Русской партии, растворившейся в подброшенной с Запада **«Памяти»**, и объясняется неожиданное – и массовое – явление на политической арене Перестройки неизвестно откуда взявшимся демократов. И в самом деле, как «в стране с четырьмя сотнями диссидентов, две трети из которых были агентами КГБ, образовались вдруг какие-то «народные фронты» с сотнями тысяч членов»? (Ю. Мухин). Откуда вообще в России Перестройка? Кому, кроме этой жалкой диссидентской тусовки, она нужна была?

Ну, Западу, это само собой: «расчленение России было стратегической целью Запада на протяжении веков» (С. Лебедев). В. В. Путин в недавнем Послании Федеральному собранию назвал то же самое более

скромным термином «сдерживание». Дескать, стоит России подняться с колен, и «наши западные партнеры» тотчас бросаются ее «сдерживать». Поэтому, должны были понять его слушатели, связаны санкции вовсе не с тем, что происходит на Украине, а именно со «стратегической целью Запада». Не будь Украины, придумали бы что-нибудь другое. Национал-патриоты, однако, дипломатическим протоколом, в отличие от Путина, не связаны и режут правду-матку.

И уж, во всяком случае, в том, что прикончившая Русскую партию **«Память»** была сознательно подброшена в советскую политическую жизнь какими-то внешними силами, чтобы скомпрометировать «патриотов», они, как мы помним, не сомневаются. Разногласия касаются лишь того, какие именно силы ее подбросили. Впрочем, «неважно, кто именно «вел» памятников – КГБ, ЦРУ, МОССАД или все вместе – дело было сделано» (С. Лебедев).

В этой версии масса противоречий. Трудно, согласитесь, допустить, что ЦРУ или МОССАД сотрудничали с реваншистским КГБ. Тем более что цели их были противоположны: КГБ пытался сохранить империю, а те видели в ней угрозу миру. Еще труднее объяснить, почему те же национал-патриотические идеологи с питетом относятся к такому, скажем, «подброшенному памятнику», как Дугин (ныне авторитетный член Изборского клуба). Даже «наци» Баркашова и поныне трактуют ведь они как героя Октябрьского контрреволюционного мятежа 1993 года. Вяжется это с их «подброшенностью»? Впрочем, в отличие от слушателей В. В. Путина, прекрасно понимают эти идеологи, что одной «стратегической целью» объяснить конкретные действия Запада нельзя. Нужно что-то еще, более актуальное и существенное. Мы скоро увидим, что именно имеют они в виду.

Но главное даже не в этом. Главное в их уверенности, что Россия по самой своей природе страна, как сказали бы сейчас, уралвагонзаводская, антилиберальная. И поэтому массовое существование в ней либеральной общности, насчитывающей не сотни тысяч, а миллионы, иначе говоря, другой по сути, европейской России, невозможно, думают они, по определению. Здесь вторая, возможно роковая для них, ошибка национал-патриотов. Потому, что эта другая Россия присутствует здесь, как свидетельствует история, наряду с уралвагонзаводской, всегда. И стоит лишь ВЫНУТЬ У НЕЕ ИЗО РТА КЛЯП, как очевидно становится, что она не только присутствует, но и возглавляет движение страны к свободе. Вспомните хоть Великую реформу в середине XIX века или Февральскую революцию в начале XX.

Об этом мы и поговорим сейчас подробнее. Однако вопрос, который поставили национал-патриоты: «Кому нужна была перестройка?», тоже нельзя просто раскассировать. Что Перестройка со своей гласностью (а гласности даже в Китае не избежали, у них она, правда, закончилась Тяньаньменем) нужна была, как глоток свежего воздуха, диссидентам – понятно. Но нужна ли она была России?

О европейской России

Это правда, что Петру пришлось воссоздавать европейскую элиту страны с нуля, силой – московитское столетие не прошло даром. Страна закостенела со своим русским богом и Кузьмой Индикопловом еще больше, чем закостенела она в советские времена с их «социалистическим выбором». Правда и то, что даже «две-три непоротых поколения» спустя после Екатерины, по выражению Н. Я. Эйдельмана, декабристы были все

еще «далеки от народа». Но так стремительно развивалась после них европейская Россия, что уже Николаю I пришлось воздвигать против нее жандармские плотины. Едва он умер, однако, плотины были прорваны. И уже в 1856 году, с первым дуновением гласности, откуда-то, как из-под земли, зазвучали вдруг громкие голоса полузадумчивой при Николае европейской России. И в стране, где диссидентов вообще не осталось, всех извело III отделение Его Императорского Величества канцелярии (Федор Достоевский, между прочим, был одним из тех, изведенных, томился в «мертвом доме»), оказалось их неожиданно много, этих русских европейцев.

И все они говорили, писали, требовали, предлагали проекты реформ, торопились спасать страну, униженную, доведенную крымской катастрофой до края. Вот вам, пожалуйста, беспристрастный свидетель. Я его, кажется, уже цитировал. Но это ничего, Льва Толстого, пусть тогда еще молодого, стоит послушать снова: «Кто не жил в 1856 году, тот не знает, что такая жизнь. Все писали, читали, говорили, и все россияне, как один человек, были в неотложном восторге». В восторге от чего? Не от крушения ли жандармских плотин? Не от внезапно ли открывшейся возможности помочь стране? Такая уж она, эта европейская Россия: если ей не затыкают рот и нужно спасать страну, она вдруг становится силой и бросается на помощь отечеству. Это лишь один пример, из тех, которые не дано понять национал-патриотам.

Еще через полвека сумела европейская Россия стать правительством страны, пусть лишь на несколько месяцев, пусть неудачно (я пытался в первой книге «Русской идеи» подробно объяснить почему); но стоит сравнить ситуацию Временного правительства, пришедшего к власти на волне ОБЩЕНАРОДНОЙ

революции, с ситуацией декабристов, чтобы не осталось сомнений в том, какой почти невероятный путь прошла за одно столетие европейская Россия. Что ж удивляться возникновению «народных фронтов» во времена Перестройки? Они просто не могли не возникнуть, едва Горбачев вынул изо рта европейской России гебешный кляп.

Так или иначе, проку нам (т.е. читателям и мне) от реваншистских идеологов нет даже в качестве оппонентов: они не помогут нам разобраться в том, что происходило в стране во времена Перестройки. Во всяком случае, от тех нет нам проку (а их 99,9 %), что понятия не имеют об истории отечества.

Летописец

Представьте теперь мою радость, когда на этом сером фоне обнаружилось вдруг яркое пятно: реваншистский идеолог, **ЗНАЮЩИЙ ИСТОРИЮ!** Надеюсь, читатель простит мне, если я посвящу этому летописцу национал-патриотизма несколько слов так же, как посвятил их Шаталину. Конечно, разница есть. С Шаталиным знакомы мы были лично, тогда как с автором книги *Русские идеи и русское дело* Сергеем Викторовичем Лебедевым (речь о нем) знакомы мы лишь заочно: он читал мои книги, я – его, я цитировал его тексты, он – мои. Не сказать, чтобы комплиментарно, но уважительно.

Лебедев считает, что из соотечественников, «ставших западными экспертами, наиболее знаменит и плодовит А. Янов». В том числе потому, что «именно им был пущен в оборот термин **Веймарская Россия** как аналог России ельцинской». И вообще потому, что «в целом Янов действительно попытался оценить национальную оппозицию более основательно, чем западные и российские западнические эксперты». Я тоже

скажу, что С. В. Лебедев, не в пример большинству его единомышленников, – человек неординарный, д-р философии, даже заведующий кафедрой. Правда, в заведении, именуемом Институтом русской цивилизации и известном, разве что «профессиональным патриотам». Важнее, однако, как следует из подзаголовка его книги («Национал-патриотическое движение в прошлом и настоящем»), пишем мы об одном и том же.

Верно, все, о чем пишет он со знаком «плюс», для меня «минус». И наоборот. Например, он уверен, что национал-патриот – это звучит гордо: «оскорбительная кличка стала почетным наименованием». Может быть, в Институте русской цивилизации и стала, но боюсь, что среди нормальных людей, с которыми я общаюсь, как было это оскорбительной кличкой, так и осталось. И едва познакомимся мы с программой национал-патриотов, как формулирует ее их летописец, нетрудно будет понять, почему. Вот его краткое описание этой программы.

«Государственный патриотизм, единая и неделимая Россия в границах СССР или, на худой конец, государственный союз России, Белоруссии и Украины плюс населенные русскими регионы бывших союзных республик ... Возвращение России имперского величия, Запад традиционно воспринимается как естественный враг России». Обратите внимание на «Россию в границах СССР». Значит, и Таджикистан – это Россия? И Киргизия? А как же, единая ведь и неделимая! В мое время

С. В. Лебедев

это называлось реваншизм. Я еще помню, как яростно, с пеной у рта обличала в реваншизме советская пропаганда немцев, стремившихся всего лишь к воссоединению своей разделенной Берлинской стеной страны.

И нисколько ведь, помнится, не возражали тогда национал-патриоты против этой оскорбительной клички. С какой, мол, стати смеет какая-то вшивая Германия претендовать на статус единой и неделимой? А Россия, выходит, смеет? Что не позволено быку, то позволено Юпитеру? Но если русский национал-патриотизм всего лишь синоним, если верить летописцу, реваншизма, то почему бы, собственно, перестать ему быть оскорбительной кличкой?

Бог с ним, однако, с Таджикистаном. Это так, для красного словца, чтобы сохранить преемственность с «белыми» национал-патриотами, именно под знаменем «единой и неделимой» сражавшимися в свое время в гражданской войне. Важное – в другом. В том, что «на худой конец». Он как раз и требует вооруженного вторжения на территорию независимых государств, как Украина и Белоруссия, и насильтственного расчленения других, как Казахстан, Латвия, Эстония, Литва и Молдова. Но что, если все эти государства воспротивятся вторжению и расчленению? Война? В центре Европы? В XXI веке? Война ради «возвращения России имперского величия»? Ей-богу, фантасмагория какая-то, заставляющая усомниться в здравом рассудке людей, придумавших такую программу. Порождает ведь она тьму вопросов, на которые нет у них ответов.

По силам ли сегодняшней России бросить вызов сразу семи государствам? И если даже по силам, спрavitся ли она с партизанской войной столь гигантских масштабов? Тем более, если Запад, экономическая и военная мощь которого во много раз превосходит

российскую, «воспринимается как враг»? А что, если он просто не позволит России такую беззастенчивую агрессию? Шантажировать его ядерным оружием, которое Украина и Казахстан отдали ей именно в обмен на свою территориальную целостность? Порвать все международные договоры? И вдобавок еще рискнуть коллективным самоубийством? Но спросили ли национал-патриоты у своего народа, согласен ли он на самоубийство ради «имперского величия»?

Право же, тут одно из двух: либо национал-патриоты, как представляет их нам летописец, разучились считать (такое тоже в русской истории бывало, разучились же некогда считать московиты, уверенные, что «богомерзостен перед Богом всякий, кто любит геометрию»), либо они попросту обманывают свой народ. Но поскольку сейчас все-таки не XVII век, а XXI, придется нам остановиться на второй гипотезе.

Тем не менее, я рад, что в предстоящем нам путешествии по событиям Перестройки и ельцинской России будет нас, как тень, сопровождать летописец реванша. Факты он знает, только вот видит их, как в треснувшем зеркале, искаженными до неузнаваемости. Полезно, тем не менее, согласитесь, иметь возможность всю дорогу сверять свои интерпретации с мнением знающего оппонента.

Их версия Перестройки

«К середине 80-х годов XX века, – сообщает нам Лебедев, – советская система была крепка, как никогда. Отношение народа к ней можно охарактеризовать, как ворчливое удовлетворение. Сверхдержавный статус страны вызывал чувство законной патриотической гордости». Но позвольте, вынужден я перебить летописца, каким же тогда образом «крепкая, как

никогда» система развалилась на куски всего шесть лет спустя?

Летописца, однако, каверзный этот вопрос нисколько не смущает. «Крушение СССР, – объясняет он, – стало возможным из-за предательства советской правящей верхушки». Той самой, простите, «верхушки», которая накануне Перестройки сделала СССР «крепким, как никогда»? Это-то зачем ей, злодейке, понадобилось? Не сходятся тут как-то концы с концами. Но это лишь первый из парадоксов реваншистской версии Перестройки. Второй еще загадочнее. Решив сперва разрушить СССР, предательская «верхушка» очень быстро, оказывается, передумала и устроила путч, даже танки ввела в Москву, пытаясь спасти империю от разрушения. Против кого же, спрашивается, устроила она этот путч? Против самой себя, предательницы?

Тут читатель, боюсь, уже окончательно сбит с толку. Но летописец твердо стоит на своем: «Советская партийная и хозяйственная номенклатура, давно уже не верившая в идеалы коммунизма, стремилась завладеть той собственностью, которой руководила». Выродилась, выходит, коммунистическая номенклатура, устремилась в объятия капитализма, с которым на протяжении десятилетий вела – по непонятной в таком случае причине – «холодную войну», транжирия миллиарды на вооружения. Тем более это странно, что, если верить летописцу, не верила она в идеалы коммунизма «давно уже», т.е. задолго до Перестройки.

Никаких доказательств ее предательства, правда, не приводится. Единственное, на чем сосредоточился летописец, – это трудности, с которыми столкнулась в своих злодейских замыслах номенклатура. Трудности и впрямь были впечатляющие: «для смены такой идеологизированной системы, как советская,

недостаточно было просто принять решение Политбюро. Необходима была «народная» антикоммунистическая революция».

Но как, спрашивается, провернуть такую нешуточную операцию в стране, где антикоммунистов-то было – раз-два и обчелся: «несколько десятков диссидентов, занятых исключительно писанием воззваний на Запад и доносов в КГБ друг на друга»? Думала-думала номенклатура – и придумала. И все оказалось просто: «достаточно, при помощи СМИ, провести массированную промывку мозгов населения, убедить его, что «так жить нельзя», а затем провести «реформы» по изменению системы». Так и поступили. Привели к власти «болвана, неспособного управлять страной» и «готового прорвать ее даже не за тридцать серебряников, а за медный грош», тот объявил гласность – и «процесс пошел», в мгновение ока страна стала антикоммунистической. И – распалась. Похоже, имеем мы здесь дело как раз с тем случаем, когда полуправда хуже лжи.

Как бы то ни было, такова реваншистская версия Перестройки. Ее вердикт ясен: нужна она была предательской номенклатуре, включая гебешную и армейскую (о последних подробно во второй книге) и организована специально для разрушения «великой державы».

Я не уверен, что версию эту есть смысл всерьез оспаривать. Тем более что ни единого документального свидетельства, и вообще какого бы то ни было свидетельства в ее подтверждение, не приводится; противоречий в ней полна коробочка (иные из них мы по ходу изложения упомянули); и вульгарной конспирологией несет от нее за версту. Но главное, у нас есть масса документально подтвержденных свидетельств, что на самом деле обстояло все несопоставимо сложнее и драматичнее. Вот к этому мы сейчас и перейдем.

«Комиссия Кириллина»

В 1978 году, вероятно, под впечатлением реформ, начавшихся тогда в Китае, Политбюро поручило председателю Комитета по науке и технике акад. Кириллину создать комиссию, чтобы присмотреться к тому, что происходит в советской экономике. В комиссию вошли 18 высших чиновников, даже президент Академии наук, но основную работу делал, конечно, ЦЭМИ, тот самый институт, заместителем директора которого был Шаталин. В историю она вошла как «комиссия Кириллина» (КК). Много нового для себя узнали из ее работы кремлевские старцы (итоговый документ был, ясное дело, под грифом «секретно»).

Перескажу некоторые «открытия», из которых, между прочим, следует, что – вопреки национал-патриотической версии – не только не был СССР к середине 1980-х «крепок, как никогда», он был в глубоком, почти катастрофическом упадке. До конца 70-х рост его экономики обеспечивался двумя вещами: вовлечением в производство дополнительной рабочей силы и сказочными нефтяными богатствами Самотлора, «кислородной подушкой», продлившей агонию империи на десятилетие. Так вот, главные открытия КК состояли в том, что возможности вовлечения в производство дополнительных трудовых ресурсов исчерпаны, а цены на нефть, как поднялись, могут и упасть (представьте, что и это было для кремлевских старцев открытием).

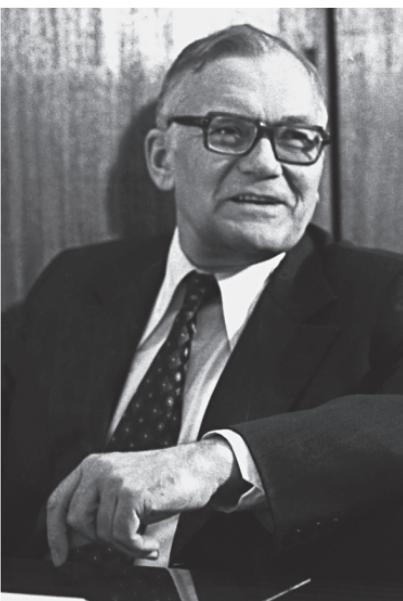
Так или иначе, означало это, что отныне рост производства обеспечиваться может лишь за счет роста производительности труда. А темпы этого роста снижались с ошеломляющей скоростью. Если в восьмой – «косыгинской» – пятилетке (1966-1970) составлял он 6,8 %, то в заканчивавшейся десятой (1976-1980) – уже

лишь 3,8. А имея в виду ухищрения Госстата и неизбежные «приписки», скорее всего, производительность труда не только не увеличилась, а ушла в минус. Как бы то ни было, брежневская система балансировала на грани рецессии, что угрожало самому ее существованию, поскольку единственной ее надеждой оставались высокие цены на нефть.

В первую очередь потому, что устроена она была по принципу, можно сказать, сообщающихся сосудов: «продаем нефть – покупаем продовольствие». На какие шиши заполнять второй сосуд, если опустеет первый? – таков был фундаментальный вопрос, который поставил перед Кремлем «комиссия Кириллина». С тем, что телефонов в СССР было в десять раз меньше на тысячу населения, чем в Америке, а компьютеров в сто раз меньше, система могла жить. Даже с тем, что в 30 % городов

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин

Академик В. А. Кириллин

и в 60 % поселков НЕ БЫЛО КАНАЛИЗАЦИИ, с «удобствами во дворе» то есть, жить можно было.

Хуже, что в 1978 году «53 % сбережений трудящихся образовалось в результате неудовлетворенного спроса», иначе говоря, что наступила эпоха «подавленной инфляции», известной в просторечии как **дефицит**. Но и с этим можно было жить – народ терпеливый, и без канализации и с «деревянным» рублем поживет. Но вот оставить его без хлеба и без мяса (не забудьте, что импорт продовольствия рос как на дрожжах, в 1985 году закупалось уже не 2,2 млн. тонн зерна, как в 70-м, а 45,6 млн. тонн, мяса не 165 тыс. тонн, а 857 тыс.) – этого не простит. А тут валюта нужна, где ее взять, если подведет нефть? На этот вопрос ответа не было.

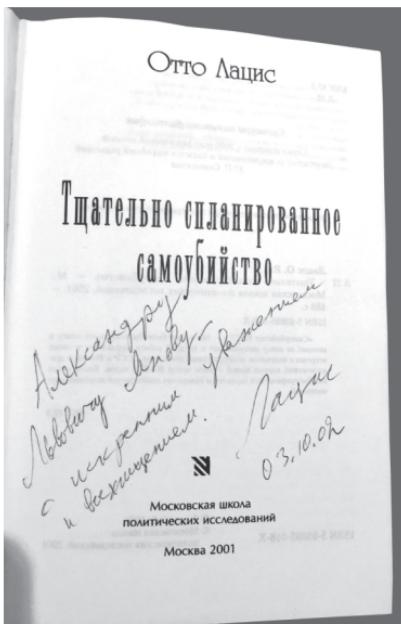
5 сентября 1979 года первый вариант доклада «комиссии Кириллина» представлен был Политбюро. Вот тогда и должна была начаться Перестройка. Еще оставалось время для маневра, еще на полную мощь работал Самотлор, еще высоко стояли цены на нефть, еще у страны практически не было внешнего долга. Но... не нашлось в СССР своего Дэн Сяопина. Никто наверху не смел произнести слова «рынок» и «частная собственность». Даже десятилетие спустя, когда уже рухнули нефтяные цены (и не на 40 %, как в 2014, а вдвое) и растаял, как дым, золотой запас, и страна была в долгу, как в шелку, Горбачев все еще говорил о «социалистическом выборе» и о «коммунистической перспективе». Могло ли быть иначе в 1979-м?

Короче, позволили кремлевские старцы чиновникам этот первый вариант доклада утопить. Вот типичный аргумент «против». Председатель Госплана СССР Николай Байбаков: «Главным недостатком доклада является отсутствие передового опыта советских предприятий и организаций и уделено слишком большое место опыту США и Японии... Доклад исходит из

опыта капиталистической системы и не может принести пользы в условиях социалистического способа производства». Надо ли говорить, что второй вариант доклада был выхолощен и острота поставленной в нем проблемы снята?

В заключение процитирую еще одного замечательного своего товарища по оружию, покойного – будь земля ему пухом – Отто Рудольфовича Лациса, русского Европейца с большой буквы.

Вот что писал он об этой упущеной возможности Перестройки. «Историки, исследовавшие гибель «Титаника», считают, что пароход с такими габаритами и скоростными возможностями был обречен уже в момент, когда вышел в море без радиолокатора, имея лишь впередсмотрящего матроса. Советский Союз брежневских времен был в еще более безнадежном положении.

О. Р. Лацис

Радиолокаторы на борту были, об опасностях знали тысячи людей. Но не было капитана, способного воспринять жизненно важную информацию. Существовавшая политическая система утратила способность предохранять страну от катастроф. Поэтому система была обречена на гибель, но погибнуть она могла только вместе с государством».

Выбор

Вот вам второй ответ на вопрос: «Кому нужна была Перестройка?» Она нужна была стране для «мягкой посадки», для примирения с миром, для того, чтобы зажить, наконец, после моровых советских лет по-человечески, чтобы выжить с достоинством. Хотя бы в формате ССР, т.е. союза суверенных республик, как предложил в 1990 году Шаталин, а в 91-м, когда было уже окончательно поздно, и сам Горбачев.

Да, СССР переставал быть в этом случае империей и сверхдержавой, перед которой трепетала Европа. Да, любой из членов конфедерации мог бы при желании с ней «развестись». Но страна не пережила бы кошмарную травму распада, обнищания и беспредела. И каждая из составляющих ее суверенных республик могла бы стать тем, чем ей хотелось. Одни стали бы нормальными европейскими государствами, членами ЕС, раз и навсегда покончив с произволом власти, другие – хоть средневековыми ханствами. Одни двинулись бы в XXI век, другие – в XVII. Вольному воля.

А «развод», что же в нем страшного? Вот Словакия не пожелала жить в одной стране с Чехией. Ну и «развелись», цивилизованно, по-европейски, кому от этого стало хуже? Для этого, правда, понадобилось, чтобы в Чехословакии победили либералы, чтобы там произошла Перестройка, чтобы президентом стал бывший

диссидент Гавел, – и «развод» прошел мирно, без путей, без гражданской войны, без крови.

Другое дело – сербская мини-империя, известная под именем Югославии. Там победили национал-патриоты, и бывший коммунистический лидер Милошевич предпочел вместо Перестройки объявить своей целью реванш, воссоздание «Великой Сербии» – и полилась кровь. «Развод» все равно произошел, как и в Чехословакии, но «по национал-патриотически» – с вооруженным вторжением в соседние республики, со всеми ужасами гражданской войны, с трупами, плывущими по Дунаю. Результат? Ну, примерно такой же, какой был бы в СССР, победи в августе 1991-го реваншисты, только в мини-масштабе: в десятимиллионной стране 100 000 человек погибло, 2,5 миллиона стали беженцами.

В СССР «капитан» Горбачев оказался похуже Гавела, но куда лучше Милошевича. Перестройку он провел, но до конца, до демократической революции, довести не сумел. Без путча и малой крови, во всяком случае – несопоставимо малой по сравнению с югославской, не обошлось, но кошмар гражданской войны избежать удалось. Время, однако, было не на его стороне. Кто знает, начнись Перестройка в конце 70-х, после доклада «комиссии Кириллина», когда еще не было поздно, страна, может быть, избежала бы и травмы распада. Так что большая часть вины лежит все-таки на прежних «капитанах», выведших свой Титаник в море, пренебрегая радиолокаторами.

Такова была точка зрения Лациса. Моя тоже. Но вот реваншисты предлагают совершенно другую точку зрения. Они, как мы видели, уверены, что «к середине 80-х годов XX века СССР был крепок, как никогда». И никакая Перестройка никому, кроме его предательской «верхушки», была ни к чему. Правда, ни одного

экономического аргумента в пользу этого утверждения я никогда от них не слышал. Тем не менее, такова официальная идеология Изборского клуба, их главного интеллектуального центра, в рядах которого, между прочими реваншистами, и советник президента РФ С.Ю. Глазьев. С выбором между двумя этими версиями того, кому нужна была Перестройка, и оставляю я читателя.

Глава 4

РАСКОЛ ПРАВЯЩЕЙ ПАРТИИ

Я понимаю, что на исходе 2014 года, в разгар массовой патриотической истерии и жесточайшего упадка духа, своего рода надира, европейской России, то, что я сейчас скажу, может показаться невероятным. Но это факт русской истории. На протяжении трех лет Перестройки, начиная с Октябрьского пленума ЦК КПСС 1987 года, где сбивчиво выступил против Лигачева, а потом каялся Ельцин, и до июля 1990-го, когда будущей зюгановской КПРФ удалось возродить свою партийную иерархию (тогда она называлась РКП), массы, те самые массы, на которые сегодняшние русские европейцы машинали рукой, были их *реальной опорой* в борьбе против «аппарата».

Под «аппаратом» имеется в виду, понятно, партийная бюрократия, присвоившая себе государственную власть в стране и изрядно за последние семьдесят с лишним лет всем надоевшая. Та самая

Антикоммунистический митинг в Москве 4 февраля 1990 г.

номенклатура, которую национал-патриоты обвинят впоследствии в предательстве «великой державы» и которая на самом деле дралась за эту державу до последнего патрона. Чтобы представить ее себе, достаточно вспомнить, что представителей научной и творческой интеллигенции было среди делегатов Учредительного съезда РКП меньше 9 %, партийных работников 42,6 %, а всего сотрудников аппарата управления 68,8 %. Своего рода офицерская Добровольческая армия времен гражданской войны. Только состоявшая не из отчаянных мальчиков из хороших семей, тайком пробиравшихся на Дон, а из прожженных аппаратных волков со всех концов «тайги», как назвал свою страну В. В. Путин.

Короче говоря, вопреки утверждению летописца реванша, стояли друг против друга в 1990 году не одна, а ДВЕ партийные элиты, и исход их поединка решали именно массы. Сама даже мысль о необходимости второго, параллельного, «аппарата» пришла реставраторам в голову после сокрушительного поражения, которое нанесли им эти беспартийные массы на первых же альтернативных выборах в марте 1989-го. Но это требует небольшого предисловия.

Шахматная комбинация генсека

Еще летом 1988 года на XIX партконференции Горбачев, стремясь ослабить свою зависимость от «аппарата», разыграл изящную комбинацию, которую никто в то время не понял. Я имею в виду решение о совмещении должностей партийных и советских руководителей областей и краев. Мотивировка была такая: партийные руководители должны быть подконтрольны беспартийным массам – не пройдешь в руководители Совета, не станешь и секретарем обкома партии. Не

выберут на Съезд народных депутатов, останешься у разбитого корыта.

«Обычная демагогия» – сердилась партийная интеллигенция (любимое выражение Отто Лациса, который и сам успел побывать в перестроечные времена и первым заместителем главного редактора «Коммуниста», и членом ЦК). Какие беспартийные массы? Да для всех этих доярок и слесарей-монтажников секретарь обкома, хозяин области, был царь и бог, и воинский начальник. ОНИ его будут контролировать? Аппаратчики посмеивались, сочли блажью генсека.

А несколько месяцев спустя грянули выборы на Съезд. И все ахнули. Горбачев и впрямь оказался гроссмейстером аппаратной интриги. Он, единственный, поверил в то, что судьбу партии вершат уже не брежневские (сейчас сказали бы уралвагонзаводские) массы, а ПЕРЕСТРОЕЧНЫЕ! Комбинация, которую все сочли нелепой, принесла сенсацию. Беспартийные перестроечные массы «прокатили» больше тридцати первых секретарей обкомов (и не счесть, сколько вторых). Особенно оглушительным был провал партийных кандидатов в Москве и в Ленинграде (здесь под раздачу попали и секретари горкомов и райкомов и даже командующие военными округами). «Патриотические кандидаты, – с горечью констатирует летописец, – потерпели сокрушительное поражение».

Пришли совсем новые, не номенклатурные, «непатриотические», т.е. нормальные европейские люди, та самая партийная интеллигенция, о которой говорил Лацис. И если бы не делегаты от среднеазиатских и других окраинных областей, Съезд мог бы вообще оказаться демократическим! Как бы ни было трудно в это сейчас поверить, выяснилось, что в разные исторические эпохи массы в России, как, впрочем, и в других странах (достаточно вспомнить гитлеровскую

Германию и муссолиниевскую Италию), бывают **разные...**

Так или иначе, после этой комбинации Горбачева союзный аппарат ЦК стал в глазах реставраторов не-надежным. Он был усечен (отраслевые отделы, управлявшие промышленностью, транспортом, строительством, культурой, были упразднены), и порядочно разбавлен партийной интеллигенцией, а главное, их негласный лидер Лигачев был (еще одна комбинация!) отстранен от ключевой должности руководителя Секретариата ЦК и брошен на... сельское хозяйство.

Короче, союзный аппарат перестал быть тем всемогущим сталинским «аппаратом», чье слово было законом для страны. Противникам Перестройки потребовался СОБСТВЕННЫЙ «аппарат». И, вопреки воле генсека, они его создали.

Кампания по организации РКП была развернута шумная – с акцентом на дискриминацию России. Почему, мол, у всех других республик есть свой ЦК, своя Академия наук, даже свой КГБ, а у России ничего этого нет? Лигачев, как выяснилось, был тоже не лыком шит и на шах, объявленный реваншистам генсеком, он ответил своим собственным, объявленным Перестройке. И сделал это лукаво, не постеснявшись воспользоваться в ответной шахматной комбинации идеей своего архинедруга Ельцина.

Да, у Ельцина были свои счеты с Горбачевым. И не тот уже это был кающийся Ельцин, которого избивали на пленуме 1987 года. После феноменального успеха на выборах в Москве в 89-м, после Российского съезда народных депутатов, избравшего его Председателем Верховного совета РСФСР, Горбачеву противостоял теперь национальный герой России.

Ельцин создал самостоятельный центр власти и ему нужно было его легитимизировать. 12 июня 1990 года

Верховный совет РСФСР большинством в 907 голосов против 13 принял декларацию о государственном суверенитете России/Российской Федерации.

Спор шел лишь о том, как назвать это новое государственное образование. Реваншисты во главе с Сергеем Бабуриным, ясное дело, требовали назвать его без затей «Россия». Сошлись на двойном названии. И так до самого путча РФ и называлась. Это был единственный случай, когда демократы, уже разочарованные в Горбачеве, и реваншисты, получившие компенсацию в виде РКП, нашли общий язык. А также единственный случай, когда партийный интеллигент и национал-патриотический летописец сошлись во взглядах. По противоположным, разумеется, причинам. Лацис назвал российскую Декларацию о суверенитете «вызывающе иррациональной идеей», ибо какая может быть «борьба за независимость великодержавной нации, возглавляющей империю»? Лебедев назвал ее «восхитительной по идиотизму», ибо какой может быть суверенитет «у половины исторической России» (что имел он в виду под «исторической Россией», мы уже знаем: в границах СССР)? И оба ошиблись.

Логически-то они, каждый со своей точки зрения, были, конечно, правы. Но «хитрости разума», которые, по словам Гегеля, устраивает история, смеются над логикой даже самых изощренных политиков. Так же, как Горбачев не предвидел, что его блестящая шахматная комбинация, нанесшая ошеломляющий удар по «аппарату», приведет к расколу партии, не предвидел и Лигачев, что, используя идеи Ельцина, он легализует их, облегчая ему, когда грянет час, задачу успешно противостоять «аппаратному» путчу, т.е. той самой победе реваншистов, к которой он стремился. История оказалась умнее политиков, скажу я, перефразируя Карамзина (он сказал «злопамятнее народа»).

XXVIII съезд

Так или иначе, на этом последнем съезде КПСС, открывшемся с рутинной помпой 3 июля 1990 года, стояли друг против друга на самом деле уже ДВЕ партии. И каждая из них вполне сознавала свою несовместимость с другой. Вот как выразил позицию партийной интеллигенции Отто Лацис: «Почему мы без боя должны отдавать сталинистам такую мощную политическую машину, как КПСС? Конечно, мы с ними знали о своей несовместимости. Но почему мы должны уходить? Пусть они уходят».

Как он впоследствии признал в наших долгих разговорах, чего он тогда еще не понял, это что не две партии сошлись в этом зале, а две России: европейская и московитская. Одна в очередной раз воссталла против произвола власти, другая стеной стояла за традиционную российскую «государственность», за «историческую», как они выражались, т.е. имперскую, Россию.

Иными словами, за продолжение произвола. Но обе были на съезде в меньшинстве.

Из 4683 делегатов, примерно 1200 было, судя по голосованиям, русских европейцев и столько же современных московитов, национал-патриотов. Остальные, как и в Конвенте времен Великой французской революции, представляли «болото» (оттуда, собственно, и название). Людей твердых убеждений всегда, увы, меньшинство. Исход дела зависел от того, за каким из меньшинств пойдет «болото», мгновенно превратив его в большинство. Во времена русской революции 1917 года этот момент наступил, как, я надеюсь, помнит читатель, 1 июля, когда Временное правительство окончательно отвергло предложение рейхсканцлера Германской империи Бетманн-Гольвега о немедленном мире на условиях Петроградского Совета – без аннексий и контрибуций. Возможность почетного мира была упущена. В этот день Временное правительство подписало себе смертный приговор: «болото» в Совете перешло на сторону большевиков, превратив их из меньшинства в большинство. И уже несколько месяцев спустя, в октябре, не нашлось ни одного полка, готового стрелять в народ.

Нечто подобное случилось, я думаю, и 73 года спустя на последнем съезде КПСС в июле 1990-го. Но прежде, чем разбираться в перипетиях развернувшихся на нем баталий, присмотримся к фону, на котором эти баталии разворачивались, к тому, короче, что происходило в стране. Фон был ужасный. И летописец дает нам представление о том, как на всю катушку использовала национал-патриотическая пропаганда ужасы «подавленной инфляции», т.е. вездесущий дефицит, начавшийся, как мы помним из доклада «Комиссии Кириллина», еще в конце 1970-х.

Сначала все у национал-патриотического летописца вполне достоверно: «Дефицит товаров широкого

потребления действительно принял огромные масштабы... Были введены карточки почти на все потребительские товары, в том числе на мыло, табак, водку... Многотысячные очереди, словно в военное время, выросли у булочных... вообще 1989-91 гг. были голодными годами (причем в самом буквальном смысле)». Но именно это ведь и предсказывала еще в 1979-м «Комиссия Кириллина» в случае падения цен на нефть. А цены упали катастрофически.

Но самое интересное, «треснувшее зеркало», начинается дальше. Оказывается, что «дефицит был устроен ИСКУСТВЕННО», для того, чтобы «разжечь антигосударственные настроения среди народов СССР и подтолкнуть их к принятию рынка». Сейчас мы узнаем имена этих злодеев, мучителей народа. Задумано как завершающий удар, нокаут, если хотите: «Демократы любят вспоминать про пустые полки в качестве доказательства «исторической неэффективности» плановой экономики. Разумеется, о том, что товарный голод был создан ИМЕННО ИМИ (выделено мной. – А. Я.), рвущимися к власти прозападными силами, они скромно умалчивают».

Что на это возразить? Что для того, чтобы искусственно устроить товарный голод в огромной стране, нужны были бы усилия какого-нибудь всемогущего Госплана, где демократами даже и не пахло? Что преимущества рынка в «заполнении полок» признаны всеми в современном мире – и на Западе, и на Востоке – кроме, разве, голодной Северной Кореи? Но и возражать расхочется, когда читаешь на соседней странице, что «горбачевское руководство ПРОВОЦИРОВАЛО (выделено мной. – А. Я.) межэтнические конфликты в Закавказье и в Средней Азии, намеренно озлобляя против союзного центра все конфликтующие стороны». И словно этого мало, узнаем, что «осенью

1990 года рождается Приднестровская республика – первая освобожденная территория в стране».

Я же говорил «треснувшее зеркало», переврано все, что можно переврать, и даже то, что нельзя.

Важно это нам, однако, для того, чтобы понять, почему атмосфера съезда с самого начала была накалена до предела, почти истерическая. И выкрики с места, и реплики от микрофонов, и даже выступления с трибуны всей московитской части зала были выдержаны в только что описанном истерическом духе, обращены к примитивным инстинктам: «Смотрите, что наделала в крепком, как никогда, СССР Перестройка!». И слишком часто «болото» отказывалось выслушать ответную рациональную аргументацию. Аргументы, как всегда, пасовали перед истерией. Мне однажды пришлось брать интервью у Жириновского, так что испытал я это на собственном опыте.

Иногда помогали презрительные реплики. Так, в ответ на выступление некоего профессора Сергеева, неизвестно откуда взявшегося крикуня, даже не делегата, провозгласившего в сто первый раз, что спасение России – план, план и еще раз план, без всякого гибельного рынка, председательствовавший Рыжков спросил

Н. И. Рыжков

А. Н. Яковлев

у зала: «Хорошую новость нам сообщили? Не мы ли с вами десятки лет прожили при системе, которую он предлагает?». И когда зал рассмеялся, твердо заявил: «Концепции стабилизации экономики без перехода на рыночные отношения не существует».

Но пойдем по порядку. Застопорился съезд по первому же, процедурному, как ни странно, вопросу: заслушивать ли отчеты членов Политбюро вместе с докладом генсека или отдельно? Горбачев предложил от имени подготовительного совещания, чтобы, как всегда, вместе. И тут взметнулось московитское меньшинство: нет, отдельно! Два дня по этому, ничтожному, на первый взгляд, поводу препирались. Горбачев превозмог. Но «против» голосовало 1268 делегатов, та самая «непримиримая тысяча». Чего она на самом деле добивалась, никто, однако, пока понять не мог.

Отчитались члены Политбюро. Одних выслушали спокойно, других «захлопывали». Яковлев, между прочим, сказал, что «Перестройку лихорадит опоздание – но не задержки в работе Политбюро, а историческое

опоздание». В смысле: начинать надо было куда раньше. Но едва он сел на место, председательствовавший Лукьянов зачитал записку. Требовали – ни больше, ни меньше – голосовать оценки каждому члену Политбюро в отдельности. Прямо так, по пятибалльной системе. Вот тогда и стал ясен замысел всей процедурной катафасии: **отсечь** генсека от тех членов Политбюро,

А. И. Лукьянов

которых намеревались забаллотировать, просто «поставить им двойки, потом исключить из партии», как признался один простодушный московит. Конкретно имелись в виду, конечно, Яковлев и Шеварднадзе, правая и левая рука Горбачева. И съезд за это проголосовал. «Болото» **пошло** за московитским меньшинством, превратив его в большинство. С тем и ушли на обед.

Насколько можно расшифровать замысел московитов, состоял он в следующем. Самого генсека менять пока не решались, тем более что сильной альтернативы у них в середине 1990-го не было, особенно после того, как ушел в кусты Лигачев, согласившись баллотироваться лишь в заместители генсека. Полагали, видимо, что достаточно отсечь ему обе руки, и он станет для них легкой добычей. Но Горбачева ПРЕДУПРЕЖДАЛИ (только на последующих пленумах ЦК решились требовать его отставки, доживи КПСС до своего XXIX съезда, не сносить бы головы и ему). Но тут нашла коса на камень.

Как рассказывал впоследствии Яковлев, во время обеденного перерыва Горбачев собрал Политбюро

Б. Н. Ельцин покидает XXVIII съезд КПСС. 1990 г.

и сказал, что если делегаты не откажутся от принятого ими решения, он положит мандат на стол и покинет съезд. После обеда он взял слово и, хотя и не повторил свою угрозу буквально, но обратился к залу и впрямь жестко: «Давайте поговорим. Итак, мы приняли решение заслушать каждого члена Политбюро... а потом заняться их оценкой. За это вы все проголосовали. Вы не забыли, что за это проголосовали? Нет. Значит, сделали это сознательно... И сейчас я вам прямо скажу: если вы хотите похоронить партию, тогда давайте будем идти этим путем... Подумайте о том, что я вам сказал... И думайте крепко».

После этой суровой отповеди съезду Горбачев прочитал записки, поступившие в президиум. Один делегат писал, что отчеты членов Политбюро даже не обсуждались, как же можно ставить оценки на основании одних эмоций? Другой напомнил о 1937 году и призывал не превращать съезд в судилище толпы. Сработало. На этот раз сработало: переголосовали. И с перевесом в тысячу голосов решили оценок не ставить. Это не значило, однако, что «болото» перешло на сторону партийной интеллигенции. Скорее, подчинилось тому, что я назвал бы аурой первого лица, государя, если угодно, автократора.

Отыгрались московиты на выборах в новый Центральный комитет. Прошел даже известный уже нам и высмеянный Рыжковым крикун профессор Сергеев, не делегат съезда, не представлявший никакую партийную организацию. Зато Лацис, который представлял миллион коммунистов Москвы, получил наибольшее число «черных шаров» (почти столько же получил Шаталин). Демократы не смогли помочь Горбачеву. Он помог им. И он это запомнил. Таков был первый итог этого съезда. Вторым был публичный выход из партии Ельцина.

Вот как запомнил его прощальную речь Лацис: «Недолимая сила – главное впечатление, которое у меня осталось. И я наслаждался, видя, как ошеломлены все те, кто дружной стаей рвали демократов на части все эти дни. Он высказал во много раз больше неприемлемого для них, чем кто-либо из тех, кому устраивалась обструкция, – и никто в зале не посмел произнести ни слова, пока он говорил. Да и потом, в прениях, никто не осмелился... Он сказал, что на съезде уже не обсуждается судьба страны – только судьба партии, точнее – ее аппарата. И предсказал ее неминуемый крах, «если последний шанс для ее коренной перестройки не будет использован съездом». Но был ли этот шанс у такого съезда?

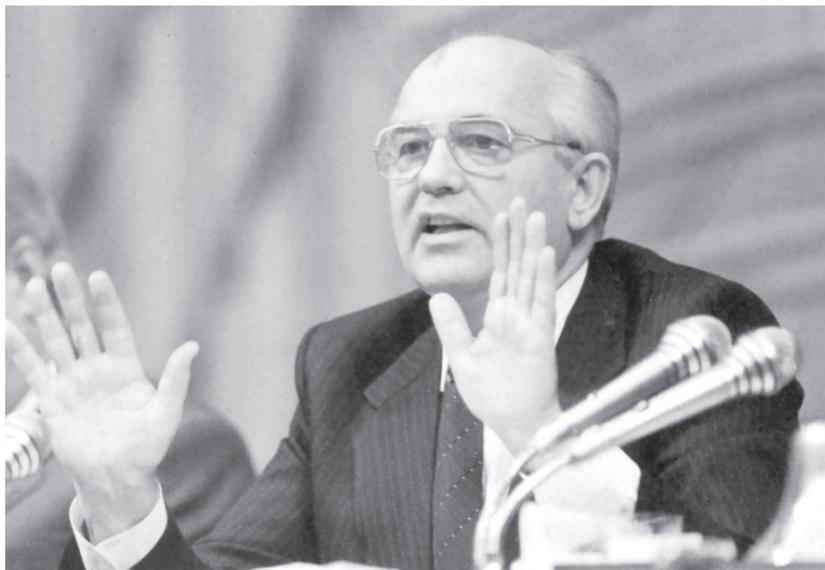
Поворот Горбачева

Вопрос, по-моему, риторический. Интереснее другое: что мог сделать в такой ситуации Горбачев? Покинуть съезд вслед за Ельциным, как грозился он 7 июля на совещании Политбюро? Или махнуть рукой на демократов, которые, как мы помним, не смогли помочь ему на съезде, попробовать еще один компромисс с реваншистами, надеясь на ту самую ауру первого лица, которая его тогда выручила? В чем-то уступить, чтобы сохранить главное – Перестройку. Должны же и среди «этих» быть договороспособные люди, не все же они твердолобые. Тем более что и в случае неудачи опасаться нового, пусть реакционного, состава ЦК Горбачеву было нечего. Президенту СССР участь Хрущева не грозила. Государственная власть уже переселилась со Старой площади, логова «аппарата» ЦК, в Кремль, в президентскую резиденцию.

Да, с партийной стороны он застраховался. Но и сентябрьских военных учений для «уборки картофеля» не

забыл. Случились-то эти загадочные учения немедленно после того, как он одобрил демократическую программу Шаталина, предусматривавшую, между прочим, сокращение военных расходов вплоть до 70 %. Понятно было, что такой пощечины, да еще без соблюдения «партитета» с Западом, военные нестерпят, и на этой почве сойдутся с «этими», с реваншистами. Короче, ко всем политическим соображениям, к его обычному «центризму» примешивался еще и элементарный страх.

Конечно, это опять-таки гипотеза. Никто, кроме Горбачева, не может подтвердить ее или опровергнуть. Неожиданный и никак не объясненный поворот прочь от демократов, к немыслимому после XXVIII съезда «центризму», обречен ждать его последних, вероятно, посмертных, мемуаров. Единственное, что мы точно знаем, это что поворот действительно произошел. Просто именно такой ход мысли Горбачева, который привел к этому повороту, представляется мне самым правдоподобным.

Как бы то ни было, начиная с сентября 1990-го, когда он внезапно отверг уже одобренную им программу «500 дней», Горбачев начал демонстрировать свое отчуждение от демократов (в его глазах это, вероятно, выглядело, как демонстрация «центризма»). В декабре он сместил с поста министра внутренних дел Бакатина, заменив его будущим путчистом Пуго. Отпустил без возражений в отставку министра иностранных дел Шеварднадзе, не обратив внимания на его публичное заявление, что готовится диктатура. Пригласил в премьеры еще одного будущего путчиста – Павлова (надо же было до такой степени не разбираться в людях).

Но самое ужасное: и пальцем не пошевелил Горбачев, чтоб разобраться в том, кто виноват в кровопролитии 13-го января 1991-го в Вильнюсе и 20-го в Риге. А ведь там не только ОМОН безобразничал, там поработали военные: десантники в Вильнюсе, морская пехота в Риге. Конечно, министр обороны откrestился. Но кто-то ведь должен был понести ответственность за пролитую кровь. Никто не понес. Как это объяснить?

Во всяком случае, интервью, которое дал Горбачев сразу после съезда, звучало после событий в Прибалтике, простите, детским лепетом. Вот что он тогда сказал: «Трудность моя заключается в том, что я все время вижу множество лиц, искренне озабоченных судьбами страны, тем, чтобы не случилась с ней беда. Вижу людей, которые искренне хотят изменить, радикализировать нашу жизнь. И я не могу, не хочу противопоставлять одних другим, если все они готовы выйти на дорогу демократии, обновления, социальной защищенности».

Даже слепой должен был, кажется, теперь увидеть, что не только одни противопоставили себя другим, но и стреляли в этих других, что партии, готовой дружно «выйти на дорогу демократии и обновления», давно

уже не существует, и что более того: большинство ее ненавидит это обновление и готово драться против него с оружием в руках. Горбачев не видел. Все еще не хотел «противопоставлять одних другим». Не понимал даже того, что было очевидно всем вокруг него.

Вот воспоминание об этом Яковлева: «Уже к концу 1990 года Горбачев ни при каких обстоятельствах – даже откажись он публично от Перестройки и выступи с покаянием по этому поводу – не был бы принят в стане реставраторов: не то, что там не было к нему доверия, там уже концентрировалась жгучая неприязнь, если не ненависть». Что демократы видели в Горбачеве предателя, это само собой. Так как мог опытный политик, гроссмейстер в своем роде, как мы уже говорили, довести дело до того, чтобы ОБЕ СТОРОНЫ в назревающей, казалось, гражданской войне рассматривали его как предателя? Или это всегдашая судьба центриста в ситуации, когда центра больше не существует? Я буду очень признателен читателям, если они мне подскажут, был ли подобный случай в мировой политике.

Глава 5

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ГОРБАЧЕВА

В предыдущей главе «Раскол правящей партии» мы остановились на одном из самых драматических моментов Перестройки. Сентябрьский (1990 года) «правый поворот» Горбачева («правеет общество, – объяснял он тогда Шаталину, – правеет и правительство») привел вместо стабилизации обстановки в стране к январскому (1991 года) кровопролитию в Прибалтике. А также к тому, что генсек выглядел теперь, как мы помним, предателем в глазах ОБЕИХ СТОРОН конфликта, расколовшего страну и партию, которую он продолжал возглавлять. Ситуация становилась нестерпимой.

Плата за «поворот»

Прежде всего, потому, что негодовали аппаратчики: Перестройка продолжалась, словно никакого «правого поворота» и не было. Январское кровопролитие лишь подстегнуло курс на независимость прибалтийских республик. Приход нового премьера не изменил курс на переход к рыночной экономике. Самые простодушные из них просто не могли взять в толк: каким образом на 74-м году советской власти в стране победившего социализма (то есть безраздельной власти аппарата) происходит буржуазная контрреволюция. «Просвещенные» же аппаратчики неистовствовали. Они знали, откуда эта буржуазная мразь. На московской партконференции (первый секретарь московского горкома Юрий Прокофьев уже нанял для «просвещения» партийных масс, вы не поверите, Кургиняна, да, да, того самого) дружно скандировали при упоминании имени генсека «Предатель!»).

Но если Кургinya наняли – и щедро финансировали – главным образом все-таки для того, чтобы протолкнуть на место генсека Прокофьева, то еще в декабре 1990-го на IV съезде народных депутатов некая Сажи Умалатова из Чечено-Ингушетии предложила внести в повестку дня вопрос о недоверии Горбачеву уже **как Президенту СССР** (правда, проголосовало тогда за ее предложение всего 426 депутатов, против 1288). Но это было еще до январских событий в Прибалтике.

В феврале, однако, объявили бессрочную стачку шахтеры Кузбасса, требуя отставки Горбачева. И никто не знал, не перерастет ли она во всеобщую забастовку, как в октябре 1905 года. Тем более что 9 марта на собрании демократов в Доме кино поддержал бастующих Ельцин. А с другой стороны, на пленуме РКП выступил в то же время с неуклюжим, как всегда, заявлением ее первый секретарь Иван Полозков: «Наше Отечество оказалось перед опасностью более грозной, чем даже в сорок первом году», приравняв, таким образом, Перестройку к гитлеровскому нашествию. Поляризация сил достигла предела. Дорого же, как видим, заплатил Горбачев за свой сентябрьский «поворот». Атака на него шла теперь по всем фронтам.

Неожиданный ход

Но и он, – в последний, пожалуй, раз – продемонстрировал, что как политик на голову превосходит своих оппонентов. 21 апреля 1991 года, за три дня до начала апрельского пленума ЦК КПСС (подготовкой к которому он пренебрег, что, как выяснилось, было неосторожно) Горбачев ошеломил публику очередным «поворотом». Я имею в виду совместное заявление десяти президентов «О безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолении кризиса».

Заявление было подписано Горбачевым и руководителями девяти союзных республик, включая Ельцина (призвавшего, после этого шахтеров прекратить политическую забастовку).

Конечно же, речь шла о старой идее Шаталина, отвергнутой генсеком в сентябре 90-го вместе с экономической реформой «500 дней». Подписавшие согласились преобразовать страну в Союз Суверенных Государств, ССР. Другими словами, в Конфедерацию, в то самое, чего так неудачно – и кроваво – добивается сейчас Путин. В апреле 1991 года стало это официальным курсом страны под именем Новоогаревского процесса.

Это была бомба. По идее она должна была взорвать всю повестку дня, подготовленную аппаратом для апрельского пленума ЦК. Мы знаем об этой повестке по смешному поводу. Открытие пленума задерживалось. Сначала его перенесли с обычных 10 утра на три часа дня. Но и в три начало все еще откладывалось. Егор Строев, председательствующий, объяснил,

что исправленный проект резолюции пленума перепечатывается, еще несколько минут. И тут выскочил к микрофону известный уже нам соловей Госплана профессор Сергеев – и выдал тайну, выкрикнув: «Не обманывайте, резолюция давно готова, я сам ее читал еще вчера».

Оказалось, что резолюция, написанная неизвестно кем и не представленная Политбюро, действительно была готова еще вчера. Но до Политбюро она дошла – неслыханный случай! – лишь сегодня утром. Расчет, по-видимому, был на то, что в спешке никто не успеет ее даже толком посмотреть. Другими словами, на то, чтобы поставить пленум перед фактом. То был невероятный по наглости аппаратный ход, нарушавший все правила игры, принятые на протяжении десятилетий.

По слухам, первым поднял тревогу Назарбаев. Резолюция резко осуждала весь политический курс партии и требовала от генсека «восстановить, наконец, конституционный порядок». Вот текст: «Перестройка, породившая большие возможности и надежды, оказалась во власти сил, придавших ей прямо противоположный смысл: не обновление социализма, а реставрация капитализма, не развитие Союза ССР, а его развал, не укрепление власти народа, а ликвидация Советов». Весь набор демагогии аппаратчиков. По сути, голос «непримиримой» оппозиции. На пленуме ЦК КПСС?

«Кто подготовил этот проект резолюции, полностью противоречащий не только решениям XXVIII съезда, но и предстоящему докладу на пленуме?» – спросил Назарбаев. Никто не знал (и добавлю, до сих пор не знает). Ясно было одно: аппарат вышел из-под контроля генсека.

Пришлось срочно писать другой проект. Но аппаратная публика не успела переориентироваться (они-то читали лишь вчерашнюю версию резолюции), и на

Горбачева посыпался такой град злобных нападок, какого ему еще не приходилось слышать. Один за другим выступавшие смешивали его с грязью. И он – взорвался. Сказал: «Ладно, хватит, сейчас всем отвечу». И вышел к трибуне: «Я коротко. Успеете пообедать. Семьдесят процентов выступавших заявляли, что авторитет Генерального упал до нуля. Предлагаю прекратить пре-ния и решить вопрос о замене генсека и о том, кто займет его место. И кто смог бы к тому же устроить те две партии, которые сидят в этом зале. Ухожу в отставку».

Шок

Ошарашенные, ушли на обед. В комнате Политбюро уговаривали Горбачева отказаться от отставки. Он долго упирался. Потом сказал: «Решайте без меня. Как решите, так и будет». И ушел обедать в одиночестве. Лацис, который случайно (проходил мимо) увидел полыхающее лицо Горбачева, уверяет, что это мог быть спектакль, человек был действительно доведен до крайности. В шоке, как все, Лацис брел по коридору и вдруг услышал, что его зовут. Дальше со слов Лациса. «Рядом с Андреем Грачевым (пресс-секретарем Президента) стояли директор института Европы Виталий Журкин, депутат Верховного Совета СССР Людмила Арутюнян, председатель Союза кинематографистов СССР Довлат Худоназаров (Шаталин к тому времени был уже исключен из ЦК и вышел из партии).

А. И. Вольский

И. Т. Фролов

С. Е. Кургинян

— Мы вас ищем, — сказал Грачев. — Садитесь, пишите заявление.

— Какое заявление?

— Наше. О том, что мы со всем этим не согласны.

— Хорошо, Только зачитывать я его не буду. Зачитывать должен Вольский.

— Конечно, Вольский. С ним уже договорились».

Написал. Стали подходить люди, одни в страхе отшатывались, другие без колебаний подписывали, среди них председатель Союза театральных деятелей Михаил Ульянов, президент Кыргызстана Аскар Акаев и три члена Политбюро: Нурсултан Назарбаев, Петр Лучинский, Иван Фролов. Потом Вольский зачитал Заявление с трибуны. Для тех, кто никогда не слышал этого имени, скажу: Аркадий Иванович Вольский, — мир праху его — мой, кстати, хороший знакомый и советчик, политический тяжеловес, вроде Примакова, при всех режимах был кем-то, что при царе называлось «чиновник по

особым поручениям при императоре». Его посылали разруливать самые неразрешимые ситуации в стране. Вот он разрулил и эту. Заявление 72-х членов ЦК вкупе с решением Горбачева мгновенно стало сенсацией мировой прессы. Вот его текст.

«На пленуме прозвучали голоса, которые, по нашему убеждению, не соответствуют ни воле большинства коммунистов, ни исторической правде. Это голоса политического ретроградства, усматривающие причину кризисного положения в стране не в наследии прошлого и ошибках в ходе Перестройки, а в самой Перестройке. Это голоса политической трусости, стремящейся переложить ответственность за трудности с себя на Генерального секретаря... Мы считаем, что КПСС остается реальной силой, способной организовать выход из кризиса. Вместе с тем, мы требуем созыва съезда партии и **перевыборов всего состава ЦК в полном составе** (выделено мной. – А. Я.). В противном случае мы считаем для себя невозможным продолжать работу в ЦК».

Озарение Горбачева

Когда после этого Политбюро поставило на голосование просьбу снять с обсуждения вопрос об отставке Горбачева, результат уже мало кого удивил: «против» проголосовало всего 13 членов ЦК. Аппаратчики признали свое поражение, Но не свою позицию. Им просто нужно было время, чтобы перегруппироваться. Отставка Горбачева на пленуме им была не нужна. У пленума не было полномочий избирать нового Генерального. Для этого нужен был съезд партии. В этом смысле Заявление 72-х нечаянно подсказало им следующий ход. Только перестроечному меньшинству новый съезд нужен был для «переизбрания всего состава ЦК», а аппаратчикам он нужен был для

замены Горбачева Прокофьевым. Или Олегом Шениным, окончательного выбора они еще не сделали. Но на Прокофьева работала более квалифицированная команда, все-таки Кургинян, а не дуболомы со Старой площади...

И все-таки Горбачев сумел – в последний раз – превратить поражение в победу. Во-первых, потому, что за ним теперь стояло девять республиканских президентов, включая Ельцина. Во-вторых, – и это главное – потому, что его, наконец-то, озарило то, что было очевидно уже на XXVIII съезде: КПСС как единой партии «больше не существует», так ведь прямо он и сказал в своем заявлении об отставке. Неожиданно для себя он оказался почти что перед выбором Ленина в 1903 году: либо он раскалывает партию, либо оппоненты «вычищают» его. И выбор он сделал ленинский.

Два плана партийного переворота

Расколоть партию предполагал Горбачев посредством новой Программы, которая, по решению XXVIII съезда, должна была быть принята в 1991 году. Задумана была Программа, если не совсем социал-демократическая – поставить во главе подготовительной бригады Яковлева он все-таки не решился, поставил Фролова, – но с социал-демократическим «уклоном» (даже в таком виде, впрочем, она была абсолютно,зывающе неприемлема для «динозавров», как называл теперь Горбачев аппаратчиков). Судите сами. Ни о коммунистической перспективе, ни вообще о классовом подходе в ней даже не упоминалось. Предлагался курс на рыночную экономику и, главное, ориентация на общечеловеческие гуманистические ценности. Сохранялось, чтоб не дразнить гусей, лишь название

«коммунистическая партия». Стерпели бы это «динозавры», тем более что новая Программа предназначена была стать, по сути, инструментом идеиного и политического размежевания? Горбачев этого и не скрывал: «Кому новая Программа не нравится, пусть уходит из партии». Таков был первый план партийного переворота.

Задумано было остроумно, но того, что аппаратчики уходить никуда не собирались, а собирались, наоборот, выпереть из партии его самого, в расчет не принималось. Да, раскол партии, при котором Горбачев мог, чего доброго, не только увести с собой большинство, но и – что важнее – контроль над партийным имуществом, «деньги партии», для них был, что нож острый. Не раскола, а «чистки» партии они добивались, переворота, который дал бы им возможность «вычистить» из ЦК партийную интеллигенцию начиная с Горбачева.

И пока партийные интеллигенты спорили о тонкостях Программы, Кургинян копался в Уставе партии в надежде найти организационную зацепку, дающую возможность не только предотвратить раскол партии, но и чистку в ЦК устроить знатную. И, само собой, избавиться от «предателя» Горбачева. И, представьте себе, нашел! Оказалось, что по Уставу ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ съезд партии не требует переизбрание **ВСЕГО** состава ЦК, позволяет лишь обновить до 20 % его состава, а генсека переизбрать может любой съезд. Как раз то, что надо. Можно было бы «освободить» ЦК от

Ю. А. Прокофьев

партийной интеллигенции и заодно убрать Горбачева. Оставалось лишь объявить предстоящий съезд чрезвычайным. Таков был встречный план партийного переворота. На нем и сосредоточились.

Как объяснить это партийным массам? Для простодушных сошло бы и элементарное: ситуация в стране чрезвычайная, вот и съезд нужен чрезвычайный. Для особо въедливых объяснение тоже было: съезд-то внеочередной, XXVIII был всего год назад, следующий положен только через пять лет, а мы собираем съезд через год, значит – чрезвычайный. На поверхности все выглядело гладко. И «Московская правда», газета Прокофьева, тотчас начала кампанию за чрезвычайный съезд: буквально каждую неделю появлялась в ней статья очередного секретаря райкома, требующая созыва чрезвычайного съезда.

Это было, однако, только начало кампании. Еще через месяц появилось «Обращение секретарей комитетов КПСС городов-героев Союза ССР к коммунистам страны». Подписали партийные аппаратчики Москвы, Бреста, Волгограда, Керчи, Киева, Ленинграда, Минска, Новороссийска, Одессы, Смоленска, Тулы и Мурманска. Но единственным членом Политбюро среди всех этих секретарей был Прокофьев, что естественно выдвигало его на роль лидера. Эти люди представляли больше трети членов партии, достаточно по Уставу для созыва съезда, даже независимо от решения ЦК. И требовали они, естественно, того же, что Прокофьев.

Национал-патриоты

Независимо, однако, от всех этих коварных партийных планов подспудно клубилась в стране новая сила, которую обе воюющие стороны не принимали всерьез. То были старые наши знакомые, проповедники Русской

идеи. Мы оставили их в начале Перестройки в плену фашистующей «Памяти», в которой, казалось, растворилась Русская партия советских времен. Но гласность делала свое дело. И едва хлынула из-за рубежа волна белогвардейского чтива, пронизанного жгучей тоской по утраченной навсегда родине, по Российской, то есть, империи, как выяснилось, что растворилась Русская партия не бесследно.

Летописец так описывает это возрождение национал-патриотизма: «В идеологическом плане 1988-1990 были годами открытия и усвоения русской правой традиции, резко оборванной в 1917 г. и почти забытой русскими людьми... Практически все печатные издания патриотического направления – от солидных «толстых» журналов до уличных листков – значительную часть своей площади отводили на рассказы белых генералов, святых, царей и т.п. персонажей». Покуда либеральная Россия зачитывалась разоблачениями сталинского

Иоанн Кронштадский

И. А. Ильин

Н. Е. Марков

террора и лагерными воспоминаниями бывших узников в «Огоньке» и в «Московских новостях», националистические издания перепечатывали «Протоколы сионских мудрецов», литературу классиков антисемитизма, и проповеди Иоанна Кронштадтского. В общем, приобщались потихоньку национал-патриоты к самым заветным тайнам своих прародителей или, как выражается летописец, «открывали для себя наследие русской правой».

Меньше всего волновали их тогда проблемы «репретвации капитализма» или «коммунистической перспективы» и тем более – замены Горбачева на Про-кофьева, т.е. аппаратные страсти, о которых мы говорили. Положение начало меняться после 14 марта 1990 года, когда была отменена статья 6 о «руководящей и направляющей роли КПСС» и, как грибы после дождя, явились, словно из-под земли, «патриотические» партии и объединения.

7-8 апреля родилось РХДД (Российское Христиан-ско-Демократическое Движение) во главе с бывшим диссидентом Виктором Аксючицем. 16 мая была создана Конституционно-Демократическая партия во главе с сотрудником института химической физики Михаилом Астафьевым (этую парочку нам еще предстоит встретить, особенно Аксючица, не поленившегося написать брошюру под названием «Яновщина», которая и до сих пор гуляет, кажется, в интернете).

Перечислить их все здесь невозможно. Упомянуть лишь созданное в октябре РНЕ (Русское Национальное Единство), которое возглавил бывший «наци» Александр Баркашов (летописец удостоил его высшей похвалы: «На протяжении всего последнего десятилетия XX века оно станет одной из самых известных и значительных праворадикальных организаций России»), а также Русскую партию В. Корчагина. Об этих

нам еще придется говорить. Ну и, конечно, прохановскую газету День (сейчас она называется Завтра), которой предстояло стать идеейной штаб-квартирой обоих контрреволюционных путчей – августовского в 1991 и октябрьского в 1993.

Но произойдет это в момент, когда в сознании возродившегося в начале 1990-х национал-патриотического движения сомкнутся две идеи: горькая белогвардейская ностальгия по утраченной единой и неделимой империи и страшное опасение, что на их глазах эта единственная и неделимая ИСЧЕЗАЕТ СНОВА. Эта смычка породила бешеную энергетику, которую давно уже утратили советские аппаратчики и которой суждено было поломать все их изощренные планы партийного переворота. Если, конечно, национал-патриотам удастся заразить своей энергией генералов и чекистов.

Последний пленум

После Обращения к коммунистам страны секретарей партийных организаций городов-героев аппаратчики были уверены, что намеченный на ноябрь 1991 года чрезвычайный съезд у них в кармане. Но они не приняли в расчет «нетерпение сердца» национал-патриотов. Тем важна была, в отличие от аппаратчиков, не столько «буржуазная контрреволюция», сколько судьба империи, той самой, дорогой до слез, до отчаяния единой и неделимой, которую завещали им белогвардейцы. А именно ее-то, империю, и уничтожал на глазах Новоогаревский процесс, затеянный генсеком. Десять президентов, включая Горбачева, были близки к завершению этого самого «процесса». Новый Союзный договор был практически готов к подписанию, и попытка сорвать его отчетливо пахла гражданской войной. Югославским

вариантом «развода» она пахла. Одним словом, кровью. Большой кровью.

Но не призрак гражданской войны волновал национал-патриотов. И тем более, не планы партийного переворота. Для них час Х настал. К черту партийные перевороты, если отечество в опасности (понятие отечества совпадало для них, как мы помним, с понятием империи, Туркмения была в такой же степени отечеством, как Украина)! Новый Союзный договор не должен быть подписан. И власть для этого нужно было брать немедленно.

Вот почему накануне последнего, июльского пленума ЦК (за три с лишним недели, не забудем, до путча) «Советская Россия» публикует **СЛОВО К НАРОДУ**, национал-патриотический манифест, призывающий к немедленным действиям для спасения отечества. Судя по истерическому стилю, писал его Проханов, ассирировали Валентин Распутин и Юрий Бондарев (впрочем, их имена и стояли первыми под манифестом, наряду с подписями будущих путчистов Александра Тизякова и Василия Стародубцева и, что важнее, с подписями генералов, не отставных,

А. А. Проханов

В. Г. Распутин

Ю. В. Бондарев

состоящих на службе – командующего сухопутными войсками СССР Валентина Варенникова и первого заместителя министра внутренних дел СССР Бориса Громова). Вот отрывок из текста.

«Очнемся, опомнимся, встанем и стар, и млад за страну. Скажем «Нет!» губителям и захватчикам. Положим предел нашему отступлению на последнем рубеже сопротивления. Мы начинаем всенародное движение, призывая в наши ряды всех, кто распознал страшную напасть, случившуюся со страной... Начнем с этой минуты путь ко спасению государства. Создадим народно-патриотическое движение, где каждый, обладая своей волей и влиянием, соединится во имя великой цели – спасения отчизны». Похоже на передовицу газеты «День»? Разница лишь в том, что в «Дне» под ней не было бы подписей действующих генералов. Таков был фон, на котором открылся июльский пленум ЦК.

Первый день начался докладом Горбачева, в котором

А. И. Тизяков

В. А. Стародубцев

В. И. Варенников

Б. В. Громов

он представил пленуму новую Программу партии, расхвалил ее до небес и рекомендовал принять целиком, но закончился полным ее разгромом. Генсек рассчитывал, конечно, что для многих она окажется неприемлемой, но того, что реакция аппаратчиков будет столь единодушной, все-таки не ожидал. Впрочем, на второй день ситуация уравновесилась, во всяком случае у Программы нашлось немало защитников, и Горбачев даже чуть было не выбил из рук аппаратного большинства их главный козырь. Просто раскрыл Устав и прочитал: «внеочередной съезд партии созывается не реже чем раз в пять лет». И ни слова о том, что съезд может созываться ЧАЩЕ, чем раз в пять лет, хоть каждый год его созывай, как в ленинские времена, он все равно останется очередным. Так зачем именовать предстоящий съезд «чрезвычайным»?

Короче, поймал большинство, как воришку, за руку, продемонстрировал, что видит его замысел нас kvозь: «Так значит, вы хотите, чтоб я на съезде отчитывался, а вы, Центральный Комитет, отчитываться не хотите?» И застигнутый врасплох зал вдруг дружно выдохнул:

– Не хотим!

И вся портновская работа Кургиняна пошла насмарку: сами признались.

Впрочем, какое это имело значение, если какие-нибудь три с лишним недели спустя августовский путч перевернул все вверх дном? Да, Прокофьев со своими аппаратчиками и своим переворотом ушел в небытие. Но проиграл свой последний бой и Горбачев. Довести до ума Новоогаревский процесс довелось Ельцину.

Остаются вопросы. Как мог Горбачев уехать в отпуск, не подписав новый Союзный договор и оставил на хозяйстве совершенно ничтожного Янаева, которого сам же и протолкнул в вице-президенты? Был уверен, что зверей страшнее «динозавров»-аппаратчиков

и Ельцина в его «тайге» не водится? И значит опасаться ему нечего, поскольку до XXIX съезда в ноябре «динозавры» ничем ему не грозят, а Ельцин в ЕГО Новоогаревской команде?

Моя гипотеза такая: не принял всерьез «Слово к народу», манифест имперского национализма. Не понял, что появился в «тайге» зверь пострашнее, которому, в конечном счете, принадлежало будущее, имперский национализм, которому уже в июле удалось заразить своим «патриотическим» энтузиазмом генералов. Не понял, что, в отличие от аппаратчиков, национал-патриоты ждать ноябрьского съезда партии не станут. Очень все-таки партийный человек был в ту пору Горбачев. Понятия не имел о мощи «Русской идеи».

Верна ли эта гипотеза, судить, впрочем, читателю (хотя, замечу в скобках, «Слово к нации» и августовский путч говорят, похоже, скорее – в ее пользу).

Глава 6

ПОСЛЕ ПУТЧА

Много чего произошло после путча. Но событий, действительно важных для будущего страны, случилось тогда, я думаю, четыре. Во-первых, завершился Новоогаревский процесс, затеянный Горбачевым, как мы помним, еще в апреле 1991 года, и на месте Российской империи под псевдонимом СССР возникло Содружество Независимых государств (СНГ). Только довел этот процесс до конца уже не Горбачев, путч вывел его из игры. Относятся к распаду империи в России по-разному. Полярные позиции такие.

Георгий Петрович Федотов, самый блестящий из эмигрантских мыслителей, был бы счастлив, доживи он до этого дня. «Для России после большевиков, — писал он, — продолжение ее имперского бытия означало бы потерю надежды на ее собственную свободу». Реваншисты, разумеется, думают иначе. «Кодекс

Выступление Ельцина перед защитниками Белого дома
во время августовского путча. 1991 г.

патриота», сформулированный патриархом Изборского клуба Александром Прохановым, звучит так: «Если перед нами выбор между державностью и свободой, пропади она пропадом, эта свобода».

Во-вторых, произошла после путча либерализация цен, знаменитая гайдаровская реформа. Без нее невозможно было бы «присоединение России к человечеству», говоря словами Чаадаева. Или, говоря прозой, немыслим был переход к общепринятой в современном мире рыночной экономике, т.е. выход из тупика, в который завел страну большевистский морок. Реваншисты опять-таки думают об этой реформе иначе. Винят Гайдара в ограблении народа. И, что важнее, сумели убедить в этом население (один из крупнейших их пропагандистских успехов).

Нет, они, конечно, тоже понимали, что с ценами что-то делать нужно: полки в магазинах стояли пустые, масло давали по талонам по 200 г. на месяц, молоко продавалось не более часа в день, а бюджет горел. Но не отпускать же, в самом деле, цены на волю рынка. Для «патриотов» это было так же невообразимо, как для крепостников времен Александра I дать вольную крестьянам. Их «государственную» ценовую реформу провел еще в январе 91-го последний премьер СССР и будущий путчист Валентин Павлов: просто взял и указом вздернул цены в ТРИ РАЗА (!). Сбережения граждан обратились в пыль, а полки как были пустыми, так пустыми и остались.

Достаточно открыть любой статистический справочник, чтобы убедиться, что реформа Гайдара в январе-феврале 92-го повысила цены не намного больше, чем павловская (в пять раз), но, в отличие от павловской, произвела чудо: полки НАЧАЛИ НАПОЛНЯТЬСЯ. А легенда о Гайдаре как о «грабителе» родилась позже, когда, начав было стабилизироваться, цены вдруг

В. С. Павлов

Е. Т. Гайдар

снова рванулись вверх: Центробанк (который не подчинялся правительству, лишь Верховному Совету), включил печатный станок (впрочем, у нас еще будет возможность поговорить об этом подробно).

Третьим решающим событием после путча стало возникновение конфронтации между президентом Ельциным и Верховным Советом РСФСР во главе со спикером Русланом Хасбулатовым и вице-президентом Александром Руцким. Назревало это противостояние, по сути – двоевластие, как злокачественный нарыв, пока не прорвалось октябрьским кровопролитием 93-го. Об этом тоже предстоит нам еще очень подробный разговор.

И естественно связана эта конфронтация с четвертым решающим послевавгустовским событием, которое отнюдь в 93-м не закончилось. Напротив, получило лишь новый толчок, создав еще одну легенду о «расстреле

парламента». Я говорю о стремительном росте реваншизма. О том, что раскололо страну вплоть до наших дней, позволив, в конечном счете, этому реваншизму навязать ей свою повестку.

Две главные идеи этой повестки сформулировал вовсе не Путин, попытавшийся было сначала примирить обе России, европейскую и «патриотическую», на платформе ложного синтеза (немножко европейского, немножко советского, немножко царистского), а все тот же Проханов. Одну из этих идей мы уже слышали: «пропади она пропадом, эта свобода!». Другая может показаться новостью, хотя уходит корнями еще во времена Николая I: «Россия – не страна прав человека, это страна мессианская». С того, как формировался реваншизм, разрушивший в конце концов и президентство Ельцина, и путинский ложный синтез («консенсус», как именует его кающийся путинист Павловский), мы и начнем. Я должен попросить у читателя снисхождения, поскольку тема спорная, займет не одну главу.

Замешательство

Начался расцвет реваншизма не сразу. Постыдная капитуляция путчистов поставила «патриотов» в трудное положение: они были замараны в подготовке путча с головы до ног. Более того, они выглядели его вдохновителями. И им это припомнили. Особенно «Слово к народу». Пусть они не принимали прямого участия в попытке государственного переворота, коварно интересовалась *Литературная газета*, «но случайно ли все идеи путчистов и даже язык их Декларации оказались заимствованы из праворадикальной публикации?».

Пострадали и *Правда*, успевшая – на три дня – стать официальным органом ГКЧП, и *Советская Россия*, опубликовавшая «Слово к народу». *Народная правда*

в Петербурге была закрыта. Прохановский *День* был изгнан из типографии Московского гарнизона, где он печатался по распоряжению путчиста генерала Варенникова. Но важнее всего этого было разочарование, охватившее «патриотов». Они-то надеялись на генералов, на чекистов, были уверены, что за ними они как за каменной стеной. И на всенародный взрыв в поддержку «национально-освободительного движения» против «губителей и захватчиков» надеялись. Ведь, кроме всего прочего, был у них перед глазами опыт Латвии, где, как с восторгом повествует летописец, «140 бойцов рижского ОМОНа под командованием Чеслава Млынника спокойно восстановили за три дня советскую власть» еще в мае 90-го года. И танков не понадобилось.

А тут, в столице сверхдержавы, среди всех высокопоставленных чинов, восставших против Перестройки, не нашлось ни одного, похожего на Чеслава Млынника. Не «восстановили советскую власть». Даже с помощью танков. Струсили? И народ подвел, не поднялись «стар и млад на спасение страны». Плохонький, думали они тогда, достался им народ, ничего не осталось в нем от традиционного «богоносца». Да, забастовали шахтеры, митинговали моряки Тихоокеанского флота, – но все ПРОТИВ путчистов. Даже «солдаты удачи», вроде Лимонова или Бородая, прошедшие боевую школу в Югославии, в Абхазии, в Приднестровье, всюду, где требовалось «восстанавливать советскую власть», и те не пришли на помощь ГКЧП. Тем более обидно, что тысячи русских европейцев ночевали у Белого дома, возводили баррикады, рисковали жизнью, защищая свободу. Словом, все пошло наперекосяк.

И надо было все это как-то объяснить. Хотя бы самим себе. Первым из «патриотических» лидеров, кто предложил какое-то объяснение, был Александр

Невзоров, самый, пожалуй, из них тогда популярный, их телевизионный голос (кто не смотрел тогда его «600 секунд»?). Нечего и говорить, свелась его попытка к отречению от вчерашних покровителей и спонсоров. Невзоров объявил генеральско-гебешный путч... «политической провокацией демократов».

И представьте себе, годы спустя смехотворное, на первый взгляд, объяснение Невзорова станет официальной доктриной реваншистов. Вот как выглядит оно под пером летописца: «Августовские события были грандиозной мистификацией, в которой определенные, заранее расписанные роли играли как путчисты, составившие ГКЧП, так и защитники Белого дома». Да и с Горбачевым, уверен летописец, настоящие патриоты, а не актеры, игравшие роль путчистов, разобрались бы совсем иначе: «гораздо больший пропагандистский эффект дало бы заявление о низложении его за государственную измену».

Жаль только, что не объяснил он нам, кто же все-таки «заранее расписал роли» для председателя КГБ Крючкова, министра обороны СССР маршала Язова, министра внутренних дел СССР, тоже, кстати, бывшего гебешника, Пуго и прочих сановных путчистов.

А. Г. Невзоров во время митинга на Дворцовой площади. 1991 г.

И тем более – для тысяч обыкновенных людей, spontанно, по велению сердца, устремившихся в ту роковую ночь защищать свободу. А также не объяснил нам летописец, кто был вправе «низложить» президента СССР и генсека КПСС – без позволения избравших его Верховного Совета и съезда партии. Если у Невзорова эта фантасмагория звучала по горячим следам как жест отчаяния, то как выглядит она у серьезного историка, описывавшего события 16-летней давности? Как неловкая мистификация, неудачная попытка создать еще одну легенду? Впрочем, я же говорил о «треснувшем зеркале»...

На свой страх и риск

Так или иначе, в связи с банкротством вчерашних спонсоров информационные и финансовые ресурсы «патриотов» резко после путча сократились. Что было делать в этой новой ситуации? Невзоров последовал примеру путчистов, сдался на милость победителей. «Мы потерпели поражение, – писал он уже в сентябре в прохановском *Дне* (статья называлась «К нашим»). – У страны теперь новые хозяева. И власть – у них. Результаты того, что они натворили – разрушенная страна, умирающий Союз, триумф полностью чуждого нам духа – забыты благодаря августовским событиям. Нас много. Очень много. Но мы теперь без голоса и без власти». (Это обратный перевод с английского, так что за грамматику не отвечаю, только за содержание).

Большинство коллег Невзорова отказалось, однако, согласиться с его пораженческой позицией. Как писал один из них, Л. Охотин (оказалось, что это псевдоним А. Дугина): «Путч был хорошим уроком для патриотов. Он излечил нас от наивной веры в партию, в армию и вообще в гипнотическую силу властного центра». Но

решающим был, конечно, голос Проханова: «Мы остались одни, лицом к лицу с либералами-интернационалистами. Пришло время создавать новую независимую партию национальных интересов».

Иначе говоря, покуда режим Горбачева колебался, «патриоты» мирились с положением аппендиакса мощных оппозиционных сил внутри режима. Теперь, когда эти силы вышли из игры, предстояло им самостоятельно, на свой страх и риск стать ОППОЗИЦИЕЙ новому – либеральному – режиму: «Никто не спасет страну, если мы ее не спасем!»

Отдадим должное мужеству и в то же время легко-мыслию «патриотов». Создать с нуля независимую оппозиционную партию было бы задачей прометеевского масштаба, даже если речь шла о группе единомышленников, готовых стать ядром такой партии. Задача многократно осложнялась тем, что между «патриотами» не было и тени единомыслия. Их лидеры расходились буквально во всем, – начиная с того, какое именно прошлое России они хотели вернуть: советское, на чем насмерть стояли «красные», или дореволюционное, что было жизненно важно для «белых», – и кончая тем, что, собственно, имели они в виду под русской нацией, патриотами которой они себя заявляли.

Неясно было, должна ли эта нация быть этнически чистой, как полагали петербургская «Русь» и «Русская партия» Виктора Корчагина, или смешанной, как думало большинство? А если смешанной, то с кем – с другими славянами, как настаивали национал-республиканцы Николая Лысенко, или с тюрками, как проповедовали евразийцы Александра Дугина? И это был, между прочим, серьезный спор: от него зависели границы «Русского мира» и, следовательно, что именно предстояло отвоевывать будущей имперской России – Казахстан или Украину с Белоруссией?

Напомню как курьез, что в ту начальную пору Проханов склонялся в сторону Дугина, даже завел в своей газете специальную «евразийскую» полосу. Курьез это потому, что сейчас оба резко сменили свои приоритеты, устремившись вслед за Путиным в украинском, т.е. славянском, направлении, там оказался нынче их «русский мир». Тем легче Казахстану, который даже не подозревал, что в этих словно бы отвлеченных спорах решалась его судьба. До такой степени не подозревал, что именно Нурсултан Назарбаев неосторожно поддержал «евразийский проект» Дугина.

Но на этом расхождения не заканчивались, скорее лишь начинались. Не менее важным был вопрос о том, как привлечь на свою сторону большинство. Покажу это на примере. Александр Баркашов был живым напоминанием, что в составе «патриотической» коалиции, из которой намеревался Проханов лепить свою партию, были, кроме «красных» и «белых», также и наследники все еще популярной «Памяти», чернорубашечники. Между прочим, вооруженные, попробуйте с ними не считаться. Сам Баркашов рекомендовал себя, как мы помним, так: «Мы национал-социалисты, из тех, кого на Западе называют

Н. Н. Лысенко

А. П. Баркашов

наци». И обижался, когда его причисляли к «красно-коричневым». Поправлял с гордостью: «Мы просто коричневые».

Так вот, «просто коричневые» попросту отрицали саму проблему большинства, которое следовало привлечь на свою сторону. Выборы, считали они, изобретение разлагающейся западной деръмократии. «Для России спасительна национальная диктатура». Это Баркашов цитировал эмигрантского философа Ивана Ильина (который в свое время тоже восхищался Гитлером и призывал соотечественников не смотреть на нацистов «глазами евреев»). Соперник Баркашова Николай Лысенко уличал его в невежестве: Ильин, мол, призывал к диктатуре лишь на переходный период к выборам, когда патриотам все равно потребуется опереться на «большинство русских людей» (чувствовалось влияние его наставника Кургиняна, который после путча тоже, понятно, переменил фаворитов).

Вот тогда и понадобится, утверждал Лысенко, «не-противоречивая идеология Русского пути». Нечего и думать о том, чтобы «вступить в тотальную борьбу с Западом за интеллектуальное и технологическое лидерство» без создания «идеологии технотронного на-тиска». И вообще «не может быть сильной партии без сильной – и современной – идеологии». Соперников попытался примирить Проханов: «Идеологии не рождаются, – писал он в своем обычном выспренном стиле, – в кабинетах и интеллектуальных лабораториях. Там рождаются лишь слабые и робкие эскизы, которые потом предлагаются великому художнику – Истории. Этот художник пишет свое полотно на полях сражений, в застенках, в толпищах и революционных катастрофах. И то, что у него получается, уже не хрупкие карандашные наброски, а огромные, слезами и кровью омытые фрески».

На это отвечал Демосфену империи уже сам Кургинян: «Ахиллесовой пятой оппозиционного движения является леность политической мысли, верхоглядство, неумное и мелкое честолюбие лидеров, приводящее к политической грызне между ними, тяга к упрощенным решениям и вытекающая отсюда организационная бесплодность». И виной всему этому, настаивал Кургинян, как раз «отсутствие воли к самостоятельной творческой активности в сфере идеологии».

Так – в жестоких непримиримых спорах – рождается ОППОЗИЦИЯ, скажет иной читатель. В смысле – нам все эти подробности мук рождения оппозиции, пусть «патриотической», еще пригодятся после Путина. Но я думаю, едва ли. Не случайно ведь так и не сбылась мечта Проханова, не создали «патриоты» на свой страх и риск собственную «партию национальных интересов» (не считать же такой партией марионеточную ЕР), пришлось довольствоваться клубом, пусть и Изборским. И «непротиворечивую идеологию Русского пути» (если, конечно, не считать такой идеологией рутинный имперский реванш), тоже не создали. Даже о том, какое именно прошлое, советское или царское, хотят они вернуть, не договорились.

И все потому, что с самого начала были они движением «анти» – антилиберальным, антизападным, антигуманистическим, даже антинациональным (в смысле национальной государственности). Ничего «ЗА», кроме восстановления империи, за душой у них не было. Короче, опыт оппозиции, ОБРАЩЕННОЙ В ПРОШЛОЕ, имеет для нас, у кого есть, в отличие от них, будущее, лишь ограниченную ценность. Мы то исходим из того, что у России есть еще шанс очиститься от мерзопакостного имперского наследства, стать нормальной европейской страной. Мы уверены, ЗА ЧТО мы стоим.

Другое дело, что нам нужно ЗНАТЬ, как удалось ИМ заглушить первые, робкие ростки свободы, которые, пусть под слоем крови и грязи, свойственным всякой революции, все-таки проклонулись на загаженной вековым имперским мусором российской почве. Знать для того, чтобы не повторить старые ошибки, позволившие им выиграть этот раунд.

Для того и стараюсь я заглянуть в лабораторию, в которой формировалась идеология реванша, понять, как она выжила в ситуации замешательства после путча, когда она вдруг лишилась финансовой поддержки, и противоречия между «красными», «белыми» и «коричневыми» оказались непреодолимыми. Тем более что реваншисты ведь не просто выжили, они сумели организовать вооруженный мятеж в октябре 93-го, а затем и противостояние Президента и Думы, по сути, похоронившее все «царствование» Ельцина, и с ним – наши надежды.

Конечно же, очень помогли им жестокие ошибки режима, связанные как с кровавой – и проигранной – чеченской эпопеей, так и с оргией «дикого капитализма», обуявшей в конце XX века Россию, точно так же, как обуяла она в его начале Америку. Увы, Ельцин оказался не ровня Теодору Рузвельту, сумевшему обуздать своих «баронов-грабителей». (Вот, к слову, цитата из того Рузвельта: «Я стыжусь своей страны. Мы не можем больше выносить правительство, столь коррумпированное, как наше». Это в пересказе Элеоноры Рузвельт, племянницы президента и жены молодого Франклина). Все так. Но решающую роль в крушении свободы все-таки сыграли реваншисты.

«Перебежчики»

Мы оставили их в минуту разброда и замешательства, когда они отчаянно нуждались в помощи. И она

пришла. С неожиданной стороны – от бывших коммунистов, на скорую руку перекрасившихся в разгар Перестройки в «демократов» и еще быстрее – с ее угасанием – в тех, кого я называю «перебежчиками». Я имею в виду депутатов Верховного Совета РСФСР, шумною толпою устремившихся после путча в «патриотический» лагерь. «Перебежчики» были уверены, что уж они-то в силу своего политического опыта и интеллектуального превосходства сумеют навести порядок в этом разношерстном лагере. Чего не хватало, по их мнению, «патриотам», напоминавшим тогда, как мы видели, скорее партизанскую вольницу, нежели регулярную армию, это генералов. В этом качестве они себя и позиционировали. И взялись за дело немедля.

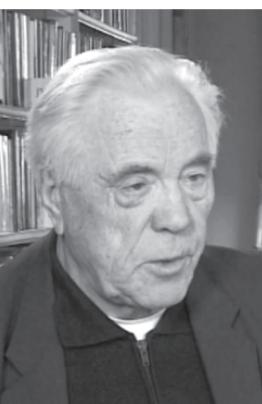
Многим даже на миг показалось, что «перебежчикам» суждено вдохнуть новую жизнь в угасающее, казалось, движение. На поверку оказалось, конечно, что это иллюзия. Но дух «патриотов» они подняли, этого у них не отнимешь, с «организационной бесплодностью», на которую сетовал Кургинян, покончили. Уже в октябре 91-го создан был Российский Общенародный Союз (РОС) во главе со «звездой российского парламентаризма», как рекомендует его летописец, Сергеем Бабуриным. По идее,

С. Н. Бабурин

В. В. Аксючиц

В. П. Астафьев

должен был РОС объединить всех «просвещенных патриотов». Потому и примкнули к нему Аксючиц со своей РХДД, и Астафьев со своими кадетами. Именно идея просвещенного патриотизма их и очаровала.

Программа РОС была, по сути, первой репетицией будущего путинского гибридного «консенсуса». Для «красных» была в ней нэповская экономика, рыночная, НО с государственным регулированием; для «белых» – решительное отчуждение от Запада, НО оставьте мечты о восстановлении монархии; для демократов – права человека, НО с «учетом отечественной традиции». В двух словах – «русский путь». Первый же шаг на этом пути оказался, увы, для просвещенных патриотов печальным.

Каждый, кто, как мы с читателем, знал историю Русской партии советских времен, помешанной на «антисионизме» и, тем более, прошедшей недавнюю школу «Памяти», мог бы легко предсказать новоявленным просветителям оглушительный провал. Три ошибки были в глаза. Во-первых, их генеральское высокомерие отталкивало «патриотические» массы. Во-вторых, они игнорировали «коричневых» как непросвещенных маргиналов, а тем еще предстояло стать главными героями мятежа в 93-м. И, в-третьих, предлагая свой гибридный компромисс – «всем сестрам по серьгам» – они вообще не поняли, с кем имеют дело. Забыли (или никогда не читали) грозное предостережение Георгия Федотова, что **«Ненависть к чужому – не любовь к своему – составляет главный пафос современного национализма».**

Расплата за ошибки

И ждала их эта расплата уже за ближайшим поворотом, 8 февраля, когда они с большой помпой созвали Конгресс гражданских и патриотических организаций.

Формальным результатом Конгресса стало создание Российского Народного Собрания (РОНС), провозгласившего бывшую РСФСР правопреемницей и СССР, и Российской империи. И, кстати, потребовавшего возвращения Крыма. Я интервьюировал месяц спустя Бабурина (вообще-то беседовал я тогда со всеми лидерами «патриотов» – и с Прохановым, и с Кургиняном, и с Зюгановым, и даже с Куняевым, главным редактором «Нашего современника», журнала, который всячески поливал меня, когда я еще не мог вернуться в Москву, и с удвоенной силой, когда вернулся. Куняев, правда, в последнюю минуту испугался и отнял у моей помощницы пленку). Бабурин тогда только что вернулся из Крыма, и лицо его полыхало энтузиазмом, был уверен, что с «освобождения Крыма», как он это называл, начнется воссоздание империи. Но это так, реплика в сторону.

А к делу: я был на февральском Конгрессе РОС и своими глазами видел, что там происходило; я даже рассказал об этом подробно в одной из своих книг. Имея в виду, что книга была опубликована довольно давно (в 1995 году) и, сколько я знаю, никто моего рассказа до сих пор не опроверг, думаю, что глазам моим можно верить. И ушам тоже. Тем более что я был тогда на четверть века моложе. Повторю его, поэтому, вкратце.

Происходило действие в кинотеатре «Россия» (символизируя, по-видимому, что речь там пойдет именно о Русском пути). У входа волновалась толпа «непросвещенных» патриотов, подняв лес плакатов, предупреждавших делегатов Конгресса (пускали по пригласительным), что их обманывают, «заманивают в сионистскую ловушку!». Толпа не доверяла организаторам Конгресса – «перебежчикам», депутатам, вчерашним демократам. Но кинотеатр охраняли, поигрывая нагайками, молодцеватые казаки, тогда еще

экзотическая новинка в Москве, и штурмовать двери «непросвещенные» не решались.

Впрочем, попади они в вестибюль, ровно ничего некошерного они бы там не обнаружили. Те же газеты продавались там, что и на всех «патриотических» сходках. И те же памфлеты, трактующие употребление иудеями крови христианских младенцев. Огромный плакат поперек вестибюля гласил: «Прости, распятая Россия!». Нехорошее появлялось предчувствие. Зря, право, ярились на улице «непросвещенные». Чувствовали бы они себя здесь дома.

Ход Конгресса подтверждал первое впечатление. Речи организаторов зал слушал недоверчиво, напряженно. Оживился он, лишь когда на сцене появился вице-президент. Присутствие Руцкого было необычайно важно для организаторов. Оно служило гарантией, что не какие-то никому не известные вчерашние демократы, но сам верховный патриот страны готов возглавить нарождающееся движение просвещенного патриотизма.

Говорил Руцкой, правда, неуверенно, сбивчиво. Спичрайтеры, писавшие его доклад, явно не рассчитывали на эту наэлектризованную аудиторию, ожидавшую, казалось, скорее призыва к оружию, нежели академических эзерсисов. Зал заскучал. Но лишь до момента, когда оратор сделал роковую ошибку. Положившись на организаторов Конгресса, Руцкой, по-видимому, решил, что и впрямь попал в общество просвещенных патриотов и употребил вполне невинный – по меркам

А. В. Руцкой

такого общества – оборот: «Национал-шовинизм, коричневый экстремизм должны уйти в прошлое. Им не место в патриотическом движении».

И – зал взорвался топотом тысяч ног. Он дружно протестовал против нанесенного ему оскорбления. Руцкой говорил с патриотами на чужом, демократическом языке. Напрасно метался по сцене растерянный Аксючиц, призывая «уважать вице-президента», «уважать Россию». Зал не дал Руцкому закончить доклад. «В Тель-Авиве выступай с такими речами! – неслось ему вдогонку, – в синагоге!».

Летописец объяснил скандал впоследствии тем, что в зал неизвестно как пробралось много провокаторов – «памятников» и кричали они. Но он явно не присутствовал на этом Конгрессе. Потому что и после того, как охрана выпроводила самых дерзких крикунов, зал разразился точно такой же истерикой, когда заместитель Аксючица в РХДД Глеб Анищенко неосторожно обронил, что «шовинизм и национал-социализм являются большевистской тенденцией, опасной для патриотического движения». Такой же вопль: «Убирайся в Израиль!», «Иуда!» – потряс «Россию». Задуман был Конгресс, повторю, как демонстрация «просвещенного национализма».

* * *

Казалось бы, столь разочаровывающий опыт должен был заставить «перебежчиков» – все-таки интеллигентуалы – задать самим себе некоторые вопросы. Например, такие. А что если Федотов был прав, когда писал, что просвещенной ненависти не бывает? Что если патриотизм, т.е. любовь к отечеству, не может быть «просвещенным» или «непросвещенным»? Как всякая любовь, он либо есть, либо его нет. И если так, то по пути ли им с этим кипевшим ненавистью залом? И вообще с прохановским реваншизмом, ставящим

каторжную империю выше свободы и мессианство выше прав человека? Короче говоря, с «патриотическим» движением, в котором патриотизмом и не пахло? Одна этикетка, да и та заимствованная у либералов?

Но нет, не задали себе «перебежчики» никаких вопросов. Все осталось после злополучного Конгресса, как было до него. Разве что от генеральских своих замашек им пришлось отказаться. И «партизанская» структура оппозиции не упростилась, а усложнилась. Порядка в ней больше не стало. Тем более что к «белым», «красным» и «коричневым» ее отрядам привился отряд «перебежчиков». Отныне «патриоты» станут искать ЛИДЕРА, способного действительно навести порядок. Мы еще увидим, к чему это привело.

Глава 7

КТО РАЗВАЛИЛ СОЮЗ?

Читатель помнит, я надеюсь, что у меня всю дорогу есть постоянный, так сказать, сопровождающий, своего рода «патриотический» патруль, с которым я всегда сверяю свои интерпретации событий. Все-таки работаю я на его, национал-патриотической, территории («Русская идея» – его вотчина, и я в ней гость). Объясню почему.

Очевидно, казалось бы, что патриотизм как интимное ЧУВСТВО «любви к отеческим гробам» (Пушкин), подобно, скажем, любви к детям или к родителям, ни в каких дополнительных определениях не нуждается. И ни с каким властным режимом не связан: любят родину, как и родителей, при любом режиме... Выяснилось, однако, что стоит прибавить к патриотизму определение «национал», и он тотчас превращается из интимного чувства в синоним ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ, преданности режиму (как правило, сегодняшнему, порою, впрочем, и вчерашнему или, как в случае славянофилов, даже позавчерашнему). Одним словом, в национализм. Иначе говоря – из любви в ненависть. Ибо, еще раз повторю за Г. П. Федотовым, «ненависть к чужому – не любовь к своему – составляет главный пафос современного национализма». Но так уж повелось в России с чаадаевских времен, что националисты присвоили себе чужое имя патриотов, так и живут с тех пор с подложным паспортом.

Уваровские «государственные патриоты» 1830-40-х, славянофилы 1850-60-х, панслависты 1870-1910-х, Русская партия советских времен, постсоветские реваншисты – все, о ком я так подробно писал в первой и второй книгах «Русской идеи» и пишу в третьей, – неизменно считали, и считают, себя «патриотами», а нас,

патриотов, русских европейцев – «не нашими», потом космополитами и, наконец, пятой колонной Запада. Я думаю, эта терминологическая подмена, закрепившаяся в массовом сознании и ставшая, говоря языком Ленина, «материальной силой», – самая значительная победа русских националистов за последние столетия. И если уж такие гранды отечественной мысли, гордость России, как Петр Яковлевич Чаадаев, Владимир Сергеевич Соловьев, Георгий Петрович Федотов, ничего не смогли с этим поделать, то мне это и подавно не под силу. Потому и признаю себя гостем на территории «Русской идеи».

Так или иначе, с моим сопровождающим (я назвал его, как помнит читатель, «летописцем реванша») познакомились мы еще во второй книге, и продолжали знакомиться в третьей. И все-таки считаю я своей обязанностью время от времени напоминать читателю, что выбрал я в «патрульные» не кого попало с реваншистской улицы, но единственного ее профессионального историка – Сергея Викторовича Лебедева, доктора философии, одним словом мэтра национал-патриотической литературы. Пишем мы с ним об одном и том же, только интерпретируем по-разному.

В принципе с его интерпретациями читатель знаком. Напомню лишь, что Горбачев для него «президент-резидент» западных спецслужб, Российская Федерация – «окровавленный обломок исторической России», разрушитель Союза – Ельцин, пролог российской трагедии – Перестройка (поскольку «к середине 1980-х СССР был крепок, как никогда»), а первый шаг к его развалу – Декларация о суверенитете этого самого «обломка». Цитирую: «12 июня 1990 года Верховный Совет РСФСР принял восхитительную по своему идиотизму резолюцию о государственном суверенитете той половины исторической России, которая именовалась

Российской Федерацией. Это и был первый шаг к распаду исторической России». Напомню, что «идиотами» назвал летописец подавляющее большинство, 907 депутатов Верховного Совета, проголосовавших за Декларацию («против» голосовало 13).

О том, крепок ли был к середине 1980-х СССР, мы уже говорили довольно подробно (см. главу третью «Кому нужна была Перестройка»), о Горбачеве и Перестройке тоже, о Ельцине как о главном «разрушителе исторической России» еще поговорим. Но начнем с главного, с того, что не дает, как видим, покоя летописцу, точно на этот раз отражающему переживания своей возбужденной реваншистской аудитории, с того, что же такое эта загадочная «историческая Россия» (она же «Русский мир»)? Попробую показать на примере, наиболее для нашего случая подходящем.

Выбор Ататюрка

Не все знают об «исторической Турции». Для начала достаточно сказать, что она – была. И что противники Мустафы Кемаля, больше известного как Ататюрк, турецкие национал-патриоты, переживали за судьбу этой громадной, сопоставимой по своей территории разве только с Российской империей Османской Турции, точно так же, как переживают сегодня их русские, так сказать, единомышленники за свою утраченную державу.

Она и впрямь была необъятна и грозна, эта европейская империя, сверхдержава XV-XVI веков. Достаточно перечислить тогдашние ее владения, чтобы в этом не осталось сомнений. Современные Тунис, Алжир, Ливия, Египет, Судан – в Африке, весь Ближний Восток, включая теперешние Саудовскую Аравию, Йемен, Израиль, Ливан, Сирию, Ирак – в Азии,

почти весь Балканский полуостров, включая Грецию, Сербию, Боснию, Македонию, и, между прочим, Крым и Причерноморье – в Европе, это все была она, «историческая Турция». И усугублялось ее величие еще тем, что турецкий султан был до самого 1922 года халифом, главою всех мусульман мира.

Но время шло. И постепенно превращалась «историческая Турция», как все империи, в анахронизм. На протяжении двух столетий многие из ее султанов пытались спасти ее, как спас иззыхающую Москвию Петр, повернув Россию лицом к Европе (я подробно описал эту турецкую эпопею во втором томе «России и Европы»). Но безуспешно. То, что Петру это удалось, а им нет, неминуемо, никуда не денешься, наводит на мысль, что Россия и впрямь была, в отличие от Турции, изначально европейской страной, не правда ли? Даже нигилисту Невзорову трудно было бы это отрицать.

Так или иначе, добила Османскую империю, как и Российской, Первая мировая война. Вот тогда и оказалась она перед выбором. Реваншисты, конечно, не могли забыть «историческую Турцию» и халифат.

Османская империя в период расцвета

Ататюрк, железной рукой подавив реваншистов, выбрал, вместо «исторической», просто Турцию, как обыкновенное национальное государство, раз и навсегда избавив свой народ от всех кровавых катализмов, связанных с империей.

Конечно, потеряла к тому времени Турция все свои имперские владения: одни обрели независимость, другие были поделены между победителями в мировой войне. Но ведь этот «новый мировой порядок» не вечен, полагали турецкие реваншисты, придет день, когда Турция встанет с колен и припомнит сегодняшним победителям и свой халифат, и свои «исторические» права, и все, от чего предательски отказался Ататюрк. И так же, как их российские единомышленники не могут простить Ельцину отказ от «Русского мира», не могли они простить Ататюрку отказ от «Пантюркизма», как называлось это в XX веке.

Читатель понимает, разумеется, что сравниваю я Оттоманскую империю, доставшуюся в наследство Ататюрку, с Российской только потому, что она тоже была в свое время сверхдержавой и тоже евразийской. А также потому, что, в отличие от других современных ей империй, будь то Британской, Французской или Португальской, завоевания которых располагались за морями, была она, подобно «исторической России», империей КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ. Подходила, короче, для сравнения по всем статьям. Кроме одного. Кроме этого самого выбора Ататюрка.

Тут сравнение кончается: выбор Ленина, современника Ататюрка, был прямо противоположный. Железной рукой подавил он взбунтовавшиеся окраины и превратил распавшуюся было империю во второе издание Российской (пусть во имя иллюзорной, как выяснилось, мировой революции, но иллюзия скоро испарилась, а империя осталась). Тем самым обрек он

российское крестьянство на разорение, европейскую Россию – на изгнание, миллионы Иванов Денисовичей – на Гулаг, страну – на железный занавес и «холодную войну» с Западом. И, в конечном счете, конечно, на новую катастрофу. Опять, как в 1917, побежали от Центра окраины. И снова навис над страной грозный призрак гражданской войны. Короче, второе издание «исторической России» закончилось так же, как первое.

К счастью, научило чему-то это несчастное столетие Россию. Отказалась она вторично входить в ту же кровавую реку. Согласилась, можно сказать, на этот раз с выбором Ататюрка. Признала, иначе говоря, что «историческая Россия» была не более чем сшитым на живую нитку конгломератом чужих, завоеванных со временем Московии народов. Выбрала просто Россию.

Трагедия ли это, как уверены летописец и его реваншистская аудитория? Умнейший из изгнанных большевиками русских мыслителей Г.П. Федотов был другого мнения. Он считал, что *«потеря империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик»*. Кому верить? Вопрос, похоже, риторический.

За Федотовым, помимо интеллектуальной традиции европейской России, стоял еще и исторический опыт, выбор Ататюрка (Ау, Невзоров!). Или и впрямь придется нигилист отрицать, что не пришлось турецким Иванам Денисовичам, не говоря уже об интеллигенции, пережить ничего подобного тому, на что обрекло российских ленинское второе издание «исторической России»? За летописцем, с другой стороны, не стоит ничего, кроме иллюзии, что и в XXI веке можно жить так же, как в XIX. Кроме стремления, то есть, сохранить все завоеванное за века. Мало ему двух исторических катастроф в одном столетии. Соскучился по третьей?

О чём на самом деле спорили

Все это, однако, лишь историческая метафизика, если можно так выразиться. Люди, делавшие в 1990-х историю, понимали ее лишь интуитивно и спорили в совсем других, «физических», если хотите, терминах. Не о развале Союза шла поначалу речь, но о ДРУГОМ Союзе. Не о традиционном, то есть, в России имперском Союзе, где Центр тянет к себе налоги со всей страны, а потом распределяет их по своей воле по республикам. Но о таком, где суверенные республики собирают налоги и посылают Центру столько, сколько считают нужным. Такая странная конструкция считалась в ту начальную пору демократической, хотя в США, допустим, штаты и федеральный центр собирают налоги просто отдельно, каждый для себя. Но США не Россия, где вековой страх перед самодержавным Центром затмевал все рациональные соображения.

Как бы то ни было, именно об обновлении Союза шла речь и в той Декларации, которую летописец обозвал «идиотской»: «Верховный Совет полон решимости создать демократическое правовое государство в рамках ОБНОВЛЕННОГО Союза». А потом грянул августовский путч 1991 года. И обнаружилось вдруг, что страхи были не напрасны, что декларации декларациями, а самодержавный Центр ни к какому обновлению не способен, а к САМОВОСПРОИЗВОДСТВУ, наоборот, очень даже способен. Не зря, выходит, Украина приняла свою Декларацию о суверенитете и начала готовить референдум о независимости уже 24 августа, через пять дней после путча. Но в России даже путч не сокрушил мечту об обновлении Союза. «Путчисты сорвали подписание Союзного договора, – сказал 13 сентября на V Съезде народных депутатов РФ президент Ельцин, – но не смогли уничтожить стремление

республик построить новый Союз. Необратимым стал лишь развал тоталитарной империи, а новые добровольные, равноправные отношения между республиками выстояли». Вот такой он был «разрушитель Союза».

Другое дело, каким должен был стать этот обновленный Союз – Федерацией или Конфедерацией, сводящей роль Центра к минимуму. Об этом после путча и спорили. Окраины были радикальнее России – Федерацию они теперь отвергали напрочь: либо Конфедерация, либо независимость. Впрочем, еще 12 июня 90-го Ислам Каримов, представляя в Совете Федерации Верховного Совета СССР позицию Узбекистана, заявил: «Наиболее приемлемая форма будущего Союза – Конфедерация... Это должен быть совсем новый Договор и приступить к нему надо немедленно, поскольку завтра может быть поздно говорить и о Конфедерации. Мы видим себя свободной республикой».

Ландсбергис представлял позицию Литвы еще более максималистски: «Будет ли Союз определяться как Федерация или Конфедерация, все равно Литва сохраняет свой путь как субъект МЕЖДУНАРОДНОГО права (в переводе с политкорректного: мы из Союза уходим). Вот что ответил на это «разрушитель СССР» – в реваншистской мифологии – Ельцин: «У нас есть Декларация – мы остаемся в Союзе».

А Горбачев – «президент-резидент», согласно летописцу, разваливший по заданию вражеских спецслужб СССР (на самом деле сохранение Союза было для него вопросом политической жизни и смерти: не сохранив его, он просто лишился должности), неколебимо стоял за Федерацию. Правда, и он готов был уже почти на любые уступки: «Я за Союз Суверенных Государств (ССГ). В рамках такой Федерации готов предоставить республикам РАЗНУЮ СТЕПЕНЬ самостоятельности».

Но было поздно

7 декабря 91-го, выступая в Верховном совете Белоруссии, Ельцин сказал: «Участников переговоров в Ново-Огареве (там обсуждался горбачевский проект ССГ) становится все меньше. Скоро за стол переговоров вообще некому будет сесть». И правда, не соблазняла больше окраины даже «разная степень самостоятельности» в рамках Федерации. Одна за другой склонялись они к идеи Ислама Каримова. Помните: «Мы видим себя свободной республикой» (глухим надо было быть, чтоб не услышать, что ключевое слово здесь – «свободной»?) Особенно после референдума 1 декабря, на котором сокрушительным большинством, включая, между прочим, население Крыма и Донбасса, высказалась за независимость от Союза Украина.

Ельцин объяснил, в чем дело: «Всех пугает возможное возрождение Центра в старых формах. Если останется хотя бы небольшой элемент унитарности, есть риск возрождения той системы, которая уже завела нас в тупик». Вековой страх самодержавия, помноженный на совсем недавний путч, чуть было не возродивший Центр в тех самых проклятых «старых формах», подсознательно давил на умы всех участников политического процесса.

Переубедить Горбачева, однако, оказалось невозможным, он заклинился на своем ССГ. Не убедило его даже то, что Нурсултан Назарбаев, президент Казахстана, без колебаний предпочел СНГ (Сообщество Независимых Государств), предложенное Кравчуком, только что избранным президентом Украины, горбачевскому ССГ. Пришлось менять название, по сути, повторявшее выбор Ататюрка, по секрету от Горбачева.

По секрету, но где? Как? Приглашать глав всех республик – Горбачев прознает. Тогда кого? Вспомнили

старую, еще декабря 90-го, идею Назарбаева о «союзе четырех республик». Созвонились. Все четверо согласились. Собрались под видом охоты в Беловежской пуще в Белоруссии. Прилетели будто бы в гости к Шушкевичу, главе Белоруссии, Кравчук с Ельциным. Только Назарбаев, восточный человек, решил заехать сначала в Москву, еще раз попробовать переубедить Горбачева. Обещал прилететь завтра. Но если проговорится Горбачеву Назарбаев, завтра могло и не быть. Как меланхолично заметил присутствующим председатель белорусского КГБ Эдуард Ширковский: «Достаточно одного батальона, чтобы всех нас тут прихлопнуть». Верховным главнокомандующим оставался все-таки Горбачев. Так велико и страшно было недоверие к Центру, даже горбачевскому. Вот и пришлось первоначально подписывать Договор об образовании СНГ втроем. Без всякой торжественности, в охотничьем домике в заснеженной пуще. Но кто доложит об этом Горбачеву?

Президент Украины Леонид Кравчук, Председатель Верховного Совета Республики Беларусь Станислав Шушкевич и Президент России Борис Ельцин

Кравчук, чувствовавший себя «освободителем Украины», отказался ехать в Москву наотрез: «Зачем? У меня куча дел дома. А директивы мне не нужны». А белорусы прибеднялись: «Мы маленькие, вы большие, вам и решать». Выходило, что докладывать – Ельцину. А он как раз дольше всех колебался. «Нельзя сказать, – свидетельствует Гайдар, присутствовавший при этой сцене, – что у него была какая-то твердая линия, что со всем этим делать, как из этой ситуации вырullивать. В то же время ясно было, что тянуть с этим тоже нельзя. Только в последнюю минуту 8 декабря, я думаю, он принял окончательное решение». В отличие от Ельцина, Кравчук был с самого начала категоричен: «Никакого Союза! – заявил он, по словам документировавшего встречу Олега Мороза. – Никакого Союзного Договора! Украина – независимое государство. Все. Оревуар! Адью! Прощевайте!». И, по словам самого Кравчука: «Я был убежден, что Украина завоевала себе право строить свою жизнь самостоятельно».

На следующий день уже в Москве Ельцин позвонил президенту СССР, пост которого они в некотором роде вчера упразднили. Тот, конечно, все знал. Потребовал: «Что вы там натворили? Жду в Кремле». «А меня там не арестуют?» «Ты что, совсем с ума сошел?». Такой вот был финальный диалог.

Последние содрогания

Горбачев, конечно, рвал и метал. Одна бесплодная мысль сменяла другую. Созвать Съезд народных депутатов СССР? Да он и Госсовет не мог уже собрать, какой там Съезд? Не приехали ни Акаев из Киргизии, ни Каримов из Узбекистана, ни Тер-Петросян из Армении, ни Набиев из Туркмении, о прибалтах и грузинах и говорить нечего, те давно уже отрезанный ломть.

А теперь еще эти четверо... Обратиться к народу по телевидению? Новый референдум? Не было больше советского народа. И Союза не было.

Лидеры бывших республик, а ныне независимых государств, говорили об этом без обиняков. Аскар Акаев: «Главная ошибка Горбачева – его нежелание признать почти единодушное желание республик формировать не Союз, а Сообщество независимых государств». Резче других говорил Назарбаев: «Горбачеву пора перестать кликушествовать, что будет война и кровь. Если не будет провокаций (намекалось, как в Югославии, на провокации Центра), то не будет и оснований для беспокойства по этому поводу». К чести Горбачева, мысль о провокациях ему, в отличие от Милошевича, не приходила. Тем более о том, чтобы «прихлопнуть» собравшихся в охотничьем домике в Беловежской пуще (хотя Назарбаев ему, конечно, все рассказал).

Объяснил это в дневнике его помощник и друг Анатолий Черняев: «Каждый день цепляния за Кремль отдаляет момент, когда история поставит Горбачева на его место – великого человека XX века... Не мельтешить, не противоречить всему, что он сам считал обязательным для порядочных и мужественных людей».

Последний шанс

12 декабря Ельцин представил Договор об СНГ Верховному Совету России. Быть или не быть Союзу зависело теперь от этого Совета (Верховные советы Украины и Белоруссии одобрили Договор еще 10 декабря). Вот что сказал Ельцин: «В течение нескольких лет страна переживает глубокий кризис государственности. Разложение мощных структур Центра вело к утрате управляемости, усилению экономического кризиса, падению жизненного уровня населения, увеличению

социальной нестабильности. Еще два года назад стало ясно, что союзные структуры неспособны к обновлению... Но понять этого не смогли или не захотели. Наоборот, начался многомесячный период подготовки Союзного Договора. Стало очевидно, что не будет Союза, если не устраниТЬ главного – самовоспроизведст-ва командных структур Центра».

Главной угрозой, однако, оставалось, по мнению Ельцина, назревания НОВОГО ПУТЧА: «Снова все более явно стал обозначаться силовой сценарий развития событий. Призывы восстановить контроль над всей территорией бывшего Союза любыми средствами стали звучать все более громко». О том удалось ли Ельцину убедить свою аудиторию можно судить по тому, что восемнадцать фракций Верховного Совета из восемнадцати проголосовали за предложенную им резолюцию. «Против» голосовали только шестеро (депутатская группа Сергея Бабурина). Имея в виду, что Бабурин в своем выступлении приравнял путчистов к Христу («Они взошли на Голгофу для спасения Союза»), понятно, почему эти шестеро любезны летописцу. Понятна также ничтожность оппозиции распаду «исторической России» в ее тогдашнем Верховном Совете. Сторонники распада победили нокаутом. Никого уже не удивило после этой победы, что 21 декабря одобрили Договор об СНГ все двенадцать республик бывшего Союза (исключая, конечно, прибалтов, которые вообще не желали иметь ничего общего с судьбою бывшего Союза).

Остается один лишь вопрос, вынесенный в заголовок этой главы: кто, судя не по реваншистскому мифу, а по приведенным выше фактам, развалил Союз? Кто, иначе говоря, исполнил роль Ататюрка в распаде второго издания «исторической России»? Очевидно из всего, что изложено выше, что исполнили эту роль ВСЕ игроки тогдашнего политического поля, кроме,

разумеется, «президента-резидента», по версии летописца, Горбачева. В первую очередь внесли, естественно, свою лепту окраины, Верховные Советы всех 12 бывших республик (ни один не выступил «против»), не отставали от них и лидеры этих республик, т.е. практически вся поголовно политическая элита начала 1990-х. Другое дело, что одни, как прибалты, грузины, Кравчук или Каримов, сделали это с удовольствием, другие, как Назарбаев или Ельцин, скрепя сердце.

Оцените после этого объективность (и справедливость) массовой реваншистской мифологии, избравшей на роль виновников развала Союза именно... Горбачева и Ельцина. Сужу, опираясь не только на писания летописца, но и на транспаранты, поднятые, как мы скоро увидим, гигантской разъяренной толпой во время первой осады Останкино летом 92-го (см. главу восьмую «12 июня 1992 года»). Вот что гласили эти транспаранты: «Проклятье матерям, давшим жизнь Горбачеву и Ельцину!».

Кто сказал, что глас народа – глас божий?

Глава 8

12 ИЮНЯ 1992

Да, годовщина провозглашения суверенитета России. Но для страны ничего особенного в тот день не случилось, а что случилось, забыто. Зато для истории непримиримой оппозиции, которой мы с читателем заняты, день этот мог стать поистине знаменательным: совпали ведь два события, которые могли раз и навсегда решить ее судьбу. Во-первых, нашла она себе, наконец, ЛИДЕРА, способного, казалось, повести ее к победе. Во-вторых, началась первая осада Останкино. Тысячи «патриотов» собрались у телецентра. То был, если хотите, символический ответ демократам на «ночь страха» с 19 на 20 августа прошлого года: мы, мол, не хуже вас постоим за Россию (разница была лишь в том, что демократы стояли в ту роковую ночь за свободу, за что стояли 12 июня 1992 в Останкино «патриоты», мы скоро увидим).

Первое событие происходило не в каком-то кинотеатре, а в Колонном зале Дома Союзов, самом престижном из дворцов в центре Москвы (в том самом, где прощались со Сталиным). И съехались на первый объединительный съезд Русского национального Собора 1250 делегатов из 117 городов и 62 политических организаций из всех республик бывшего СССР. Я был на этом съезде и могу засвидетельствовать, что торжественность его вполне сопоставима была, пожалуй, с партийными съездами КПСС. Во всяком случае, впечатлил он иностранных журналистов несопоставимо больше февральского Конгресса РОС. Один пример. 16 июня Югославское телеграфное агентство распространило комментарий своего корреспондента в Москве, в котором, в частности, говорилось: «Кто присутствовал на съезде Русского национального Собора,

не может больше утверждать, что оппозиция не взяла бы в свои руки власть, если бы выборы состоялись завтра».

В Останкино я 12 июня не был. Но подробные заметки о том, что там происходило, оставила нам русская эмигрантка Марина Хазанова, не попавшая в Колонный зал (пускали ведь и туда по пригласительным), но решившая посмотреть, чем занята в это время патриотическая «улица». Наверняка я ее уже где-нибудь цитировал. И вообще обнаружил я, что совсем избежать повторений практически невозможно: число более или менее объективных свидетельств ограничено. Поэтому иные фрагменты событий, пусть под разными углами зрения и в разных аспектах, но в какой-нибудь из моих книг могли появляться. Так что главное преимущество этой главы в том, что здесь многие из них впервые собраны вместе. Но порядочно, конечно, и нового материала. К делу, однако.

Колонный зал. 12 июня 1992

Ничего похожего на февральский Конгресс, никаких «памятников», никто не «затаптывал» ораторов ногами, не захлопывал ладонями: не узнать было вчерашнюю партизанскую вольницу. Буквально за несколько месяцев непримиримая оппозиция повзросла до неузнаваемости. Очевидно, что нашелся-таки хозяин, навел порядок. И, кажется, я подписался бы под мнением югославского корреспондента, которое я только что цитировал. Действительно, создавалось впечатление неотвратимости: надвигается новая власть. Вспомнились шаги Командора. Страшновато. И не мне одному ведь так почувствовалось.

Именно тогда, в середине июня, министр иностранных дел РФ Андрей Козырев публично признал, что

«для России наступает последний Веймарский год». И видный либеральный журналист Валерий Выжутович согласился, писал 16 июня в статье «Либеральный испуг» в **«Московских новостях»**: «Мне не кажется сенсационным вывод Андрея Козырева, чье интервью **«Известиям** почему-то наделало шума, хотя для вдумчивых наблюдателей уже совершенно очевидно: то, что происходит сейчас у нас, похоже на 1933 год в Германии». Правы были они или неправы, одно казалось несомненным: в этот день в Колонном зале происходила коронация русского вождя.

Блистали в президиуме все звезды «патриотического» небосклона, включая, кстати, «наци» Баркашова. Зрелище в зале тоже было впечатляющее: пиджачные пары «перебежчиков» перемежались с черными сутанами священников, казачьи черкески с золотопогонными мундирами генералов. В первых рядах клубился оппозиционный бомонд, знаменитые писатели перешептывались с еще более знаменитыми кинорежиссерами.

Колонный зал дома Союзов

Подчеркивая солидность мероприятия, открывал Собор знаменитый ученый, член-корреспондент Академии наук СССР, бывший диссидент и – из песни слова не выкинешь – зоологический антисемит Игорь Ростиславович Шафаревич. Приветственное слово его было обращено к «спасителю патриотической России», бывшему генералу КГБ Александру Стерлигову. Генерал ответил с каменным лицом: «Нам не понадобится суд присяжных, у нас есть опыт наших отцов. Опыт чистки и наведения порядка. Для врагов народа не нужен суд». Его слова потонули в овации зала. Призыв к террору услышали. И с трибуны понеслось: «К стенке правительство измены!», «Долой оккупационный режим!». Бал правила, впору вспомнить Федотова, ненависть.

Собор утвердил программу будущей «патриотической» партии. Называлась она длинно «Преображение России: программа действий Русского национального Собора по спасению отечества».

А. Н. Стерлигов

И. Р. Шафаревич

Но *День* тотчас сократил ее до «Третьего пути», что означало: Собор «против как интернационального коммунизма, так и космополитической западной демократии». Рыночную экономику программа не отрицала – уступка предпринимателям, финансировавшим мероприятие, в частности, Константину Анучину из Нижнего Новгорода и Герману Стерлигову, – но в неопределенном будущем.

Переходный период, однако, напоминал нечто вроде военного коммунизма со строго ограниченной циркуляцией денежного обращения и фиксированными государственными ценами – под наблюдением некой «гвардии рабочего класса». «Одностороннее разоружение России» прекратить немедленно. Русскому населению в каждой из бывших республик – автономию. Единая валюта на всем пространстве бывшего СССР. Выделялась на этом фоне замечательно трезвая оценка экономических перспектив России: «К началу следующего столетия страна должна достичь уровня жизненных стандартов Португалии или Греции».

Останкино

Один из молодых идеологов оппозиции Сергей Казеннов так по свежим следам суммировал в *Дне* настроение «патриотической» элиты в Колонном зале: «Не на второй, на десятый план должна отойти извечная российская проблема левых-правых, красных-белых. Причем это не должно быть времененным перемирием на период борьбы с общей угрозой. Участникам различных движений, входящих в ОПО (объединенную патриотическую оппозицию), давно пора понять, что их разделяют символы прошлого, но отнюдь не задачи будущего». Посмотрим теперь глазами Марины Хазановой, забыла ли о символах прошлого патриотическая «улица».

«Когда я подошла к площади возле телецентра, там уже стояли тысячные толпы с сотнями лозунгов. Я стала обходить группы и читать лозунги. Вот типичные: «ТВ и радио – публичный дом, заражение сионизмом гарантировано», «Сплотись, обманутый народ, и с трона свалится урод», «Проклятье материам, давшим жизнь ублюдкам Горбачеву и Ельцину». Далее Марина рассказывает о выступлении поэта Гунько, поставившего толпу в известность, что «Ельцин – это фекалии партии, и он отравил ими всю страну... Иуда Ельцин предал нас. Но Иуда, по крайней мере, удавился, а этот палач народа удавит нас». И толпа скандировала: «Долой Ельцина! Долой! Долой!»

«Я видела, как увеличивается заряд ненависти, как наливаются яростью лица, как сжимаются кулаки... Чуть поодаль стояли чернорубашечники, представители Союза русской молодежи. Когда я подошла, слушателям предлагалось записываться в отряды народного ополчения, чтобы бороться за восстановление на престоле православного русского царя, а не жидовских наймитов. Поднятые над толпой лозунги предлагали удавить одной веревкой Абрама Яковлева и Козырева Андрея Абрамовича (речь шла, конечно, об Александре Николаевиче Яковлеве и Андрее Владимировиче Козыреве). И здесь тоже скандировали «Иуду повесить!» и размахивали хоругвями... Эмоции накалялись. С криком «Долой жидов с телевидения» толпа кинулась штурмовать телецентр, началась потасовка с милицией, которой почему-то было мало».

А. В. Козырев

(Вторгнувшись на минуту в рассказ Марины. Похоже, московские власти и в 92-м жили представлениями 1917: «почта, телеграф, телефон». Небось, даже обрадовались, что не в центре города собрались «непросвещенные» патриоты, а в Останкино, на отшибе. Достаточно сказать, что в разгар событий начальник московской милиции Мурашов уехал с женой на Филиппины. Даже в голову ему, по-видимому, не пришло, что могло бы произойти в России – и в мире, – захвати тогда «патриоты» телецентр и объяви на всю страну, что власть переходит в руки Русского национального Собора! Страшен сон да милостив Бог. На этот раз была в Останкино лишь репетиция штурма. Когда «патриоты» вернутся в следующем году с оружием в руках, телецентр будет охранять отряд спецназа. Научило, значит, чему-то 12 июня власти. Ничего этого не могла, конечно, знать Марина, потому и удивлялась).

«Какая-то взлохмаченная дама с глазами, вылезающими из орбит, лупила древком знамени милиционера, который не пропускал ее в здание. Группа рядом с ней старалась разбить линию металлических барьеров и кричала «Сионистов к ответу!» и «Где прячется жид Яковлев?» (Здесь уже речь о Егоре Яковлеве, тогдашнем председателе телерадиокомпании). После драки с милицией группа митингующих прорвалась в телецентр и была принята Егором Яковлевым, который согласился начать переговоры о телевизионном времени для оппозиции, но в понедельник, 15 июня».

На следующее утро Марина вернулась в Останкино. И вот что она увидела. *«Перед моими глазами раскинулся палаточный городок, обвешанный лозунгами. Я спросила одного из палаточников: «Скажите, пожалуйста, а что вы делаете, если вам не дадут так много времени на телевидении, как вы хотите?» Ответил однозначно: «Перебьем всех жидов».*

В это время от дверей телецентра послышалось много раз повторенное: «Жид, жид, жид!». Я бросилась туда. По обе стороны от входа в две шеренги стояли субъекты, часть которых не вполне твердо держалась на ногах. Они рекомендовали себя представителями Русской партии. Каждый входящий в телецентр подвергался оскорблению. При мне девушка явно славянской внешности попыталась не идти сквозь строй, а выскочить наружу. Не тут-то было, партийцы взялись за руки и прогнали голубоглазую красотку под крики « жид » через весь коридор. Большинство телевизионщиков шли сквозь строй молча, стараясь не поднимать глаз. Я стояла около получаса и ничего, кроме « Жид, убрайся в Израиль! » – не слышала. Скандировали громко, с лихостью.

Миллионы людей видели по телевизору, как избивали милиционеров, как издевались над телевизионщиками, как плевали в лицо женщинам, как били палками журналистов, вступавших за женщин...»

Две гипотезы

Я понимаю, как трудно поверить сегодняшнему читателю в то, что бывает и такая Россия. И в то, что была она рядом с нами не в какие-то допотопные времена после революции Пятого года, а вот, едва двадцать лет прошло. И что живы еще люди, которые в этом участвовали. Я не о рядовых, не о солдатах реванша. Я о «соборных» генералах, посетивших Останкино и видевших своими глазами, не по телевизору, бушевавшую там расовую ненависть. Их-то как не сжигает стыд за свой «патриотический» народ? Я о Проханове, например, не нашедшем ничего лучшего, выступая перед обезумевшими от темной ненависти людьми (людьми ли?), чем подбросить хворосту в костер этой ненависти: «У нас

один враг, одна мировая сионистская гидра нас гложет и жрет». Он-то как может жить с таким мерзопакостным скелетом в шкафу?

Так или иначе, первое, что бросается в глаза при сопоставлении двух событий 12 июня – это цветовой контраст: торжественно братаются на Соборе в Колонном зале «красные» и «белые» генералы оппозиции и беснуется на отшибе, в Останкино, их «коричневая» армия. У нее свои уличные вожаки, которым до лампочки и «красные», и «белые». Не зря же, приехав к ним, ни слова не проронил Проханов о «красно-белом» соборном братании, исключительно про «сионистскую гидру». Не подвела его политическая интуиция, понял, кто здесь хозяева. И не зря не приехала в Останкино обещанная делегация от Собора. Нечего им было там делать.

Короче, генералы и их армия говорили на разных языках, мыслили в разных терминах и даже окрашены были в разные цвета. Повторилась ведь на самом деле в июне ситуация февральского Конгресса РОС. Та же партизанская вольница, только разведенная географически, котлеты, так сказать, отдельно, а мухи отдельно.

Тут возможны две гипотезы.

Первая. «Красно-белые» генералы не контролируют свою «коричневую» армию. Стоит ей выйти на простор самостоятельного действия, она начинает жить своей, совершенно независимой от них жизнью. Если эта гипотеза верна, «патриотическая» интеллигенция играет с огнем. Ибо, если ей и впрямь удастся выпустить из бутылки «коричневого» джинна, он, руководимый своим зоологическим инстинктом, сметет ее со своего пути вместе с ненавистной ему «сионистской гидрой». Понравится ей «Абрам Шафаревич»? Чем лучше «Абрамович Стерлигсон», чем «Барух Эльцан»?

Вторая гипотеза (к ней все больше склонялась либеральная публика в Москве): никакой пропасти между «красно-белой» интеллигенцией и ее «коричневой» опорой нет. Просто разделение труда. Одни разыгрывали спектакль братания, а другим не было нужды маскироваться – и сущность «патриотической» оппозиции обнажилась в Останкино. Пора, мол, называть вещи своими именами. Как писал известный юрист Андрей Макаров, «многие, несмотря на предупреждения, не верили, а может, просто не хотели верить, что фашизм в нашей стране возможен. Сейчас мы увидели, что и в России он стал реальностью».

Очень многое говорило в пользу второй гипотезы. Ольга Бычкова, тогда корреспондент **Московских новостей**, побывала и на Соборе, и в Останкино. Вот ее заключение: «Все, что составляло обязательный фон выступлений на Соборе, что пережевывалось в кулаурах, прорывалось в докладах, но не вошло в программные документы, осело на останкинских турникетах». Еще более поразительным было выступление на Соборе Николая Павлова, заслуженного «перебежчика» и испытанного бойца непримиримой оппозиции: «Девяносто процентов собравшихся здесь, ругают, извините, евреев и только десять процентов учат русских, что надо делать». Немыслимо, кажется, представить себе более чистое экспериментальное подтверждение федотовского приговора. Напомню, его нужно знать, как «Отче наш»: **«Ненависть к чужому – а не любовь к своему – составляет главный пафос современного национализма».**

А газеты и журналы оппозиции? Вот что сообщали **Российские вести** 25 июля 92-го: «Подсчитано, что в одной только Москве издается свыше 30 газет и 6 журналов фашистской и антисемитской направленности... В Екатеринбурге, Вологде, Златоусте,

Иркутске, Магадане, Нижнем Тагиле, Новосибирске, Тюмени, Махачкале, Днепропетровске, Минске, Новгороде выходит еще 18... Суммарный тираж только сугубо антисемитских изданий достигает, по некоторым данным, нескольких миллионов экземпляров». Может быть, не генералы «патриотической» оппозиции все это редактируют, но уж наверняка и не темные люмпены. Открыли бы вы хоть столичную газету **«Русское воскресение»**, выходящую под девизом «Один народ, один рейх, один фюрер». Публиковала она, в частности, из номера в номер с продолжением «Справочник патриота-черносотенца», с подзаголовками: «Жиды», «Жиды у власти», «Гитлер – человек высокой морали». Обличает ведь хотя бы элементарное знакомство с историей, не правда ли?

«Русский монстр»

Все это страшно убедительно. Нечего было мне практически возразить против второй гипотезы: сверху донизу – все фашисты. И когда я все-таки решил копнуть поглубже, провести серию диалогов с генералами оппозиции, друзья в Москве спрашивали меня перед встречей с тем же Прохановым: согласился бы Томас Манн встречаться с Гитлером? Предостерегали, что после такого «диалога» уважающие себя москвичи перестанут, чего доброго, подавать мне руку. И, тем не менее, не был я до конца уверен, что все так просто. Что-то свербело. Я сейчас приведу кусочек магнитофонной записи этого диалога и оставлю на суд читателя решать, кто был прав и – в конечном счете – какая из двух гипотез верна.

Проханов (П). – То, что сделали с нами, это же преступление. Свалить на голову авторитарной империи

демократические институты – мы взорвались, мы уничтожены.

Янов (Я). – Но ведь то же самое сделали с Японией – и ничего. Не взорвалась.

П. – *Нет, не то же самое. В Японии демократия была под контролем американских штыков.*

Я. – Но ведь американцы довольно скоро ушли. Что помешало бы японским реваншистам взяться после их ухода за старое?

П. – *Так американцы же японских патриотов повесили или заморили в казематах. Да и не осталось ничего к тому времени от японской империи. Она была разгромлена. А мы победили!*

Я. – Да, и поэтому у них есть демократия, а у нас нет? И продолжительность жизни у них вдвое дольше, чем у нас? И уровень благосостояния вчетверо выше? Бедные, пострадавшие от демократии японцы. Ладно, оставим это, американских штыков у нас нет и не будет. Придется разбираться самим. Вы, реваншисты, раскололи страну. И все из-за того, что она больше не простирается на 1/6 часть земной сушки, всего лишь на 1/8. Россия, между прочим, и сейчас вдвое больше и США, и Китая. Я не говорю уже, что есть в мире страны и поменьше этих гигантов. И ничего, живут как-то. А вы страдаете, предали, мол, нас, продали. Такая у вас, видите ли, территориальная клаустрофобия, ну, никак невозможно жить на 1/8. Как бы то ни было, однако, страна расколота. Так долго продолжаться не может. Взрыв назревает. Что делать?

П. – *Дать нам, русским патриотам, немедленный выход во все эшелоны власти, политики и культуры. И тогда мы этой угрюмой, закупоренной в массах русского населения национальной энергией, которая, вы правы, еще немного – и может превратиться в энергию*

взрыва, может стать национальным фашизмом, будем управлять.

Я – Но, Александр Андреевич, вы ведь сами признаете, что национальная энергия, о которой вы говорите, – дикая, фашистская, коричневая энергия. Откуда же у вас уверенность, что «тонкая пленка русской культуры», как называете вы себя и своих товарищей, справится с этой энергией? Вы ведь все время подчеркиваете хрупкость *вашей* «пленки». Где в таком случае гарантия, что не найдет коричневая энергия других лидеров, покруче вас. Скажем прямо, нацистских лидеров, не будем называть имен, вы их знаете лучше меня. И знаете, что в их глазах вы и сами кажетесь либералами и предателями национального дела. В конце концов, жирондисты стали жертвами якобинцев, и меньшевики жертвами большевиков, хотя и вместе боролись. Не может ли так случиться и с вами?

П. – Конечно, но ответственность за рецидив крайних форм русской национальной энергии несет не патриотическая интеллигенция, которая пытается дать ей канал, имя, лексику, управляемые формы, а та слепая, вульгарная политология, которая рядится сейчас в мундиры высоколобых шеварднадзе и яковлевых... Едва они уничтожат тонкую пленку русской культуры, русская национальная энергия станет дикой. Она будет помещена в огромные индустриальные регионы бастующих заводов, в блатные зоны Сибири, и оттуда вылезет русский монстр, русский фашизм, и вся эта омерзительная, близорукая, бесовская победительная демократическая культура будет сметена.

Я. – Но ведь все-таки не Шеварднадзе приезжал в Останкино разглагольствовать о «сионистской гидре». Это и есть лексика, которую вы пытаетесь дать «русскому монстру»? И вообще, кто бы ни помог ему вылезти, будет он страшен для России, если

не смертелен, как Гитлер для Германии. Этого вы не боитесь?

П. – *Мы уже ничего не боимся, мы живем после конца, мы прошли все гильотины, все голгофы, нам нечего терять.*

Я. – Вам может быть, но о России-то вы подумали?»

Поскольку продолжалась эта дуэль больше двух часов, я не стану больше утомлять читателя дальнейшими подробностями. И без них, кажется, ясно, что никакой Проханов не фашист. Он – игрок, азартный, рисковый, замечательно красноречивый, хотя и выспренний, «соловей Генштаба», как сказала про него Алла Латынина, известная в свое время не меньше своей дочери сегодня. Он даже не скрывает, что фашизм – карта, на которую он поставил, его козырной туз. Добивается он власти, авторитарной, имперской, руководимой тем, по его словам, что «на нашем сленге называется русской идеей». Если для того, чтобы такой власти в России добиться, надо пойти на риск русского фашизма, Проханов готов. Он знает, что гарантии нет, что игра смертельно опасная, но это его игра. А уж что там может случиться с Россией, тем более с миром, его не волнует. «НАМ нечего терять».

Надеюсь, читателю будет теперь легче судить, какая из гипотез ближе к истине. Что до пользы моих диалогов с лидерами непримиримой оппозиции, скажу, что на самых азартных из них, вроде Зюганова или Жириновского, мои аргументы никак, конечно, не подействовали, но некоторые, не буду называть имен, прислушались и даже «разоружились».

Крушение кумира

Мы расстались с Александром Стерлиговым в разгар его звездного часа, когда ничто, казалось, не могло

омрачить его репутацию генерала на белом коне, прискаавшего спасать «патриотическую Россию», став символом преодоления «исторического раскола страны на белых и красных». Ну, право, не генерал, а новый генералиссимус.

Ошибка его состояла в том, что он, в отличие от предшественника, поверил в свою судьбу единоличного вождя, не обезвредив предварительно своих соперников. В частности, не принял он в расчет «перебежчиков», не понял, что копать под него они начнут тотчас же, и предлог сокрушить нового кумира найдут очень быстро. Конкретно выглядел он так.

Падение «правительства измены» считалось к тому времени делом предрешенным. Оппозиция в Верховном Совете уже вынудила Ельцина «сдать» Гайдара, сдаст и Черномырдина. Но что потом? Развивать успех, попытавшись свалить самого Ельцина? Или предложить президенту фейковый компромисс – заменить «правительство измены» коалицией, составленной из людей Стерлигова, слегка разбавленной статистами из «Гражданского союза» Вольского?

Именно такой «коалиционный» маневр и привел к власти Гитлера. Он не пошел на конфронтацию с президентом Гинденбургом. В январе 1933-го он предложил ему коалицию – и выиграл. Вдохновленный, надо полагать, этим историческим опытом и вообразив себя единоличным вождем оппозиции (что после июньского торжества на Соборе казалось совершенно естественным), Стерлигов заявил, что предлагает Ельцину сделку – коалиционное правительство (с собой в качестве премьера) в обмен на неприкосновенность его президентства. «Перебежчики» тут же обвинили его в превышении полномочий. И «белые», к удивлению Стерлигова, их поддержали. Они требовали свержения «оккупационного режима», а не одного

лишь «правительства измены». Два слова меняли всю диспозицию.

А «патриотические» массы требовали еще большего. Национальной революции они требовали. Выражая их настроения, темпераментный Эдуард Лимонов рвал и метал. Какие могут быть сделки с «оккупационным режимом»? Как писал он в *Дне*: «Мы все, без сомнения, скоро умрем, если не поднимемся сейчас же на национальную революцию». И тут же объяснял, что именно имел он в виду: «Мы не хотим вашу либерально-демократическую интернационалистскую Россию. Нам нужна национальная Россия, от Ленинграда до Камчатки только русский язык и русские школы. Мы хотим русифицировать страну национальной революцией».

Никто еще до Лимонова не сформулировал так графически, что на самом деле «национальная революция», которой добивались «патриоты», означала гражданскую войну. Можете представить себе, сколько крови понадобилось бы пролить в России с ее двунаадесятю языками, чтобы отнять родной язык у татар, у башкир, у черкесов – о чеченцах я уже и не говорю? А «красно-белый» Сергей Бабурин подзуживал, предлагал «вспомнить о русской миссии, о тайном судьбоносном предназначении нашего народа».

Э. В. Лимонов

Ясно, что закоперщиками всего этого грома, внезапно разразившегося над головой Стерлигова, были «перебежчики», неожиданно объявившие о создании конкурирующей политической организации – Фронта национального спасения. ФНС намерен был добиваться головы Ельцина, а не какой-то сомнительной правительственной коалиции под эгидой этого «национал-предателя». И добиваться ее легитимным способом – через Верховный Совет, где у него были сильные позиции.

Стерлигов сделал последнюю попытку удержаться на поверхности, сославшись на июньскую программу, предусматривавшую создание такого Фронта как составной части своего Собора, но лидер «перебежчиков» Илья Константинов и слышать об этом не хотел. Он ведь шел не только на штурм Кремля, но и на перехват лидерства. И оба сопредседателя Собора Зюганов и Распутин его поддержали. Более того, весь состав Президиума Собора, включая Баркашова, отмежевался «от заявления Стерлигова, на которое никто его не уполномочивал». Поддержка ВС, обещанная Константиновым, оказалась для непримиримых соблазнительной приманкой.

И. В. Константинов

Так вчерашний генералиссимус был разжалован в рядовые. Это был, как мы знаем, не первый случай в советской истории. Но предшественника Стерлигова разжаловали все-таки после смерти.

И самым обидным для развенчанного кумира было, наверное, отречение Шафаревича, еще

в июне певшего осанну «единственному профессионалу», знающему, как спасти Россию. А уже в октябре Шафаревич вдруг оказался в первых рядах его разоблачителей: «Как я слышал, Стерлигов работал в пятом управлении КГБ, боролся с инакомыслящими. Может, и я был его подопечным... Слова о «правительстве измены», звучавшие на Соборе в Колонном зале, заменились разговорами о сотрудничестве с правительством. Генерал сначала вошел в оргкомитет Фронта, потом в интервью Невзорову объявил Фронт одной из структур Собора, а потом в интервью Киселеву сказал, что не может с Фронтом сотрудничать по причине его коммунистического уклона. Мне кажется, что надежда на генерала Стерлигова была жизнью опровергнута». Профессор немножко перепутал, что чем «заменилось». Простим его за преклонностью возраста. Главное, что пнул низверженного кумира.

История реваншистской оппозиции после путча на этом, впрочем, не завершилась. Впереди ведь еще 93-й.

Глава 9

«ИМПИЧМЕНТ»

Роковой 93-й начался еще в 92-м. Вооруженный мятеж оппозиции, закончившийся тем, что с легкой руки Проханова известно как «расстрел парламента», зародился ровно за год до того, как произошел. Точнее 24 октября 1992 года, когда только что низвергнувшие вчерашнего кумира оппозиции Стерлигова, депутаты-«перебежчики» праздновали союз с «непримиримыми». И празднество депутатов было не менее внушительным, чем июньский Собор. Разве что происходило не в Колонном зале, а в Парламентском центре России. На учредительный съезд **Фронта Национального Спасения** (ФНС) съехались 1428 делегатов от 103 городов и 675 гостей из всех республик бывшего СССР, присутствовало 270 аккредитованных журналистов, 117 из них от иностранных агентств и газет.

Свалить Ельцина!

У меня было серьезное преимущество перед другими историками: благодаря своим диалогам с лидерами оппозиции, я как бы присутствовал по обе стороны баррикад и мог наблюдать зарождение мятежа, когда никто еще ни о чем не догадывался. Например, я точно знал еще в октябре 92-го, НА КОГДА окрыленные своей победой депутаты запланировали низвержение «оккупационного режима». И то, КАК задумали они его осуществить.

Не скрою, у меня был хороший помощник, директор ВГРТК (нынешнего второго канала телевидения) Олег Попцов. Поскольку от него зависело распределение телевизионного времени, он тоже имел доступ

ко «второй стороне» баррикады (и потом описал это в «Хронике времен царя Бориса»).

Болтливый Жириновский похвастался в нашем октябрьском диалоге 92-го, что «в марте в России будет другой политический режим, к власти придут патриоты». Я перепроверил эту новость в диалоге с Кургиняном. Он, к моему удивлению, тоже не стал скрывать, что «в марте-апреле 93-го национально-освободительное движение возьмет власть». Ну, Жириновский крикун, балаболка, он едва ли был в курсе, чем объясняется эта магическая дата. Но Кургинян планировщик. Он должен был что-то знать. И я принял его вымысливать. Говорил он, как всегда, туманно, плел паутину, намекал. Но в итоге у меня все-таки сложилась некая картина будущего переворота. Примерно такая.

Ельцин соберет лучших юристов страны, усадит их за стол Конституционного совещания с тем, чтобы к весне 93-го была готова Конституция новой России. Конечно, имелась в виду Конституция президентской республики, по которой, в частности, президент имел право распускать парламент и назначать новые выборы. В принципе в этом не было ничего страшного: в Японии, как и в Англии, и в Израиле, таким правом обладает даже премьер-министр. И президент Франции тоже им располагает. Но для Российского Съезда народных депутатов, избранного по советской конституции, построенной на отрицании «буржуазного» разделения властей

О. М. Попцов

(«Вся власть Советам!»), это звучало крамолой, ревизионизмом.

Они не желали быть каким-то вшивым «буржуазным» парламентом, ОДНОЙ из ветвей власти. Они считали себя ВЛАСТЬЮ, единой и неделимой. Президент? Пожалуйста, пусть подписывает законы, принимает послов, служит символом страны, как некогда Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Или, если хотите, как английская королева. Да и попросту не собирались депутаты покидать обжитые квартиры в Москве и отправляться «в деревню, в глушь, в Саратов», откуда они приехали. Короче, новая Конституция была им как нож острый.

Вот они и сидели неделями и терпеливо латали старую советскую конституцию. К весне она, подлатанная, тоже должна была быть готова. И VIII Съезду народных депутатов в начале марта будут предложены ДВА проекта конституции. Ельцин, подразумевалось, с ходу отвергнет советскую версию, пусть и подлатанную.

Пресс-конференция Б. Н. Ельцина перед импичментом

И тогда депутаты начнут его нести – грубо, хамски как несла его 12 июня «патриотическая» шпана в Останкино. И додразнят до того, что он потребует всенародного референдума о доверии президенту. Съезд, понятно, с этим не согласится. Разругаются, ни о чем не договорятся.

И вот тут-то депутаты и взорвут свои «бомбы». Уже в конце марта будет созван IX внеочередной съезд, на котором вице-президент Руцкой открыто порвёт с президентом. И председатель Конституционного суда Валерий Зорькин объявит саму идею распустить ВС неконституционной (с точки зрения какой конституции?) – и торжествующие депутаты проголосуют за ИМПИЧМЕНТ президенту. Вот вам и конец «оккупационного режима», как еще на июньском Соборе заклеймили они режим либеральных реформ. Только в июне 92-го то был девиз «непримиримых», а в марте 93-го это будет решение съезда народных депутатов России. Если сдержит свое слово ФНС, в роли непримиримых выступят депутаты.

Манифестация 1 мая 1993 года,
закончившаяся столкновениями с милицией

Президент будет устранен, государственный переворот совершился легитимно – и демократически.

Хитрый план, согласитесь, коварный, но содержался в нем несомненный зародыш будущего вооруженного мятежа, хоть его тогда и не планировали.

Ведь план мог сорваться. А что если Ельцин снова встанет на броневик, как в августе 91-го? Не вы, мол, меня избирали, не вам меня увольнять? Как поведут себя в этом случае оскорбленные депутаты? И, что куда важнее, возбужденные «коричневые» патриоты, которых мы уже видели 12 июня в Останкино? Извиняются и разъедутся по домам? Или будут стоять до упора, чего бы это ни стоило?

Здесь и была Ахиллесова пята всего этого хитрого плана, как я его понял из путаных объяснений Кургиняна. В том-то ведь и дело, что объединившись во Фронте национального спасения с непримиримой оппозицией, включая нацистов, депутаты оказались в плену у нее. Начиная с 24 октября они были повязаны одной веревкой. И в случае провала депутатского плана инициатива неминуемо должна была перейти к непримиримым. Валить Ельцина с этого момента стали бы они, оставив депутатам лишь надувать щеки и делать вид, что они командуют парадом.

Непримиримые

Эти тоже, как мы сейчас увидим, готовились к «мартовским идам». Они-то с самого начала рассматривали октябрьское торжество ФНС как свое собственное. И были уверены в том, что смогут использовать антиельцинский бунт депутатов как легальное прикрытие своей «национальной революции». И в том, что в решающий момент сумеют перехватить у них власть. Документальных свидетельств тому больше чем

достаточно. И все они были пронизаны верой в близость СВОЕЙ, а не депутатской, победы.

Первый в 93-м номер газеты *День* открывался «Новогодним словом» главного редактора. Проханов писал: «Год, в который мы шагнули, запомнится нам как год потрясений и бурь, год сопротивления и победы, физической, во плоти, ибо победу нравственную мы уже одержали». В начале февраля *День* отдал целую полосу репортажу с первого заседания «теневого кабинета – 93». «Стремительно надвигается новая схватка, пик которой придется на март-апрель, когда перегруппировка политических сил завершится. Экономика будет разрушена, продовольственные запасы израсходованы, – брал быка за рога анонимный премьер-министр. – Я предлагаю разработать рекомендации для оппозиционного движения на нынешний час и на то недалекое время, когда оппозиции придется нести бремя власти в разоренной, охваченной беспорядками России».

Тон главного рупора реванша становился агрессивнее – (и, честно сказать, нелепее) – из номера в номер. Вот «секретная стенограмма беседы Ельцина с президентом Бушем в Москве». И комментарий: «Янки получили право убивать россиян и ставить на них эксперименты». Вот монолог генерала Филатова, министра иностранных дел в еще одном теневом кабинете («Русской партии»): «Народ больше не просит хлеба, он требует пулеметов».

Картина, думаю, ясная.

Депутаты

Теперь fast forward к весне. В общих чертах план депутатов я угадал. На VIII съезде Ельцина избивали почище, чем в 1987 году на знаменитом пленуме ЦК

КПСС, – оскорбительно, лихо, чуть не матом. На IX взорвали свои «бомбы» Руцкой и Зорькин, 28 марта проголосовали импичмент. Все шло по плану. И вдруг – просчет. «За» импичмент голосовало 467 депутатов. Много. Но до двух третей, необходимых для импичмента (517), не хватило 50 голосов. Страна могла перевести дух (депутаты настаивали, чтобы все это передавалось по телевидению). Многие вздохнули с облегчением. Говорили, что были заготовлены проскрипционные списки. Не знаю, правда ли, но Гайдар, например, по собственному его признанию, опасался 28 марта ареста. Но – миновало. Что теперь, однако?

Теперь пришлось соглашаться на референдум. Президент настаивал, чтобы в него был включен также вопрос о доверии депутатам (вся их залихватская ругань дала, как ни странно, обратный эффект, рейтинг Ельцина поднялся, рейтинг депутатов упал). Но депутаты, в свою очередь, потребовали включить в референдум убийственный, по их мнению, для Ельцина вопрос: «Одобряете ли вы социально-экономическую политику президента?». Как говорили в мое время студенты, «вопрос на засыпку». Сошлись на том, чтобы включены были оба вопроса.

Удивительно ли после этого, что депутаты были уверены: референдум у них в кармане. «Ельцин не выиграет референдум, – писал известный нам Михаил Астафьев, – даже если его сторонники попытаются подтасовать результаты голосования. Если же Ельцин откажется признать результаты голосования, депутаты вновь прибегнут к процедуре отречения от должности». Вице-спикер Верховного Совета Юрий Воронин уверял Попцова: «Президент проиграет, это однозначно». «А если выиграет?» – пробовал возражать Олег Максимович. Над ним посмеялись: «Да ты что? Это же невозможно!»

Но тут произошло неожиданное. «Я увидел перед собой, – рассказывает Олег, – разбуженного президента, отца нации, нацеленного на действия решительные, как в августе 1991 года». Ельцин лично возглавил знаменитую кампанию «да-да-нет-да», где третьим вопросом в референдуме было доверие к депутатам. И оказалось – оно ниже низкого. Политика президента собрала больше 50 %. «Президент выиграл нокаутом», – сказал об итогах референдума С. А. Ковалев.

Разочарование

Совсем другую реакцию, понятно, вызвало поражение депутатов в лагере непримиримых. Уже на следующий день после референдума *День* писал: «Сколько у нас было надежд на Союз гражданских и патриотических сил, на Русский национальный собор, на Фронт национального спасения! Но – увы. Надежды не оправдались. Нужны ли и впрямь нашей стране все эти телевизионно-опереточные представления, называемые Съездом народных депутатов, если пользы от них ни на грош?» А знакомый нам еще по советским временам журнал *Молодая гвардия* и вовсе направил против Съезда отправленные стрелы, обычно приберегаемые для демократов: «Съезд взяла под контроль тайная агентура». Лимонов, конечно, опять завел свою старую шарманку про «национальную революцию», вопиял: «Старые методы оппозиции не годятся. Ясно, что не помогут уже ни Фронты, ни Соборы».

Но даже серьезные аналитики непримиримых, как Александр Бородай и Григорий Юнин, соглашались: «Демороссы из президентских структур и театрально противостоящая им группа их коллег, вдруг опознавшая себя как «партию Советов», вовлечены в ИСКУССТВЕННО ИНСЦЕНИРОВАННОЕ (выделено

авторами – А. Я.) соперничество». А еще более радикальный Вадим Штепа добавлял: «Мы стали заложниками эрзац-государственности и эрзац-политики».

Да, разочарованные двойным – с импичментом и с референдумом – поражением депутатов непримиримые беспощадно высмеивали «политиков в жилетках», как презрительно прозвал их Проханов. Но куда без них? С надеждой на военный переворот они распостились давно. Проханов объявили веру в генералов химерой. «Не оказалось государственно мыслящей элиты в армии, среди генералов, по-совиному молчавших на съездах, шесть лет безропотно уступавших военную мощь державы, послушно склоняя шеи перед легковесными, как пузырьки, реформаторами и принимая из их рук отставку, домашние шлепанцы и колпак».

Пробовали и сценарий революции снизу. Устраивали то «марши пустых кастрюль», то многотысячные митинги – 12 января, 9 февраля, 23 февраля, 17 марта 92-го – с требованиями восстановить державу и вернуть ленинские Советы. Провоцировали всеобщую забастовку. Но – не получалось. Не поднимался рабочий класс на защиту Советов. Надоели.

И, что хуже, массовое движение было тотчас монополизировано коммунистами. Черно-золотистые знамена «белых» тонули в море красных флагов. «Белые» забили тревогу. «Коммунисты, – писал Николай Лысенко, – опять выдвигаются на первый план. Их лозунги просты и понятны: быстро сделаем, как было раньше. И народ может за ними пойти, забыв про все преступления коммунистов у власти». И что тогда будет с «красно-белой» оппозицией? По всему выходило, что при всех их слабостях более надежных союзников, чем «политики в жилетках», у непримиримых не было.

После референдума

На депутатском фронте, между тем, все было без перемен. Если не считать того, что в августе большая группа литераторов, иные с неоспоримым авторитетом в обществе, обратилась к президенту с требованием «не позднее осени текущего года провести досрочные выборы высшего законодательного органа страны». Интеллигенция окончательно отвернулась от ВС. А так – лето, время отпусков. Власти пребывали в состоянии «развода». Ни один из проектов Конституции утвержден не был. Страна как бы застыла в ожидании неизвестно чего.

Тучи начали сгущаться лишь 19 августа, в день второй годовщины путча, когда президент сказал: «Я перед выбором – либо реализовать волю народа, выраженную на апрельском референдуме, либо позволить Верховному Совету дестабилизировать обстановку в обществе». Говорил спокойно, как бы раздумывая, но намекнул, что «сентябрь может быть горячим». В ответ ВС заявил, что ни о какой новой конституции не может быть и речи: «Мы внесли 20 поправок в старую, этого больше чем достаточно». Одна из их поправок давала ВС право «по собственному усмотрению решать любой вопрос в пределах РФ». Общий их смысл сводился к тому, что Советы (и в первую очередь, конечно, главный из них – Верховный Совет) являются единственной законной властью в стране.

Очевидно, что нашла коса на камень. Страна в тупике. Все гадали, что может означать «горячий сентябрь», обещанный Ельциным. Съезд, заседающий в Белом доме, раскололся. Демократическая его треть ушла, вслед за Николаем Травкиным, отказавшись от депутатских мандатов. Съезд стал одноцветно антиельцинским, «советским». Другая треть вслед за Сергеем

Бабуриным требовала вооружить непримиримых. Последняя треть все еще пыталась свести конфликт к «парламентским» процедурам. 18 сентября у спикера, наконец, сдали нервы. Олег пишет: «Хасбулатов решается на крайний шаг, он публично оскорбляет президента. Замысел, очевидно, такой: заставить президента сорваться, потерять контроль над собой, побудить к неким действиям, которые можно будет истолковать как насилие. Это открывало бы путь к новому импичменту».

21 сентября Ельцин подписал Указ № 1400: приостанавливая полномочия Съезда и Верховного Совета, выступил с телеобращением «К гражданам России», сказал: «Власть в российском ВС захвачена группой лиц, которые превратили его в штаб непримиримой оппозиции». Наконец-то понял. Заявил даже, что «решения, принятые всероссийским референдумом, обладают высшей юридической силой, в каком-либо утверждении не нуждаются и обязательны для применения на всей территории Российской Федерации». В апреле бы ему это сказать, когда непримиримые поссорились с депутатами. Меньше крови бы пролилось. Опоздал.

Р. И. Хасбулатов и А. В. Руцкой

Так или иначе, с 20 часов 21 сентября действия ВС объявлены незаконными. Казалось бы, все это предсказывали, все предчувствовали, все прогнозировали: должен же, в конце концов, быть какой-то выход из тупика двоевластия. Иначе ведь опять февраль 1917 повторяется: правительство само по себе, а Совет сам по себе, непонятно, кому подчиняться. И все равно – как снег на голову. Наблюдатели в шоке. Вот он, «горячий сентябрь»!

22 сентября. Ответ Белого дома был предсказуем: чрезвычайная сессия ВС вносит поправку в Уголовный кодекс: «высшую меру наказания за попытку изменения конституционного строя». Лозунг «патриотической» шпаны 12 июня в Останкино «Повесить предателя Ельцина!» становится законом. Зорькин (он, конечно, тут как тут) сопровождает это интересным замечанием: «Гитлер тоже заявлял о неконституционности конституции. И мы знаем, чем это кончилось». Сравнил кол с пальцем: Веймарская конституция-то основана была на разделении властей, а Зорькин защищал советскую. Но сравнение Ельцина с Гитлером говорит само за себя. Между тем, вокруг Белого дома собирается толпа, по разным подсчетам – от полутора до трех тысяч человек. Но это уже не останкинская шпана, боевые офицеры грамотно разбивают собравшихся на «десятки» и «двадцатки», раздают оружие и занимают позиции по периметру здания. Никаких признаков штурма, однако, не наблюдается.

В. Д. Зорькин

23 сентября. В 00:04 Хасбулатов открыл заседание ВС, обратился к Руцкому: «Алексей Владимирович, прошу занять ваше место». Руцкой поднимается на сцену и занимает традиционное место президента. Тут, правда, накладка вышла: новый съезд еще не созвали, импичмент Ельцину не вынесли, а нового президента уже привели к присяге. Получилось, что Руцкого никто, кроме Президиума ВС, не выбирал. Вопиющее нелегитимно, но в спешке даже не заметили. Первые указы нового президента: генерал Ачалов назначен министром обороны, генерал Баранников (только что уволенный Ельциным) – министром безопасности. Но уже через час еще одна накладка: Руцкой вынужден признать, что уволенные им министры – Грачев и Голушки – его приказам не подчиняются.

26 сентября. Эффект неожиданности миновал. Все взоры обратились в сторону провинции. Как она? Поддержит призыв ВС? Поднимется против кощунственного Указа 1400? Но Советы всех уровней, кроме четырех, молчали. Хасбулатов был удручен, публично сожалел о недоразвитости сограждан. Тем более что «недоразвитое» правительство продемонстрировало вызывающее единство, поддержав Указ президента. У правительства свои счеты с ВС. Оно давно считает его «охвостью» старого режима. При Черномырдине не меньше, чем при Гайдаре. Евгений Ясин, будущий министр экономики, расценил деятельность ВС в главной сфере его компетенции – бюджетной – как «натуральное вредительство». Премьер Виктор Черномырдин назвал бюджет, предложенный ВС, «абсолютно непонятным», а Борис Федоров, министр финансов, заявил, что правительство будет попросту его игнорировать.

Воздержался при голосовании в правительстве лишь Сергей Глазьев, который спустя два дня его покинул.

Руцкой тотчас пригласил его разрабатывать свою экономическую программу. Глазьев согласился. Сегодня советник «президента» Руцкого – на той же должности при президенте Путине.

А проскрипционный список и впрямь на этот раз был, нашли потом в кабинете Руцкого. 19 человек подлежали немедленному аресту и суду – по новому указу «За попытку изменения конституционного строя». Но имени Гайдара в списке не было. Черномырдин и Чубайс были, а Гайдар – нет. Не было также имен Ельцина и Грачева. «Видимо, эту троицу, – мрачно пошутил Гайдар, – везти далеко не предполагалось». Шутки шутками, но, как подтвердил тогдашний начальник Главного управления охраны Михаил Барсуков, «Список лиц, которые подлежали уничтожению на месте, был принят и утвержден на военном совете в Белом доме – вместе с представителями ФНС. Мы знали, что некоторым угрожает такая опасность». Представляя тогдашние настроения, я бы не удивился, если б узнал, что ФНС (т.е. непримиримые) не только участвовал в составлении этого списка, но и был его инициатором.

Вообще неправда, по крайней мере, в нашем случае, что история пишется победителями. Легенда о «расстреле парламента»очно утвердила даже в либеральной среде. Я сам слышал передачу радио Свобода «Был ли расстрел парламента похоронами демократии в России?» Никто не спросил, чем кончилась бы победа мятежников. О точке зрения зам. главы Службы безопасности президента контр-адмирала Геннадия Захарова, например, никто и не вспомнил. А он был уверен, что кончилось бы не торжеством демократии, а кровавым хаосом, и «телеграфных столбов не хватило бы, чтобы вешать». Тем, кто помнит накал ненависти в Останкино 12 июня 92-го и 3 октября 93-го, трудно было бы с этим не согласиться.

Последняя попытка

28 сентября. Между тем, срок, в который правительство потребовало от ВС освободить Белый дом (5 октября), истекал неумолимо. Надвигалась развязка. Предложил посредничество Его Святейшество Патриарх Алексий. Начались последние переговоры в Свято-Даниловом монастыре. Одновременно, однако, Белый дом закупил большую партию стрелкового оружия и продовольствие, которого могло бы хватить на год осады. Похоже, верх в Белом доме взяла воинственная группа Бабурина. Раздали оружие чернорубашечникам Баркашова, казакам и чеченцам, откликнувшимся на призыв своего соплеменника Хасбулатова. Зачем?

Представители президента на переговорах пробовали и пряник и кнут. Бывшим депутатам гарантировалось устройство на работу, плата за незавершенный срок депутатства и участие в новых выборах. Но лишь при условии немедленного разоружения. Разоружаться отказались. Напротив, сформировали «Первый отдельный добровольческий полк особого назначения» для защиты Белого дома. Записались две тысячи офицеров. Выяснилось, что правит бал своего рода генеральская хунта: Ачалов, Макашов, Баранников. Как и предсказывали еще в январе непримиримые, депутаты больше не контролировали ситуацию. Они стали лишь благовидным прикрытием «национальной революции». Власть перехватили «патриоты».

А депутаты начали разбегаться. Уже 27 сентября из 384 депутатов ВС 76 уже дали согласие на переход в исполнительные структуры, еще 114 согласились в принципе. По оценке зам. главы Администрации президента Вячеслава Волкова в Белом доме осталось лишь около 170 депутатов, меньше половины. Легитимное прикрытие «национальной революции» таяло на

глазах. Хунта запаниковала. Действовать надо было немедленно, покуда «партия Советов» не растаяла окончательно. Прошел слух, что переговоры в Свято-Даниловом монастыре заканчиваются в субботу. Нервы на пределе: что в субботу?

А вот и развязка

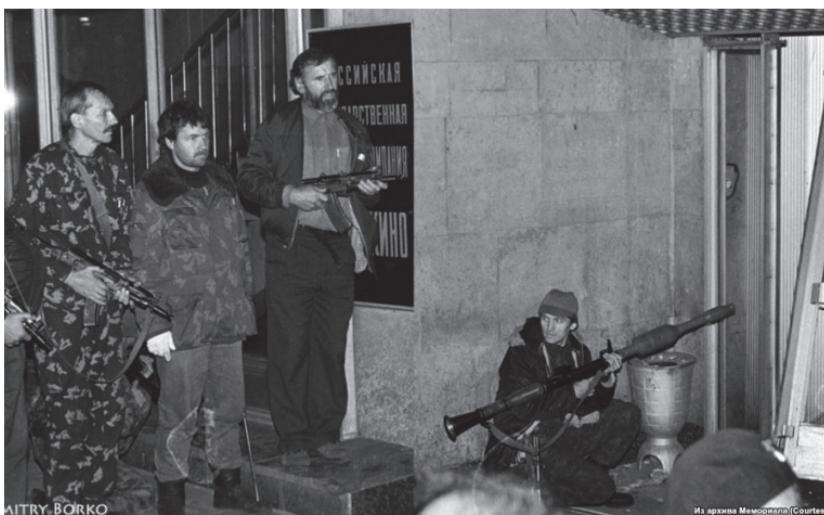
В субботу, 3 октября, линию ОМОНа у Белого дома прорвали с обеих сторон – снаружи коммунистические боевики-анпиловцы, которым почему-то автоматы не доверили (они орудовали железными прутьями), а изнутри вооруженные чернорубашечники. Начался штурм мэрии, которая была рядом (бывшее здание СЭВ). Очень быстро мятежники захватили шесть ее этажей, охрана была оттеснена на седьмой. Все каналы телевидения фиксировали повальное мародерство: тащили все – телевизоры, компьютеры, даже пишущие машинки. Для этого затевался мятеж? Напрасно ораторствовал на балконе Белого дома Руцкой, призывая

Прорыв милиционерских кордонов демонстрантами. 3 октября 1993 г.

А. Руцкой призывает идти на мэрию и Останкино. 1993 г.

Попытка штурма Останкино

Из архива Мемориала (Courtesy)

Штурм мэрии

Баррикады на Смоленской

Бойцы группы «Альфа» у Белого дома

Танки на фоне сгоревшего Белого дома

к штурму Останкино. «Нам нужен эфир!», – кричал он. Защитники Советов были заняты более важным для них делом – тащили добро из мэрии.

Но это было только начало. У Олега Попцова, впрочем, было свое важное, быть может – самое в этот день важное, дело: перекоммутировать каналы телевидения с Останкино к себе, на Пятую улицу Ямского поля, на свой ВГТРК. Прошел слух, что колонна машин мятежников движется в направлении Останкино, и милиция их не задерживает. Так оно и было. В 19:40 в трубке у Олега голос Брагина, председателя телерадиокомпании Останкино: «Мы отключаемся! Они уже на четвертом этаже!». Один за другим гасли в миллионах квартир экраны останкинского телевидения. Люди были в панике: что происходит? Война?

Война шла лишь в Останкино. Мятежники проломили грузовиком стену главного здания телецентра и сражались со спецназовцами на его этажах, не сообразив по невежеству, что управление вещанием ведется из здания напротив, из технического центра. Атакующие метнулись туда, расстреливая его на ходу

«Баркашовцы» у стен Белого дома

(вот тогда-то и раздался в квартирах отчаянный голос останкинского диктора: «Мы вынуждены прекратить вещание»). Но генерал Макашов, командовавший штурмом, как опытный военачальник очень быстро сообразил, что, штурмую технический центр, атакующие оказались под перекрестным огнем. Тем более что защищали Останкино профессионалы, вели прицельный огонь на поражение, а у Макашова был «патриотический» сброд. Он приказал залечь и запросил по рации подкрепление.

В этот момент у Останкино появились три бронетранспортера. Сброд, было, воодушевился: пришла подмога. Поняли лишь, когда БТРы открыли огонь по толпе. Оказалось, помочь пришла защитникам. В 21 час Макашов скомандовал отходить: «Возвращаемся к Белому дому. Мы свое дело сделали, эта гадина Останкино долго не заговорит». Телецентр и впрямь полыхал.

Одного не знал Макашов: российский канал продолжал работать в круглосуточном режиме. В момент всеобщего оцепенения, когда в домах гасли экраны, раздался в эфире спокойный голос Валерия Виноградова:

Задержанные защитники Верховного совета

«Здравствуйте, в эфире "Вести"». И Светлана Сорокина с Николаем Сванидзе всю ночь напролет держали страну в курсе всего, что происходило. Многое еще чего в ту ночь происходило. Но главное, похоже, уже произошло: битва за эфир закончилась. Мятежники проиграли. Это и решило дело.

Понятно это стало, однако, лишь утром, 4-го. Ночью все висело на волоске. А я был в Нью-Йорке, прилип к телевизору. Видел все глазами Джуди Видроу, тогда ведущей Си-Эн-Эн. И у нее сдали нервы. Я видел, как приземлился на Красной площади вертолет Ельцина, и он пошел в темноте к Спасским воротам медленными тяжелыми шагами. И Джуди со слезой приговаривала: «Господи, он еще не знает, что все для него кончено». Не знаю, как другие, но я задыхался от отчаяния. Хотелось крикнуть (а может быть, я и кричал): «Да прибавь же ты шагу, черт тебя возьми, сделай что-нибудь, смог же ты сделать невозможное в том роковом августе!». Но это личное.

А на ВГТРК все шло той ночью своим чередом. Первым выступил премьер Черномырдин. За ним Гайдар (17 сентября он вернулся в правительство). Гайдар призвал москвичей к сопротивлению. Тысячи людей собрались среди ночи на Тверской у Юрия Долгорукого. Строили баррикады. Повторялась история августа 91-го. Запомнился Иннокентий Смоктуновский, тащивший кусок арматуры. На вопрос: «А вы-то что здесь делаете?» ответил строго: «В такие минуты нам положено быть здесь». Выступил Явлинский, известный как противник Гайдара. Сказал: «В Белом доме сосредоточено зло. Если люди, исповедующие фашизм, охраняют Руцкого, значит, с его именем связывают они свои надежды». А люди, желавшие выступить, все шли и шли – инженеры, врачи, учителя, актеры, священники, бизнесмены, профсоюзники. Добирались ночью

неизвестно как, чтобы прокричать свой протест против возвращения Советов. В 8:00 дали, наконец, в эфир выступление президента.

К этому времени колонны БТРов и танков взяли Белый дом в кольцо. Ультиматум звучал жестко: сдать оружие и покинуть здание на протяжении часа. Мятежники отказались. Команда открыть огонь вылилась в конфуз для военных: танки пришли без боезапаса. На холостые выстрелы Белый дом ответил шквальным пулеметным огнем. Прямо по толпе зевак, собравшейся на мосту. Люди падали, как подкошенные. Боезапас подвезли только в 10:30. И, наконец, один танк вздрогнул: прямое попадание в окно верхнего этажа. Почему верхнего, непонятно. Надо полагать, для устрашения: хотя срок ультиматума истек полтора часа назад, добавили время подумать. Не помогло. Пожар начался после четвертого попадания.

Дым валил уже из окон нескольких этажей, когда в 15:00 по толпе зевак, опять, как ни в чем не бывало, собравшейся на мосту, прокатилось: «Сдаются!». Так кончилась эпопея «расстрела парламента», который никогда не считал себя парламентом, начавшаяся «импичментом», которого не было.

Заключение

Сейчас, в разгар эры повального пессимизма, легко предвидеть скептические усмешки: а что, собственно, изменилось бы, если бы импичмент тогда состоялся? Не было бы сегодня единоличной власти? Или ее имперской политики? Или не перессорилась бы Россия со всем миром? Родился бы настоящий парламент вместо «обезумевшего принтера»? То же самое и было бы, что имеем мы сегодня, только во главе с Руцким вместо Путина.

Да, готовы признать скептики, несколько тысяч политиков, кооператоров и журналистов были бы интернированы или повешены. Да, было бы два-три года «патриотического» террора. Да, страна вернулась бы в СССР уже в 93-м и в несопоставимо большей степени, чем сейчас. В частности, не было бы частной собственности, какая уж она в наши дни есть. Но в принципе...

В принципе, я думаю, что это неверно. Мне кажется, что картина начала 90-х, которую я попытался здесь набросать, вопиет против такой интерпретации. Никакая власть не посмеет сегодня отнять у миллионов граждан приватизированные ими квартиры, право, которое дал им Ельцин. Не посмеет и закрыть страну, лишив людей права ездить, куда им заблагорассудится, права, которое тоже дал им Ельцин. О праве работать не только на государство я уже и не говорю.

Не менее важно, и с моей точки зрения, решающее важно, то, что для чернорубашечной гвардии Белого дома Ельцин был вовсе не Ельцин, а «Барух Эльцан». И что тираж нацистской литературы в три миллиона экземпляров говорит сам за себя. Так вот, простой факт, что боевики «наци» Баркашова, поджав хвост, бежали из горящего Белого дома по загаженным канализационным трубам, объясняет все. Они унесли нацизм на подошвах своих сапог. Оставив за собой 62 трупа в Останкино и 147 у Белого дома. И ужасающую по цинизму запись баркашовского снайпера, выщапанную на стенах колокольни в двух шагах от него: «Я убил пятерых и этим доволен». А чуть ниже: число, месяц, день. Короче, «национальная революция» не состоялась.

Ельцин покончил с нацизмом в России. И она действительно стала после «расстрела парламента» другой страной – пусть диктаторской, но не нацистской.

И как бы ни свирепствовала в ней ксенофобия, какие бы ни маршировали по ее улицам «русские марши»

и как бы ни бесновалась Дума, ОТКРЫТЫЙ СОЮЗ МЕЖДУ НАЦИСТАМИ И «ПАРЛАМЕНТАРИЯМИ» БОЛЬШЕ В РОССИИ НЕВОЗМОЖЕН. И ничего подобного тому, что происходило в феврале 92-го на Конгрессе РОС или на Русском национальном Собрании и в Останкино 12 июня (и что я подробно описал в предшествующих главах), сегодня невообразимо.

Я не пишу апологию Ельцина, мы ведь и до чеченской войны еще не дошли. Я говорю лишь, что отнять у его памяти то, что он для России сделал, было бы больше, чем несправедливо. Это была бы неправда.

Глава 10

ИЛЛАРИОНОВ vs ГАЙДАР

• Часть первая •

С опаской приближаюсь я к теме гайдаровских реформ. Они и всегда-то были в массовом сознании символом «лихих 90-х», а в последнее время, после сенсационного выступления А. Н. Илларионова в журнале **Континент**, стали и вовсе минным полем. Конечно, радиоактивное излучение вокруг них или, говоря по-ученому, мифологический консенсус, не упал с неба. Поколения национал-патриотических идеологов, тех самых, о которых я пишу эту книгу, над ним работали. И сработали на славу, должен снять перед ними шляпу. Легенда о «грабительских реформах» Гайдара – один из четырех крупнейших их успехов в постсоветскую эпоху (с тремя другими познакомились мы в предыдущих главах). Я говорю о легенде, что «развал великой державы» был результатом спецоперации западных спецслужб, о той, согласно которой Горбачев был их «президентом-резидентом», и о «расстреле парламента»).

Что поделаешь? Ни одна великкая освободительная революция, начинавшая строительство нового мира на развалинах старого, не обошлась без страданий и придуманных на их основе легенд о «прекрасном прошлом». Другое дело, что строители нового мира в России 1991 года не особенно-то и старались противопоставить этим легендам свою картину будущего. Большевики в этом смысле были на три головы выше. Они противопоставили прогнившей империи царей светлый мир будущей справедливости, где все трудящиеся будут равны, а «паразиты – никогда». Конечно, это была утопия, но и – великкая цель, рождающая, если верить Марксу, великую энергию.

Семьдесят лет спустя люди в России уже очень хорошо знали цену этой большевистской справедливости. Она ввергла их в нескончаемую «холодную войну» со всем миром, отделила их от него железным занавесом. Она заставила женщин часами мотаться по магазинам в надежде, что где-то что-то «выбросят» – пригодное, чтобы накормить семью. Она отняла у мужчин свободу самореализации. Она вызывала «витринный шок» у всех, кому удалось хоть краем глаза заглянуть за железный занавес. Зачем далеко ходить, она вызвала шок у Брежнева, когда Никсон привел его в американский супермаркет. Он, правда, поверил лишь частично: «С ширпотребом да, они проблему решили, – сказал он помощнику, – но с продовольствием... это они специально подвезли к нашему приезду».

Так или иначе, когда в 1991 году прогнившая империя рухнула снова (второй раз за одно столетие), людям в России опять нужна была великая цель, чтобы оправдать страдания, на которые обрекло их это вторичное крушение. Должны же они были понять, во имя чего страдают. Нужна была цель, гарантирующая им, что на их веку и на веку их детей и внуков не рухнет страна – в ТРЕТИЙ РАЗ! Вот об этой-то цели и не позаботились реформаторы. Оправдание реформ свелось к развенчанию прошлого.

А. Н. Илларионов

и на веку их детей и внуков не рухнет страна – в ТРЕТИЙ РАЗ! Вот об этой-то цели и не позаботились реформаторы. Оправдание реформ свелось к развенчанию прошлого.

Между тем еще за полтора столетия до них сформулировал цель освободительной революции Петр Яковлевич Чаадаев. «Россия, – сказал он, – должна

присоединиться к человечеству». И пояснил: «Скоро мы душой и телом будем вовлечены в мировой поток и, наверное, нам нельзя будет оставаться в нашем одиночестве. Это ставит нашу судьбу в зависимость от судеб европейского сообщества. Поэтому чем больше мы будем стараться слиться с ним, тем лучше для нас». И пока не поймем мы этого, – завещал он нам, по сути, – одиночество, отдельность от родственного нам сообщества так и будет вести Россию от развала к развалу.

Избавиться от векового одиночества, чревато-го развалом страны, поистине великая, согласитесь, и доступная каждому цель. Все ведь, кажется, перепроповедовала уже Россия – и белое православное одиночество, и красное безбожное – не помогло, развалилась. И каждый из этих развалов принес ей безмерные страдания, ставил на грань самоуничтожения. Переживет ли она **третий развал**? Гарантию от него мог дать лишь чаадаевский выбор. Во всяком случае, никто никакой другой гарантии не предложил. Вот это и должно было стать центральной темой идеологии реформ.

Реформаторы 1991 года, в основном – экономисты, Чаадаева не знали. Но правоту его чувствовали интуитивно. Потому и все, что составляло суть гайдаровских реформ: ликвидация Госплана, освобождение цен, указ о свободной торговле, конвертация валюты, отмена государственной монополии внешней торговли – шло именно в указанном им русле

Е. Т. Гайдар

«присоединения к человечеству». И в чем бы ни преуспели впоследствии реваншисты, ЭТОГО никакие позднейшие политические пертурбации отнять у России не смогли.

Понятно, почему для вечных борцов за одиночество России, национал-патриотов, реваншистов, гайдаровские реформы заслуживают анафемы. Они заклеймили их «грабительскими». И сумели убедить в этом население, как и вообще добились многого: политически постсоветская Россия действительно шла в направлении, противоположном чаадаевскому, – навстречу третьему развалу. Это, конечно же, требует объяснения.

Я попытался объяснить этот откат историческим опытом еще во вводной главе «Фатален ли для России Путин?»: В конце концов, говорил я, ВСЕ освободительные революции в великих державах, начиная с Английской 1640 года и Французской 1789-го – Китайская 1911-го, Японская 1912-го, Германская 1918-го, – прежде чем победить, прошли fazu отката и диктатуры, затягивавшуюся порою на десятилетия (восточноевропейские «бархатные» революции – особый случай). Так почему, собственно, должна была стать исключением Российская революция? Естественно, не миновала и ее эта кромвелевско-бонапартистская фаза. Никакой аномалии, короче. Пока что мое объяснение никто всерьез не оспорил, хотя глава эта и была опубликована в «Новой газете».

А нельзя ли попроще?

Потому и поразило меня своей ошеломляющей простотой объяснение имперского отката, предложенное Андреем Николаевичем Илларионовым, либеральным экономистом, которого я всегда считал своим единомышленником. И правда ведь, ничего не может быть

проще его объяснения: ГАЙДАР ВИНОВАТ. Предал, негодяй, революцию. Вот, пожалуйста: «Ошибки Гайдара привели к ... дискредитации либерального и демократического движения в нашей стране, в конечном счете – к появлению и закреплению нынешнего политического режима».

Слов нет, в той ситуации хаоса и цейтнота, в которой Гайдар возглавил экономический блок правительства в ноябре 1991-го, и впрямь не столько о реформах следовало думать, сколько буквально о спасении страны, в первую очередь – о спасении ее от голода. В такой форсированной ситуации не могла не быть наделана куча текущих ошибок. О них говорили многие, и сам Гайдар говорил. Но не о них ведь толкует Илларионов, не о текущих ошибках. В отличие, допустим, от авторитетного экономиста Бориса Львина, тоже критиковавшего гайдаровские реформы, толкует он о том, что **НИЧЕГО**, кроме ошибок, Гайдар не сделал...

И о том, конечно, что никакой угрозы голода и гражданской войны не было, толкует Илларионов. И о том, что реформы Гайдара были «грабительскими», одним словом, демонизирует Гайдара – не хуже какого-нибудь Глазьева. По сути, вся публикация Илларионова в двух номерах **«Континента** (145 и 146 за 2010 год) есть не более чем серия «разоблачений» Гайдара. И разве совпадение этих «разоблачений» с реваншистскими, с глазьевскими не говорит само за себя?

И уж вовсе этически недопустимо инсинуировать, что корни «предательства» Гайдара уходят в семейную генеалогию, в наследственную моральную нечистоту-плотность? Как хотите, но такие инсинуации требуют сатисфакции. Не знаю, кто после смерти Гайдара должен ее потребовать – и от автора, и от журнала. Но кто-то должен. Тем более что сам Илларионов объясняет

свою позицию «начатой после смерти Гайдара некоторыми из его «друзей и коллег» назойливой и иногда не очень приличной кампанией по мифологизации Гайдара... агрессивно навязывавшей всему российскому обществу культ личности Гайдара как "спасителя страны от голода, гражданской войны и распада"».

Не знаю, как вы, читатель, но я о культе личности Гайдара не слыхал. Скорее, услышишь, пожалуй, ругань в адрес «разорителя». И поэтому понял из этой странной для меня тирады лишь три вещи. Во-первых, что потребовать сатисфакции от Илларионова есть кому. Во-вторых, что представления его об угрожавших в начале 1990-х России голоде и гражданской войне, мягко говоря, любительские. И, в-третьих, главное, что бросил он перчатку всему, что я думаю и пишу. И у меня нет другого выхода, кроме как ее поднять.

Видит бог, не хотел я этого: не нужен нам еще один раскол в либеральном сообществе в такую тревожную минуту, в разгар отката. И без того дышит оно на ладан. Но после публикации в **«Континенте** мой бывший единомышленник А.Н. Илларионов, именно это время и выбравший для нового раскола, – больше не союзник, неприятель.

Мои источники

Вот на что намерен я опираться в своей отповеди. Во-первых, на автобиографическую книгу, которую, как уже знает читатель, подарил мне покойный Отто Лацис, суждению которого доверяю я абсолютно. Тимур Аркадьевич Гайдар, которого, это правда, носило по свету в качестве спецкора **«Правды**, был ближайшим другом и соратником Лациса. На протяжении многих лет (Егора он помнил еще «улыбчивым мальчиком»). И всю жизнь уважал Лацис Тимура за исключительную

порядочность, за – не знаю, как сказать по-русски – moral integrity, доходящую порою до неразумия. Один эпизод скажет все. С трудом отговорили они с Леном Карпинским Тимура от того, чтобы покончить с собой в знак протesta против вторжения советских танков в Прагу. «Но ведь надо же что-то сделать, чтобы остановить эту обезумевшую с...ную власть!» – твердил Тимур. Сошлись на том, что разумнее написать вместе самиздатскую книгу и сказать этой власти в лицо все, что они о ней думали.

Нельзя сказать, что и это было особенно разумно. Группа Карпинского была разгромлена КГБ еще до того, как книга была готова. Неприятности у всех были большие. Мне этот эпизод особенно запомнился потому, что меня тоже включили в число авторов этой несостоявшейся книги. Судьба (в лице того же КГБ) уберегла меня от участия в безнадежном и чреватом предприятии: я был выдворен из страны. Но чувство удушья, которое мы тогда испытывали, удушья, способного довести до самоубийства, я хорошо помню.

Как бы то ни было, публично обвинить такого гордого человека, как Тимур Гайдар, в том, что он был агентом советских спецслужб (а именно это и делает Илларионов и именно отсюда тянет «предательство» Егора), – на мой взгляд, верх непристойности. Во всяком случае, нужно быть готовым отвечать за свои слова.

Еще буду я опираться на рукопись выдержек из всех восьми книг Егора Гайдара, подаренную мне читателем. И, наконец, на довольно солидный том «Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук», предисловие к которому написал архитектор польской «шоковой терапии» Лешек Бальцерович, а послесловие – бывший премьер-министр Швеции Карл Бильдт. Опубликована книга в 2013 году, т.е. через три года

после «разоблачений» Илларионова в **«Континенте**, но соавторы их, по-видимому, тогда еще не заметили.

Составлена книга так. Ближайшие сотрудники Гайдара Петр Авен и Альфред Кох взяли на себя труд побеседовать (и довольно подробно, в книге около 500 страниц) с десятю его коллегами в первом постсоветском правительстве. Некоторые из этих коллег (например, Александр Шохин) даже близко не были фанатами Гайдара, а иные (например, бывший зампред Госснаба СССР Станислав Анисимов) и вовсе не принадлежали к его «команде». Уж этих-то людей никак нельзя заподозрить в намерении «агрессивно навязать» обществу кульп личности Гайдара. Я салютую соавторам за то, что и их включили они в число собеседников, придав тем самым книге необходимую объективность.

У меня нет здесь возможности оспаривать все «разоблачения» Илларионова (публикация в **«Континенте** гигантская). Достаточно, я думаю, показать, что главные из них не выдерживают прикосновения серьезной критики. Итак, с Богом.

«Разоблачение» № 1. Гайдар и голод

Тем, кто жил в России в дни вступления Гайдара в правительство, я едва ли расскажу что-нибудь новое. Разве что тем, кто тогда еще не родился, или был несмышленышем. Вот впечатление самого Гайдара: «Декабрьская Москва 1991 года – одно из самых тяжелых моих воспоминаний. Мрачные, даже без привычных склок и перебранок, очереди. Девственно пустые магазины. Женщины, мечущиеся в поисках каких-нибудь продуктов. Всеобщее ожидание катастрофы». Но это в Москве. То ли было в провинции. Вот выдержки из официальных справок о положении с продовольствием в самых разных регионах страны на середину ноября 1991 года.

Вполне бюрократические. И, что удивительно, практически одинаковые. Не сговорились же, в самом деле, бюрократы с разных концов страны.

Архангельская область: «Мясопродукты реализуются из расчета по 0,5 кг на человека в месяц. Молоко имеется в продаже не более часа. Масло животное продается по талонам из расчета 200 г на человека в месяц. До конца года недостает фондов на муку 5 тыс. тонн. Хлебом торгуют с перебоями. Сахар отпускают по 1 кг на человека в месяц, но талоны с июня не отовариваются».

Пермская область: «На декабрь выдано талонов на масло животное по 200 г на человека, но ресурсов на них нет. Растительного масла в продаже нет. Сахар в продаже отсутствует. Хлебом торгуют с перебоями при наличии больших очередей. Не хватает муки на хлебопечение».

Нижегородская область: «Мясопродуктами торгуют по талонам, но на декабрь ресурсов не хватит. Молоком торгуют в течение часа. Масло животное по 200 г на человека на месяц. Растительное масло в продаже отсутствует. Хлебом торгуют с перебоями».

И так повсюду: 200 г масла – НА МЕСЯЦ! Молоком торгуют – В ТЕЧЕНИЕ ЧАСА! Но голода еще не было.

Петр Авен (далее ПА): «Я не видел в Москве ни одной павшей лошади, так, чтобы ее на куски резали на Тверской, как в 1918 году в Петрограде. Более того, я помню, в Москве работали рестораны, и в квартирах тоже никто особенно не умирал». Не было еще голода. «Хотя, – добавляет ПА, – если бы еще потянули с освобождением цен, до голода, может, и дошло бы».

Это замечание постороннего (ПА занимался в правительстве внешними экономическими связями). Но вот что говорит специалист, министр торговли, непосредственно ответственный за ситуацию

с продовольствием в стране – Станислав Анисимов (далее СА): «Я думаю, что если бы не указ о январском освобождении цен, голод бы наступил».

Альфред Кох (далее АК): «Когда бы голод наступил? К апрелю? К марта?»

СА: «Думаю, что раньше. Несомненно. Февраль, конец января. Как-то так. Как только указ о свободной торговле был подписан, назавтра уже на всех дорогах, на проезжих частях появились продукты... Кто-то на что-то менял».

Тут дилемма. Кому верить? Старому служаке, профессиональному, у которого положение с продовольствием в стране было, так сказать, на кончиках пальцев и у которого нет сомнений, что не позднее февраля голод наступил бы, и Гайдар своими январскими решениями его предотвратил, спас, если не бояться пафосных выражений, страну от голода? Или Илларионову, который понятия не имеет о продовольственном положении и утверждает обратное, оперируя исключительно цифрами Госстата СССР, возможно – фальсифицированными? И приписывает при этом саму мысль о спасении страны от голода «назойливой кампании» неких друзей Гайдара?

Не знаю, как для вас, читатель, но для меня тут выбора нет, согласен с АК: «Почему я должен верить илларионовским цифрам, а не тому, что сам видел и пережил?» (это когда АК еще не знал о публикации в **Континенте**, где манипуляции с цифрами превратились в орудие персональной вендетты). Так или иначе, но таково было мнение всех, кто, в отличие от Илларионова, имел дело не с госстатовскими цифрами, а с реальным положением дел. С тем, например, что, как заметил министр экономики Андрей Нечаев, «наша доблестная армия уже питалась гуманитарными пайками бундесвера». С тем, что, по его же свидетельству,

«производство товарного мяса у нас сидело на импортном зерне. Полностью. А импорт остановился».

Заключительную точку в этом споре поставил, пожалуй, драматический эпизод, рассказанный АК: «Вице-мэры из Питера приходят в правительство и говорят: «У нас зерна осталось на три дня. Через три дня начнут дохнуть куры, потом люди»... Я вместо Гайдара тогда проводил совещание. И дальше я заворачиваю корабли, шедшие на Мурманск, чтобы спасти Питер, понимая, что блокадному городу второй раз голод лучше не переживать».

«Большое спасибо», должно быть, сказали АК за это решение в Мурманске! Но сам уже факт, что приходилось вырывать кусок изо рта у одних, чтоб накормить других, красноречивей любых цифр свидетельствует, что всероссийский голод был в декабре 1991 года за ближайшим углом. И что спас страну от несчастья в последнюю минуту действительно Гайдар.

Так кого же, в конечном счете, разоблачил Илларионов, Гайдара или... себя?

«Разоблачение» № 2 Гайдар и разгром бюджета

Опять у нас дилемма. Илларионов описывает финансовую политику Гайдара в терминах апокалиптических: «Финальный разгром [бюджета] был учинен Гайдаром... инфляция первой половины 93-го была создана решениями 92-го». Описание это заметно расходится с мнением старого нашего знакомца, бывшего союзного госнабовца СА: «Гайдар – я вообще не говорю. Я вообще считаю, что если бы он остался на 1993 год и, дай Бог, на 1994-й, мы бы уже давно были не в том обществе. Мы бы быстрее и лучше прошли весь этот путь реформирования. Он

знал, что надо делать». Расхождение полярное, вы не находите?

Но, может быть, министр торговли не лучший судья в бюджетных делах? Обратимся к профессиональному финансисту. Вот мнение ПА: «У нас было три вида бюджетной политики в 1992 году. Первые несколько месяцев после нашего прихода бюджетная политика была достаточно жесткой. Потом, ближе к лету, Гайдар во многом уступил как хозяйственникам, так и политикам, и сильно смягчил бюджетную политику. Однако осенью мы снова начали сдвигать ее в нужное русло. В результате бюджетный дефицит в 1992 году был вдвое меньше, чем в 1991. В 1991 году он составил 20%, а в 1992 – только 10% от ВВП. Это большой дефицит, безусловно... Но за год сокращение бюджетного дефицита вдвое... Я не скажу, что это подвиг, но что-то героическое в этом есть».

Похоже это на действия «по развалу финансовой системы» и тем более – на «финальный разгром бюджета»? А ведь именно в этих терминах описывает, как мы видели, Илларионов то же самое сокращение бюджетного дефицита ВДВОЕ, которым ПА гордится как «героическим». Опять ведь расхождение полярное. Может быть, никакого сокращения дефицита не было – и в томе, изданном с большой помпой тиражом в 5000 экземпляров с участием Лешека Бальцеровича и Карла Бильдта – ПА просто выдумал его, поставив на кон свою международную репутацию? Да простит меня читатель, но мне это представляется куда менее вероятным, чем илларионовский «финальный разгром бюджета» в заштатном журнале, который не сразу и заметишь.

Так выглядит дело с «разоблачением» № 2, по крайней мере, в моих глазах. Мое заключение: далеко может завести персональная вендетта. Вплоть до совпадения

с «разоблачениями» Глазьева или Хазина, как напомнил мне комментатор в *Дилетанте*. В любом случае отдаю это на суд читателей.

«Разоблачение» № 3 «Грабительская» реформа

Илларионов говорит об этом в унисон с национал-патриотической оппозицией категорически и недвусмысленно: «В результате проведенного Гайдаром намеренного ослабления бюджетной и денежной политики была развязана гиперинфляция, которая уничтожила практически все накопленные частные сбережения граждан».

Хотя мне уже приходилось упоминать об этом в споре с летописцем реванша и ссылаясь на Отто Лациса (см. главу «Кому нужна была Перестройка?»), у меня нет особенной необходимости здесь что-либо комментировать: соавторы «Революции Гайдара» очень подробно обсудили илларионовское «разоблачение» № 3, хотя ничего о нем еще и не ведали. Мне остается, главным образом, цитировать.

АК: «1991 год состоял из многих событий. Он, например, состоял из январской реформы Валентина Павлова. Я поражаюсь, почему об этом вообще не говорят у нас. Ведь эта павловская реформа уничтожила вклады граждан, а никак не Гайдар!»

ПА: «Этого не помнит вообще никто».

АК: «К тому моменту, когда Гайдар со своей командой пришел в правительство, этих вкладов уже не было в Сберегательном банке СССР. Все вклады были изъяты из него союзным правительством и направлены на финансирование союзного бюджета. Таким образом, Гайдар никак не мог уничтожить вклады населения... За неимением объекта уничтожения».

ПА: «Абсолютно. Никаких денег не было вообще. Уже полгода как. Это вот первая большая ложь о Гайдаре – что Гайдар уничтожил сбережения населения. Сбережений уже не было, были лишь записи на счетах».

Не эти ли «записи на счетах» кропотливо подсчитывал Илларионов? Гиперинфляция-то, однако, была, возразит он с торжеством. Еще бы! Но справедливо ли винить в ней лишь Гайдара? И без него было, откуда ей взяться.

Существовал, например, Центробанк, независимый ни от правительства, ни от президента и подчинявшийся лишь хасбулатовскому Верховному Совету. Две трети всей денежной эмиссии направлял этот ЦБ непосредственно на предприятия. «Сейчас любой вам скажет, – комментирует ПА, – что это безумие. А тогда такие действия нашими депутатами считались очень даже разумными».

Гайдар в «Развилках новейшей истории» объясняет это подробнее: «В России реформаторам все время противостояли антиреформаторы, которые вначале были вообще против реформ, а затем стали пропагандировать ... политику «накачки» экономики деньгами ... По их мнению, это должно было приводить к «оживлению» производства. На самом деле это приводило только к усилению инфляции». Имея в виду исключительную мощь просоветской/проимперской оппозиции в России (в первую очередь – в Верховном Совете, командовавшем Центробанком), легко представить себе масштабы развязанной ею инфляции.

Если добавить к этому, что до лета 1992 года продолжали печатать деньги и все республиканские ЦБ, валюта-то была тогда общая – рубль, искажение картины в **Континенте** приобретает гротескный характер.

Я не говорю уже, что получается у Илларионова, будто все, случившееся с той поры с Россией, вплоть

до сего дня, произошло из-за того, что летом 92-го Гайдар, и впрямь, дал слабину. А вот Борис Федоров на его месте, говорят нам, не дал бы (Федоров в драматургии Илларионовских «разоблачений» играет ключевую роль белого либерального рыцаря, противостоящего номенклатурному дракону: на одном негативе ведь не выедешь, не получится драма). Возможно, что характер у Федорова был и впрямь потверже, чем у Гайдара. Но что из этого следует, если к осени Гайдар и сам поправился и закончил тот же 92-й год, как слышали мы от ПА, ударно, «героически»? Похоже сокращение дефицита ВДВОЕ (по сравнению с советским 91-м, к которому Гайдар не имел никакого отношения) на «намеренные действия по развалу финансовой системы» и тем более – на «финальный разгром бюджета»? Вздор ведь получается, и за уши – только для драматического эффекта – притянут сюда Федоров. Впечатление такое, что имеем мы здесь дело с опытным манипулятором, ни перед чем не останавливающимся во имя персональной вендетты.

Другое дело, что – и в этом действительно следовало бы винить правительство Гайдара – не поставило оно принципиальный вопрос о компенсации гражданам за утраченные сбережения. Пусть не оно эти сбережения «украло», а Павлов и вслед за ним – Геращенко, но возместить потерянное государство было обязано. Взяло же оно на себя ответственность перед иностранными банками за «чужие» – сделанные Горбачевым – долги. Тем более обязано оно было признать себя ответственным за чужие прегрешения перед соотечественниками. Упрекни Илларионов правительство Гайдара за это, и спора не было бы. Но это-то как раз для него третьестепенно, другим, совсем другим, как мы видели, он занят.

Как бы ни было, на этом «разоблачения» Илларионова, цена которым, как мы опять-таки видели, копейка, конечно, не кончаются (публикация в *Континенте*, повторяю, гигантская). Мы ведь даже о главном, об угрозе гражданской войны в начале 1990-х, еще не поговорили. И о «спецоперации» Гайдара на Кубе. И о многом другом. С этим, однако, читателю придется подождать до второй части этой главы.

Глава 11

ИЛЛАРИОНОВ vs ГАЙДАР • Часть вторая •

Как мы уже говорили, в отличие от всего выводка посткоммунистических стран, одной лишь России предстоял в 1991 году одновременно ТРОЙНОЙ переход – от Госплана к рынку, от однопартийной диктатуры к разделению властей и от империи к федерации. Илларионов, конечно, это знает, но до конца не додумывает.

Если додумать, то очевидно, что каждый уровень перехода неминуемо порождал свой мощный слой СОПРОТИВЛЕНИЯ реформам. Рыночный переход – «красных директоров», председателей колхозов и вообще бывшего «хозяйственного актива». Политический – бывшей партийной и «советской» номенклатуры, аппаратчиков. Федеративный – «непримирийской» имперской оппозиции (достаточно вспомнить, как яростно сопротивлялась группа депутатов ВС России во главе с Сергеем Бабуриным названию новой

страны «Российская Федерация». А Проханов и его газета *День*, объединившая вокруг себя всю имперскую интеллигенцию – от Кургина до Дугина? А ВПК, ставший стеной против «уничтожения военной мощи державы»?).

Между тем, как раз это обстоятельство и создавало возможность опасных коалиций сопротивления (полностью игнорируемую Илларионовым). Именно беспощадному натиску коалиции депутатов и «красных директоров» и пришлось уступить, Гайдару, ослабляя бюджет, летом 92-го. Об этом, впрочем, мы уже говорили. Куда опаснее была коалиция депутатов с «непримиримой» оппозицией, приведшая к ВЫРОЖДЕНИЮ ВС и поставившая страну на грань гражданской войны. С этим и связано следующее, самое, быть может, главное «разоблачение» Илларионова.

«Разоблачение» № 4 Гайдар и Верховный Совет

Он и здесь категоричен: «Во многом по инициативе и с активным участием Гайдара был разгромлен важнейший демократический институт страны – парламент». Это о каком же, позвольте, «демократическом институте» речь? Не о хасбулатовском ли ВС, что заседал в Белом доме и 3 октября 1993 года своей волей, игнорируя даже формальную процедуру импичмента (см. главу «Импичмент»), отрешил от должности всенародно избранного президента, назначив на его место шестерку – Руцкой его звали, если память мне не изменяет? О том ли «демократическом институте» речь, о котором Григорий Явлинский сказал, выступая в ночь на 4 октября по ВГТРК (Останкино, как мы знаем, было уже разгромлено мятежниками): «В Белом доме сосредоточено зло. Если люди, исповедующие

фашизм, охраняют Руцкого, значит, с его именем связывают они свои надежды»?

В который уже раз ставит нас Илларионов перед дилеммой: «Кому верить?» Явлинскому, который тоже, как мы знаем, не большой поклонник Гайдара, но приветствовал его мужество в противостоянии «демократическому институту», обернувшемуся «средоточием зла»? Или нашему герою, который так шокирующее неловко обнаружил вдруг, что знает историю отечества еще хуже, чем продовольственную ситуацию в стране в конце 1991 года? Не имеет, другими словами, представления, что именно было разгромлено в октябре 93-го – надежда демократии или фашистский мятеж, чреватый гражданской войной? Если, однако, Илларионов не понимает того, что поняли Явлинский и Гайдар, не значит ли это, что не понимает он НИ-ЧЕГО (!), что в ту роковую ночь происходило?

И я ведь ни на йоту не преувеличиваю. Представьте, что произошло бы в России, если бы Олег Попцов, директор ВГТРК, не успел вовремя перекоммутировать телевизионные каналы к себе, на Пятую улицу Ямского поля, а штурм Останкино закончился победой Машкова. Разве не сообщила бы в этом случае по всем каналам Москва стране и миру, что власть в России перешла в руки «президента» Руцкого. И чем, по-вашему, закончился бы такой *force majeure*, если не гражданской войной?

В поисках последней ясности

Несколько глав этой книги посвящены сложившейся в октябре 92-го коалиции ВС с «непримиримой» оппозицией, приведшей к его вырождению из «демократического института» в «зло», о котором говорил Явлинский (см. главы «После путча», «12 июня

1992 года», «Импичмент»). Все они были опубликованы и в **ДИЛЕТАНТе**, и в **СНОБе**, и даже в **ФЕЙСБУКе**. Но тезисы Илларионова в его блоге в ЖЖ в 2015 году и комментарии многочисленных его поклонников свидетельствуют, что убедили эти главы далеко не всех (я это и в комментариях к собственным блогам вижу). И по поводу того, что пик «многосоттысячных демократических митингов» пришелся, вопреки хронологии Илларионова, вовсе не на рубеж 1991-1992-го, а на 1990 год, а на рубеже, на который он ссылается, улица уже принадлежала «непримиримым». И в деградации ВС не убедили. И в том, что даже при всех демократических митингах 90-го прошел Ельцин в Председатели Верховного Совета с огромным трудом, большинством всего в четыре (!) голоса. В том, иначе говоря, что уже и в 1990-м выбирал ВС совсем не в унисон с демократической в ту пору улицей.

Так или иначе, понятно, что значительный сегмент читающей публики по-прежнему сомневается: а не был ли хасбулатовский ВС и впрямь «демократическим институтом»? И не стал ли обыкновенный конфликт между двумя ветвями власти предлогом для «расстрела парламента» (который, впрочем, никогда не считал себя ни парламентом, ни одной из ветвей власти)? И не был ли в таком случае этот «расстрел» преступен для будущего страны? И нельзя ли было закончить конфликт миром, без стрельбы и без крови?

Казалось бы, все аргументы, все факты, неопровергимо свидетельствующие о превращение ВС в штаб «непримиримой» оппозиции, что само по себе исключало мирный исход мятежа, в моих главах присутствуют, но последней ясности, по-видимому, все-таки не было.

Правда, вовсе не деградации ВС посвящены эти главы, но истории национал-патриотизма, т.е. этих

самых «непримиримых». Потому и не ставил я себе задачу выстроить четкий, как для кино, пошаговый сценарий этой деградации (не знаю даже, умею ли я выстраивать такие сценарии). Надеялся, что и без него все очевидно, очень уж убедительно выглядят эти факты.

Но теперь, когда выясняется, что сомнения остались, у меня, чтобы доказать пустячность этого – главного! – «разоблачения» Илларионова, просто нет другого выхода, кроме как, опираясь на те же факты, попробовать такой сценарий выстроить, пусть сжато. Да, он – и как угодно сжатый – потребует много места. Да, повторения при этом неизбежны – цитированные-то факты, те самые, убедительные, не выбросишь. Хватает, впрочем, и новых.

Депутаты в стане «непримиримых»

Начну с того, как я уже упоминал, вскоре после августовского путча 1991 года большая группа депутатов во главе с тем же Сергеем Бабуриным оказалась в стане непримиримой оппозиции. Я назвал их «перебежчиками». Судя по тому, что Бабурин, как я уже говорил, сравнил путчистов с Христом, это были имперцы, голосовавшие в 1990-м против Ельцина. Но непримиримые-то все были имперцами, то есть реваншистами, так что поначалу «перебежчики» в этой толпе затерялись.

Тем более что толпа была странная. Наряду с родственными депутатами «красными», обретались в ней и «белые», готовые костью лечь за возвращение вовсе не в излюбленный СССР, а именно в дореволюционную империю. Еще более удивительно было присутствие в этой толпе на командных постах Александра Баркашова, будущего героя октября 93-го,

который без малейшего стеснения так себя, как мы помним, рекомендовал: «Мы национал-социалисты, из тех, кого на Западе называют наци». И обижался, когда его причисляли к «красно-коричневым». Поправлял: «Мы просто коричневые». Не удивительно, что поначалу депутаты чувствовали себя в такой компании неуютно. Привыкнут. Обживутся. Придет время, даже возглавят.

Неминуемость конфронтации

Куда более важно, что с течением времени противоречия между ВС и президентом все более откровенно выглядели антагонистическими, непримиримыми то есть. Президент исходил из того, что новой стране нужна новая конституция. ВС категорически это отрицал, полагая, что достаточно подлатать старую, брежневскую. Понятно почему. Брежневская конституция основана была формально на ленинском девизе «Вся власть Советам!».

Другой вопрос, что сами по себе многотысячные собрания управлять страной не могут. Поэтому действительно важно было, как в октябре 1917, так и в октябре 1991 другое, а именно: какой, в конечном счете, окажется, так сказать, «начинка» этих Советов, т.е. кому будет принадлежать реальная власть. В 17-м году большевики предложили в качестве такой «начинки» коммунистическую партию. Брежневская конституция юридически это закрепила 6 статьей о руководящей и направляющей роли партии.

Но в 1990-м, как мы знаем, 6 статья была отменена, и Советы опять остались пустой оболочкой в ожидании новой «начинки». Формально, однако, конституция оставалась **советской**. На этом основании хасбулатовский ВС и считал себя не одной из ветвей

власти, а собственно ВЛАСТЬЮ – единой и неделимой, как и следовало из буквы этой конституции.

И формально, повторяю, он был прав. Не зря же в 93-м поддержал его позицию председатель Конституционного суда Валерий Зорькин. Единственной слабостью этой позиции было то, что страны, для которой написана была эта конституция (страна, как мы помним, называлась СССР, в просторечии «страна Советов»), больше не существовало. Хуже того, поскольку демократия, в отличие от той, прошлой страны, предполагала обязательное РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ, ВС, по сути, отрицал, что в стране произошла демократическая революция. Президент был другого мнения.

Очевидно, что такие разногласия миром не заканчиваются. Хотя бы потому, что, как и всякая диктатура, власть Советов **в принципе** несовместима с разделением властей. Долго двоевластие, поэтому, продолжаться не могло. В октябре 1917-го аналогичный конфликт закончился победой Советов. К чему это привело, мы знаем. Чем закончится его повторение на исходе XX века, не было ясно до самого октября 1993-го. Хотя для сколько-нибудь проницательного наблюдателя еще и за два года до этого было очевидно, что, кроме непримириимых, другой «начинки» для ВС в стране не было. На этот раз роль большевиков сыграть могли только они. Кто еще стал бы в тогдашней России грудью за власть Советов? Заявку на это и сделали «перебежчики» 1991 года.

Корректно ли в свете этих обстоятельств именовать ВС «важнейшим демократическим институтом страны», пусть остается на совести Илларионова. А мне предстоит выстраивать обещанный пошаговый сценарий его вырождения.

Шаг первый

Провал августовского путча, естественно, оказался для «непримиримых» реваншистов сокрушительным ударом. В одну, можно сказать, ночь лишились они своих давних покровителей и спонсоров – и с ними финансовой и организационной поддержки. Где искать новых спонсоров, не было ясно. Пока суд да дело, оставшись на свой страх и риск, сошлись на том, что нужно искать Лидера, своего рода русского IL DUCE, способного хоть как-то сплотить все их разношерстное воинство – «красных», «белых», «коричневых» и депутатов-«перебежчиков». Найти лидера внутри движения оказалось невозможно. Пришлось пригласить человека со стороны. Пригласили.

Объединительный съезд Русского национального Собора открылся 12 июня 1992 года в Колонном зале с большой помпой. Съехались на него делегаты от 117 городов из всех республик бывшего СССР. Председательствовал бывший генерал КГБ Александр Стерлигов. Сейчас мало кто его помнит, но тогда он и руководимый им съезд очень впечатлили аккредитованных иностранных журналистов. Югославское телеграфное агентство Танюг, например, распространило 16 июня такой комментарий своего корреспондента: «Кто присутствовал на съезде Русского национального Собора, не может больше утверждать, что оппозиция не взяла бы в свои руки власть, если бы выборы состоялись завтра».

Еще больше, однако, впечатлил Собор либеральную публику в Москве. Министр иностранных дел Андрей Козырев публично высказался в том смысле, что «для России наступает последний Веймарский год». И ведущий обозреватель **Московских новостей** Валерий Выжутович согласился, писал в статье под заголовком

«Либеральный испуг»: «Мне не кажется сенсационным вывод Козырева, чье интервью *Известиям* наделало шума, хотя для вдумчивых наблюдателей уже совершенно очевидно – то, что происходит у нас сегодня, очень похоже на 1933 год в Германии».

Скоро выяснилось, однако, что испуг был преждевременным. По крайней мере, по двум причинам. Во-первых, трещины во взглядах делегатов Собора обнаружились уже на объединительном съезде. Одни, включая самого Стерлигова, требовали лишь отставки «правительства измены» и замены его соборным правительством, но большинство настаивало на свержении Ельцина и его «оккупационного режима». Противоречие оказалось неразрешимым.

Стерлигов-то имел в виду нечто вроде сделки Гитлера с президентом Гинденбургом в январе 1933-го. Но за Гитлером стояла мощная партия в Рейхстаге, а за Стерлиговым что? Меньшинство Собора? Стал бы Ельцин с ним договариваться при нейтралитете ВС?

Во-вторых, и большинство Собора вовсе не намеревалось ждать следующих выборов, ему нужна была власть немедленно, завтра. Но как ее добиваться? Маршами пустых кастрюль? Уличными митингами? Против ОМОНа? Понимали: бессмысленно. Без поддержки ВС у «непримиримых» было столько же шансов, сколько у Стерлигова. Короче, вдруг обнаружилось, что все упирается в позицию ВС. Эти соображения и решили судьбу несостоявшегося IL DUCE – и созданного им Собора.

Влияние в стане «непримиримых» перешло к депутатам-«перебежчикам». Немудрено: те обещали поддержку ВС. При удаче – пакт. Прощупали там почву. Нашли сочувствующих. Таков был первый шаг к коалиции ВС с «непримиримыми» – и к государственному перевороту.

Шаг второй

24 октября 1992 года в Парламентском центре России открылся учредительный съезд Фронта национального спасения (ФНС). Здесь тон задавали уже депутаты ВС во главе с Ильей Константиновым. И отадим им должное, продемонстрировали они городу и миру еще более впечатляющую картину, чем июньский Собор. На съезд ФНС съехались 1428 делегатов и 626 гостей из республик. Присутствовало 270 аккредитованных журналистов, 117 из них от иностранных газет и агентств. Право, Илларионов должен был жить на другой планете, если он ничего об этом не знает.

Вот, чтобы хоть как-то продемонстрировать читателю атмосферу съезда, отрывок из речи депутата Николая Лысенко (в записи некого Ивана Иванова): «Мы никогда не признаем независимость Украины и Белоруссии! (аплодисменты). С бандократическими режимами Кравчука и Шушкевича мы будем разговаривать не по законам международного права, а по законам уголовного кодекса! (гром аплодисментов). Сионофильское телевидение дорого заплатит! (бурные аплодисменты, переходящие в овацию; все встают). Я тоже встал. Кто-то шепчет мне на ухо: «А Невзоров-то тоже еврей, у него бабушка с фамилией Ашкенази. Ну и будем мы их всех мочить!». Это на случай, если кто-то еще не понял, что такое «непримиримые».

Так или иначе, первую скрипку играли теперь «пебежчики», число которых все увеличивалось. «Пакт с дьяволом», говоря высоким прохановским языком, был публично, очень публично – на весь белый свет – заключен. И никаких идейных трещин на съезде ФНС, в отличие от Собора, уже не возникло: «непримиримые» обещали ВС безоговорочную поддержку улицы в его борьбе за советскую конституцию, ВС

обещал спонсорство и финансовую помощь. Но, главное, цель – свержение «оккупационного режима», иначе говоря, государственный переворот и устранение президента – была у них общая. Более того, выработана совместная стратегия этого переворота.

Хитрая стратегия, коварная. Примерно такая. На VIII съезде народных депутатов России в начале марта 1992 года президенту будет предложен проект конституции. Конечно, советской. Чего стоила хотя бы статья, гласившая, что «Внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации определяет Верховный Совет РФ»? Союзники не сомневались, что Президент, которому оставлялась роль английской королевы, отвергнет этот проект с ходу. И тогда они начнут его нести – хамски, беспощадно, как несли аппаратчики Горбачева на апрельском Пленуме ЦК КПСС в 1991-м, когда он вспылил и подал в отставку (см. главу «Последний бой Горбачева»).

Олег Попцов так описывает это словесное избиение Ельцина, когда ФНС приступил к осуществлению своего плана: «Зрелище [было] не только удручающим, но и жутковатым, масштаб озлобления, ораторской неуважительности к Ельцину, нестерпимое желание оскорбить, унизить общенародно избранного президента вряд ли имеет схожий пример в какой-либо другой стране. И во всей этой ругательности, несдержанности, грубоosti видишь нечто похожее на удаль многоликого хама».

Но Ельцин не Горбачев. Съезд его не избирал и не съезду его увольнять. Потребует общероссийского референдума о доверии президенту. Съезд не согласится. Разойдутся, ни о чем не договорившись, про воцируя униженного Ельцина на какое-нибудь необдуманное заявление. Но времени на обдумывание ему не дадут.

Шаг третий

Уже через пару недель, в конце марта, созван будет внеочередной чрезвычайный IX съезд, который, собственно, и должен был закончиться устранением президента. Одна за другой на съезде были взорваны три заранее подготовленные «бомбы». Первую должен был взорвать Валерий Зорькин, объявив отказ Ельцина от предложенного ВС проекта Конституции неконституционным. Вторую взорвет вице-президент Руцкой, публично порвав с Ельциным (случай в мировой политической практике неслыханный, тем лучше, тем больше скандал). Третью, главную, взорвет Хасбулатов: «А теперь ставлю на голосование импичмент президенту». Красивый план?

Так все на IX съезде и происходило. А имея в виду, что депутаты настаивали, чтобы все это действие было показано по телевидению, можно представить себе, как затаила дыхание страна, как задрожали сердца – у одних от предвкушения, у других от ужаса. Говорили, что были заготовлены проскрипционные списки. Про это не знаю, может быть, просто у страха глаза велики. Но знаю, что Гайдар, по собственному его признанию, опасался 28 марта ареста. Вырождение ВС состоялось, вызов был брошен. Не Ельциным – Ельцину. Может ли быть, что Илларионов ничего об этом не знал?

Осечка

Не знаю, в чем было дело. То ли планировщики по неопытности полагали, что для импичмента достаточно простого большинства голосов (большинство ВС действительно проголосовало за импичмент). То ли просто нашлось в этом уже выродившемся

ВС, пусть небольшое, но способное противостоять ажиотажу толпы меньшинство депутатов с демократическими убеждениями (в сентябре они откажутся от своих депутатских мандатов). Так или иначе, для конституционного большинства (двух третей), необходимого для импичмента, не хватило 50 голосов. Оскандалился ФНС. Пришлось соглашаться на референдум.

Поторговались. Президент настаивал на включении в референдум пункта о доверии ВС, депутаты требовали включить убийственный, с их точки зрения, пункт «Согласны ли вы с социально-экономическим курсом президента?». Включили оба. После маршей пустых кастрюль, после первой осады Останкино (см. главу «12 июня 1992 года») у большинства ВС не было ни малейших сомнений в своей победе. Как писал в прохановском *Дне* депутат Михаил Астафьев: «Ельцин не выиграет референдум, даже если его сторонники попытаются подтасовать результаты голосования. Если же Ельцин откажется признать результаты голосования, депутаты вновь прибегнут к процедуре отрешения от должности».

Представьте себе теперь бездну их разочарования, когда, по выражению Сергея Адамовича Ковалева, «президент победил нокаутом». И главное, доверие ВС оказалось несопоставимо ниже доверия Ельцину. Вот тогда-то «по инициативе и при активном участии Гайдара», говоря языком Илларионова, да и не одного Гайдара, а десятков экономистов и деятелей культуры, развернулось движение, требовавшее распустить дважды оскандалившийся – с импичментом и с референдумом – ВС. Тем более что результаты референдума неопровергимо свидетельствовали: попытка ВС сохранить в России власть Советов не пользуется доверием народа и авторитет его ниже плинтуса.

«Превратить поражение в победу»

Гайдар и его единомышленники еще, однако, не знали, насколько опасно было оставлять этот выродившийся и попавший в зависимость от «непримиримой» оппозиции ВС в подвешенном состоянии после разгромного для него референдума. Они, увы, не были читателями **Дня** и не общались, как я, с вождями «непримиримых» (мне приходилось, я готовил тогда книгу «После Ельцина»).

Читали бы, общались, удивило бы их, как быстро сменилось в лагере «непримиримых» разочарование двойным поражением ВС воодушевлением, а уныние – решимостью «превратить поражение в победу». Переменились роли. Чем больше унижен был повисший в воздухе ВС, тем зависимей становился он от них. Других союзников у него в стране не было: кто еще стал бы воевать за советскую власть? Нельзя было не заметить эту перемену ролей в резко изменившемся тоне «патриотической» печати.

Достаточно было сравнить уныние, царившее в ВС, хоть с «Новогодним словом» Проханова, которым открывался первый номер **Дня** за 1993 год. Вот что мы из этого «Слова» могли бы узнать: «Год, в который мы шагнули, запомнится нам как год потрясений и бурь, год сопротивления и победы, физической, во плоти, ибо победу нравственную мы уже одержали».

Это могло бы показаться бредом безумца, когда бы так не напоминало «Новогоднее слово» то самое знаменитое «Слово к народу», предшествовавшее августовскому путчу 1991 года. Когда бы не стекались к Москве по призыву «непримиримых» казаки, чеченцы, ветераны боев в Абхазии и в Приднестровье и снайперы «просто коричневого» Баркашова. Когда бы ВС не закупил большую партию стрелкового оружия (для чего,

спрашивается, законодателям стрелковое оружие)? Когда б не заседание «теневого кабинета-93» в том же *Дне*, начинавшееся словами анонимного премьер-министра: «Предлагаю разработать рекомендации ... на то недалекое теперь время, когда оппозиции придется нести бремя власти в разоренной, охваченной беспорядками России».

Следует кому-то, кроме Илларионова, объяснить, что прежде чем «нести бремя власти», нужно ее, эту власть, сначала завоевать? А как это сделать без оружия? Так для кого закупил его ВС?

Нужно было быть слепым, чтобы не заметить, что ВС уже превратился просто в прикрытие назревающего вооруженного мятежа «непримиримых», в государственный институт, роль которого состояла лишь в том, чтобы обеспечить этому мятежу легитимность. А президент словно уснул. И полгода – между 15 апреля и 21 сентября – спал. Такое, по крайней мере, было впечатление. Когда проснулся (в 20 часов 21-го сентября выступил с телеобращением «К гражданам России», сказал, наконец, то, что все давно уже поняли: «Власть в российском ВС захвачена группой лиц, которые превратили его в штаб непримиримой оппозиции» и опубликовал знаменитый указ № 1400, прекращающий двоевластие), предотвратить кровопролитие было уже невозможно. ВС был нацелен на «завоевание власти».

Более того, главным вопросом, волновавшим страну, стал отныне уже не вопрос, сохранится ли в России советская власть, лежащий в основе конфликта, а именно вопрос об оружии, закупленном ВС и розданном боевикам.

В главе девятой («Импичмент») по дням перечислено все, что происходило после 21 сентября. Нет смысла повторять здесь очередность событий. Напомню лишь,

что с 28-го, когда в конфликт вмешался патриарх Алексий, в Свято-Даниловом монастыре шли переговоры между делегациями ВС и администрации президента. И камнем преткновения на них было, конечно, разоружение боевиков. Вот, как оценивал их ход 1 октября Ельцин в телеинтервью Останкино: «Все переговоры должны начинаться со сдачи оружия... Договоренность была такая: включается свет, они сдают оружие. Свет включили, а они оружие сдавать отказались. Не сдают. Понимаете, сложно с ними дело иметь. Вроде уже даже протокол подписали ночью... И вдруг утром они посчитали, что этот протокол недействителен, и оружие сдавать не будем».

Ельцин говорил о так называемом Протоколе № 1, подписанном переговорщиками ВС Рамазаном Абдулатиповым и Вениамином Соколовым. Президентская сторона выполнила условия договора. Однако «Военный совет» Белого дома (т.е. «непримиримые», которые уже полностью контролировали ситуацию) Протокол денонсировал, заявил, что переговорщики превысили свои полномочия. Последний шанс

Переговоры в Свято-Даниловском монастыре

покончить дело миром был упущен. Ельцин, тем не менее, закончил интервью так: «Мы не будем прибегать к силовым методам, потому что не хотим крови. Но и не хотели бы, чтобы боевики из Приднестровья и рижский ОМОН проливали российскую кровь».

Было поздно, однако. Численность «непримиримых» в Белом доме далеко уже превысила число депутатов, которые, как мы знаем (см. главу «Импичмент»), начали разбегаться еще 27 сентября. К утру 3 октября оставалось их в Белом доме меньше половины спикерского состава. Другими словами, остался ФНС. Это решило дело. «Непримиримым» терять было нечего. Ранним утром в субботу 3 октября они НАЧАЛИ гражданскую войну. Сначала атаковали мэрию, вслед за этим начали штурм Останкино. К ночи ситуация выглядела катастрофически.

Вот как описывал ее Ельцин: «Я понял со всей очевидностью, что судьба страны повисла на волоске. Армия еще не вошла в Москву – не хотела или не успела? – а милиция, которую ... изнасиловали требованиями не применять оружие, оказалась не в состоянии дать

Р. Г. Абдулатипов

В. С. Соколов

отпор ... профессиональным убийцам, боевым офицерам, умеющим и любящим воевать». По словам Олега Мороза, летописца мятежа, «Ельцина спасло чудо».

Тут я не соглашусь. Уберегло страну от гражданской войны то, что мятежники проиграли битву за эфир. Здесь телевидение впервые продемонстрировало, что оно полностью заняло место легендарных «почты, телефона и телеграфа» как фактор, решающий судьбу гражданской войны. Это оно, телевидение, оставшееся в руках президентской команды, – благодаря неудаче мятежников захватить Останкино и удаче Олега Попцова, не опоздавшего перекоммутировать телеканалы на ВГТРК, – окончательно убедило генералов, что у Белого дома нет шансов повести за собой Москву. И еще, конечно, тысячи москвичей, собравшихся по призыву Гайдара, – по телевизионному, заметьте, призыву, – у Моссовета.

Вот отрывок: «Я никогда не любил говорить громких слов. Но бывают дни, от исхода которых зависит жизнь страны на десятилетия. Если мы сегодня пропустим к власти тех, кто к ней рвется... они способны на десятилетия покрыть страну кровавым коричневым занавесом... Дорогие москвичи, я прошу вас сегодня придти на защиту свободы». Как видите, во всем остальном несогласные Гайдар и Явлинский говорили на одном языке, когда речь зашла о защите свободы. Удивительно ли? Оба либералы. На каком языке говорит Илларионов, разоблачающий «предательство» Гайдара и в то же время путающий «кровавый коричневый занавес» с «демократическим институтом», судить читателю.

Другое дело, как мог президент довести дело до того, чтобы судьбу страны решала удача. На этот счет есть одна, странная на первый взгляд, версия. Рассказал мне о ней покойный Дмитрий Антонович Волкогонов.

Он был, конечно, генерал-полковник и советник президента, но мы с ним, как ни странно, были очень близки. Может быть, потому, что оба были писателями, и он очень опасался за свои архивы, даже просил меня увезти часть их в Нью-Йорк.

Как бы то ни было, версия была такая. В начале сентября пришел к нему старый приятель, генерал, входящий в Белый дом, и «совершенно конфиденциально» сообщил, что, если верить Михаилу Колесникову, начальнику Генштаба, который недавно был на совещании у Хасбулатова, вооруженный захват власти назначен ВС на конец сентября – начало октября.

Ничего себе информация! Волкогонов, который так же, как Гайдар и многие другие, отчаянно пытался «разбудить» Ельцина, тотчас помчался с этой «бомбой» в высшие сферы. К его удивлению, никто там особенно не возбудился, «выслушали, как бы приняли к сведению, то ли не поверили, то ли и без меня уже знали». Задним числом, Дмитрий Антонович, конечно, склонялся к последнему варианту: после 21 сентября воздух словно был пропитан ожиданием мятежа. Но Волкогонов-то доложил об этом задолго до 21-го. И я думаю, что, скорее, не поверили. Потому и не готовились.

Как бы то ни было, так обстоит дело с «разоблачением» № 4. Надеюсь, на этот раз убедил, что никаким «демократическим институтом», о котором говорит Илларионов, ВС к октябрю 93-го давно не был, выродился

Д. А. Волкогонов

в легальное прикрытие мятежа «непримиримых». Мало кто в тогдашней Москве этого не знал. Добавлю лишь, что, если верить Михаилу Полторанину, «с их стороны все было подготовлено. Когда мы приехали в Кремль утром 3 октября, заскочил председатель Таможенного комитета, сказал, что его комитет захвачен и оттуда поступила команда в Шереметьево не выпускать из страны ни членов правительства, ни окружение президента, ни демократов. Они уже готовили нам утро, расстрельное утро».

М. Н. Полторанин

«Разоблачение» № 5. Гайдар – сын шпиона

Теперь придется покороче. Тем более что об отце Гайдара мы уже говорили довольно подробно, когда речь шла о воспоминаниях Отто Лациса. Тема эта возникла в «разоблачениях» Илларионова в связи обнаруженным им, как он полагает, странным поведением Гайдара в 1992 году, когда, несмотря на катастрофическое состояние бюджета, Гайдар, якобы, по сути, подарил кубинскому диктатору 200 млн. долларов, чтобы сохранить советскую военную базу в Лурдесе. В качестве доказательства, насколько я понял, фигурирует факт, что во время пребывания Тимура Гайдара спецкором *Правды* на Кубе, он близко общался с первыми лицами государства и, главное, у него была приемная (!). Из этого Илларионов заключил, что никаким корреспондентом Тимур не был, а был «резидентом ГРУ». А сын

по старой памяти сохранил верность диктатору – и советской базе на Кубе.

«Разоблачение» выглядит настолько бездоказательным, не говоря уже – непристойным (Тимур, как мы уже слышали от Лациса, презирал советскую власть и все связанное с ней), что я и не знаю, с чего начать. Во-первых, база в Лурдесе не представляла тогда для России такой ценности, чтобы рисковать из-за нее дырой в бюджете. Да что там, вообще никакой ценности она не представляла. Вот отрывок из беседы ПА с Андреем Козыревым (Ан.К). ПА: «В доктрине Козырева Лурдес и Камрань не нужны». Ан.К: «Мы бросили всех «старых друзей».

Во-вторых, Авен все-таки был министром по внешним экономическим связям, а Козырев – министром иностранных дел. Мыслимо ли, что Гайдар провел эту хитрую и опасную «спецоперацию» так, чтобы Илларионов о ней знал, а оба ключевых министра не знали? Тем более что она явно противоречила их убеждениям?

Что до общения Тимура с первыми лицами Кубы и, не забудьте, приемной, на которых основано это «разоблачение» Илларионова, тут я могу сослаться лишь на собственный опыт. Конечно, в отличие от Тимура, я не мог быть спецкором **Правды** в Гаване. Я был невыездной, и граница для меня простиралась не дальше, чем Таллин или Рига. Но в качестве спецкора **Известий, Литгазеты и Комсомолки** я все-таки объездил полстраны. И могу свидетельствовать, что, куда бы я ни приезжал – будь то в Смоленск, в Кострому, во Фрунзе, в Сталинабад или в Благовещенск – всюду я обязан был общаться с первыми лицами области или города, объяснять цель моего приезда. Хотя бы потому, что без этого не получил бы доступ к партийному гаражу, не имел бы в своем распоряжении машину с шофером и, если понадобилось, представьте себе, приемную.

Такова была обычная практика того времени. Тем более должно это было быть так за рубежом, будь то в Гаване или в Белграде, где Тимур был спецкором в 1968 году, когда советские танки вошли в Прагу (см. описание его тогдашнего поведения в мемуарах Отто Лациса, которые я цитировал). Если Илларионов этой обычной практики, не знает, что ж, невежество – не аргумент.

* * *

В заключение скажу, что, по-моему, персональная вендетта помешала Илларионову просто по-человечески понять Гайдара. Иначе не упрекал бы его в том, что Гайдар не был борцом, как, скажем, Галина Старовойтова. Но ведь это правда, нисколько не походил Гайдар ни на демократа-диссидента, как Сергей Ковалев, хотя они были дружны, ни даже на радикального демократа, как Сергей Ющенков. Он вообще не был политическим борцом. Даже «политиком был на троеку», как признавался он АК.

Как многие выдающиеся представители советского среднего класса, готовился Гайдар бороться в сфере идей, а не в сфере политики, быть советником реформаторов, а не реформировать общество. И в этом смысле походил он скорее на Аристотеля, чем на Платона. Обстоятельства, однако, поставили его перед необходимостью не только стать реформатором, делать революцию заставили его обстоятельства. И, человек чести, он не ушел в кусты от огромности этой ответственности. Он ее делал. И сделал. И за то, что, по крайней мере, один из трех предстоявших России в 1991 году переходов – от Госплана к рынку – Россия, как признает сам Илларионов, совершила **необратимо**, разве не Гайдару должны мы быть благодарны?

Илларионов винит его в том, что не совершила она при нем все три перехода. Но справедливо ли упрекать человека в том, что не исполнил он нечеловеческую задачу?

Глава 12

КАК БЫ НЕ ПОВТОРИТЬ СТАРЫЕ ОШИБКИ

Эту главу читатель, которого интересуют не размышления и интуиции, только факты, может и пропустить. Фактов я предложил ему в предшествующих главах вагон и маленькую тележку. А вот размышлений о тех «Веймарских» годах, 92-м и 93-м, которые я описывал, как убедили меня обсуждения этих глав в СНОБе и особенно в **ДИЛЕТАНТе**, не хватало катастрофически. Например, я подчеркивал в первой же, вводной главе «Фатален ли для России Путин?» – что, прежде чем победить, каждая демократическая революция в истории Старого света (США 1776 года были исключением, но ведь то был «Новый свет», как это тогда называлось, свободный от авторитарного прошлого) непременно завершалась диктатурой. И так было не только в Англии с протекторатом Кромвеля или во Франции с диктатурой Бонапарта, о которых я упоминал.

Меня упрекнули, что я произвольно отобрал для примера страны, ничего общего не имеющие с Россией. Но такова ведь была судьба ВСЕХ демократических революций. Разве не диктатура ожидала китайскую революцию 1911 года, или японскую 1912-го, или германскую 1918-го (восточноевропейские «бархатные» революции – особый, как мы уже говорили, случай)? Всюду мертвые хватали живых, и прошлое давало последний решительный бой будущему. Так почему, собственно, должна была избежать этой участи русская революция 1991?

Я понимаю, что современникам диктатуры от этого не легче, и более того, они неизменно уверены, что именно для них – и для их детей – пришел конец света. И не убеждают их абстрактные, как им кажется,

аргументы, что они не первые, что и Англия, и Франция, и Япония, и Германия это проходили – и все они увидели, в конечном счете, необратимое торжество свободы (в Китае революция еще просто не закончилась). Казалось бы, худшего кандидата в первые азиатские демократии, чем Япония, и представить себе невозможно Тысячелетняя авторитарная традиция, милитаризм, пронизавший общество до мозга костей, вековые имперские амбиции. А вот, поди ж ты...

На этом опыте столетий и основан, собственно, мой оптимизм. Назовите его, если угодно, «историческим оптимизмом». Он кажется мне достаточно серьезным инструментом политического анализа. В конце концов, если таково общее правило в Старом свете, начиная с 1640 года, то Россия может быть исключением из него лишь в одном случае: если мы поверим Проханову, что «Россия – не страна прав человека, это страна мессианская». Или его прародителю Константину Леонтьеву, что «русский народ специально не создан для свободы». Вы верите им, читатель?

Кстати, на моей стороне и мировая политическая философия. По крайней мере, со времен Джона Локка, как бы подводившего в конце XVII столетия итоги Великой английской революции. Самый замечательный из американских богословов XX века Рейнгольд Нибур сформулировал общее правило, по-моему, лучше всех: «Предрасположенность человека к справедливости делает демократию возможной. Но его же предрасположенность к несправедливости делает ее необходимой».

Теперь об интуиции. Слышали бы вы, как громил меня за нее в 1984 году в присутствии американских экспертов М. С. Восленский, автор знаменитой книги «Номенклатура», только что переведенной тогда на английский. Ровно ничего не стоила моя интуиция перед его опытом номенклатурщика, говоря его языком,

в СССР. «Я попал в номенклатуру еще в 1946-м – рассказывал он, – и так в этих кругах и остался». Восленский был невозвращенцем. Но его авторитет был несоизмерим с моим – и в СССР, и в Америке. Во всяком случае, с официальной точки зрения. Там – меня и в Болгарию не выпустили бы, а в 74-м и вовсе выпроводили из страны, а он в 1972 году поехал в Западную Германию «для чтения лекций и научной работы». Здесь – в глазах американских прагматиков – он был инсайдер, а я со своей интуицией – никто.

Так или иначе, он с высоты своего опыта заверил экспертов, что ситуация в СССР может измениться только в результате революции снизу. Конечно, и в рядах правящей номенклатуры есть отдельные люди, как он, например, понимающие, что она со своим «постоянным кризисом недопроизводства» ведет страну к пропасти, но «надежным заслоном от вредных влияний является четкое осознание номенклатурщиками их классовых интересов, их классовой спайки». Он был безнадежный марксист, Восленский: классовое сознание было для него превыше всего. И в кулуарах конференции он выговаривал мне за то, что я морочу серьезным людям голову, обращая их внимание на включение в Политбюро какого-то ставропольского секретаря крайкома, как там его, Горбунов? или Горбачев? Ну, того, что позволил в своем крае дерзкую реформу, от которой благоразумно отказались все другие секретари. Тем более что автор этой реформы умер в тюрьме в Казахстане.

Я еще когда-нибудь, если хватит времени и сил, напишу и здесь об этой реформе, я книгу о ней опубликовал по-английски (*The Drama of the Soviet 1960s. A lost Reform.* 1984). И посвятил ее реформатору Ивану Никифоровичу Худенко, дорогому моему другу, действительно умершему в тюрьме (так в брежневском СССР обходились с реформаторами). И Горбачева я в ней

похвалил, он и впрямь был единственным, кто, раз изменив «классовому сознанию» и подхватив опасное для него дело, мог стать и тем, кто изменит ему снова в государственных, если хотите, масштабах.

Как бы то ни было, история очень скоро тогда рас- судила, кто был прав в том споре, Восленский со своим номенклатурным опытом или я со своей интуицией. Но тогда он был победителем и нес меня по-черному, куда там комментаторам **ДИЛЕТАНТА**. Все это к во- просу о пользе размышлений и интуиции. Потому-то и грянул для американских экспертов конец «холодной войны», как гром с ясного неба, и потому так долго не верили они в Перестройку, что положились на опыт инсайдера Восленского.

О тех, «веймарских» годах

Так же, как первые годы ребенка оставляют заметный, нередко тяжелый, след, преследующий его порою всю жизнь, первые годы новорожденной революции не проходят для нее даром. Шрамы остаются. Я не только о внедренных тогда «патриотической» пропагандой в народное сознание мифах. Перечислять их долго. Миф о Перестройке как о «спецоперации западных спецслужб по развалу великой державы», миф о «России как о главной сопернице Америки, не уничтожив которую, та не сможет добиться мирового господства», миф о «ноже в спину» и о «пятой колонне либералов», миф о «вековой враждебности к России Запада», из-вестного также под именем «мировой закулисы», ко-торая спит и видит, как бы «не дать ей встать с колен». Все не упомнишь, но все они придуманы реваншистами тогда, в годы новорожденной революции. Придуманы, но никем всерьез не оспорены, только высмеяны. Вздор, казалось бы, несусветный, о чем тут спорить?

Ан вот, аукнулись через двадцать лет, черной тучей на-
крыли интернет.

А ведь мифы эти были лишь инструментами, с по-
мощью которых реваншистская оппозиция РАСКО-
ЛОЛА страну, по примеру большевиков, попытавших-
ся раз и навсегда отрезать от России ее образованную,
европейскую половину, кого-то изгнав из страны, ко-
го-то загнав в подполье, кого-то уничтожив в терроре
1930-х. И, казалось, преуспели. Подготовили наскоро
в рабфаках новую, вполне лояльную евразийской дик-
татуре рабоче-крестьянскую интеллигенцию.

А годы спустя обнаружили вдруг реваншисты, что
нет, не справились большевики с задачей. Как показа-
ла Перестройка, зловредная эта европейская половина
оказалась в России неистребимой. Возродилась из пе-
пла за постсталинские десятилетия. Могли ли прими-
риться с таким безобразием наследники большевиков,
людоеды евразийской ее половины?

Вот и пытаются они, как зверь, уже попробовавший
крови, ПОВТОРИТЬ ОПЕРАЦИЮ. А поскольку боль-
шевиков под рукой больше нет, задачу эту взяли они на
себя, стараясь сделать вековое сосуществование двух
половин России, то самое сосуществование, что со-
здало в XIX веке ее великую культуру, невозможным.
Грешно, однако, было бы забыть, что изрядная доля
вины за их успех лежит и на Западе, и на отечествен-
ных либералах тех начальных лет. Как бы не повто-
рить старые ошибки после Путина...

Об ошибке Запада

Запад виноват в том, что, едва рухнула Берлинская
стена и исчез страх взаимного уничтожения, он поте-
рял интерес к России. Как отрезало. Не волновала его
«Веймарская» психологическая война, развязанная

реваншистами, хоть об стенку головой бейся. Для наглядности расскажу одну историю тех лет. В **Нью-Йорк Таймс** появилась в начале 1990-х, на закате Перестройки, анонимная статья, подписанная буквой Z. Содержание ее было вполне тривиально для времени, когда умы западной интеллигенции сосредоточены были на том, помогать Горбачеву или нет?

Автор полагал, что не надо, поскольку как коммунист Горбачев не способен развязать в Москве антикоммунистическую революцию, которую м-р Z почему-то отождествлял с необратимой победой демократии. Понятия не имея при этом, что среди реваншистов хоть пруд пруди было и яростных антикоммунистов. Взять хоть того же «просто коричневого» Баркашова (я не говорю уже о мощном течении «белых», мечтавших о реставрации царизма).

Действительная-то проблема состояла тогда в противостоянии реваншистам, безотносительно от их политических предпочтений (коммунисты как ударная сила реванша были выведены на тот момент из игры отменой 6-й статьи брежневской конституции о руководящей роли партии). Не зря же смысл вскоре грянувшего путча был вовсе не в восстановлении 6-й статьи – и слова об этом путчисты не обронили, – но в сохранении сверхдержавы, противостоящей Западу. Так что недалеко ушел от них м-р Z в своем антикоммунистическом рвении: они тоже считали, что помогать Горбачеву не надо.

Но и публика в Америке не имела представления об имперском реванше. И взбудоражили ее вовсе не идеи анонимного автора, а его анонимность. Напомнило знаменитую статью Джорджа Кеннана 1947 года в **Форейн Афферс** со столь же таинственной подписью – X. После непродолжительного журналистского расследования инкогнито было раскрыто. Мистером

З оказался мой коллега по кафедре в Беркли и давний оппонент – профессор русской истории Мартин Мэлиа. Просто его мучила зависть: он тоже хотел выйти на политическую арену. И с помощью этого трюка вышел. Года два спустя, уже после гайдаровской реформы и рождения «патриотической» легенды о ней, в *Нью Репаблик* появилась еще одна статья Мэлиа с вынесенным на обложку заголовком «Почему Ельцин преуспеет!»

Были в ней и здравые мысли. Например, «как бы плохо людям в СССР не жилось, они все-таки получали утешение от того, что были гражданами великого государства». Или «конец презираемого старого режима переживается, несмотря ни на что, как национальное унижение». Но все это рассматривалось как мелкие издежки по сравнению с главным: «антикоммунисты у власти» и «общество монетизировано, реальные цены – не административные директивы – теперь норма». Короче, победа одержана, отныне Россия в лагере демократических стран. И больше нам, Америке, заботиться не о чем.

Дальше печальная повесть о том, как я потерпел поражение в попытке просветить нового властителя дум, подробно рассказывая ему о том, что на самом деле происходит в России. О том, что победа в ней не только не одержана, но худшее впереди, несмотря на то, что коммунизм теперь для нее – отрезанный ломоть. О том, другими словами, что идеи его – анахронизм. Вот что я ему рассказывал.

Психологическая война

Странная история произошла со мною в Москве в июне 1993-го. Я встречался, как, я надеюсь, помнит читатель, с вождями и идеологами «непримиримой»

оппозиции, и потом печатал их портреты – в России и в Америке (позже я собрал их в книгу «После Ельцина, Веймарская Россия», 1995). Встретиться с Л. Н. Гумилевым я не успел, он умер. Пришлось писать по его книгам. Опубликовали этот очерк в довольно камерном журнале **«Свободная мысль»**. И тотчас группа «патриотических» интеллектуалов дала мне взбучку на российском телевидении за «оскорбление национальной святыни». Чтобы не вступать в перебранку, я решил побеседовать о теориях Гумилева с крупными специалистами, его коллегами, и опубликовать нашу беседу в популярном издании. Стал искать собеседников. И представьте – не нашел.

Евреи отказались потому, что они евреи и им, объяснили мне, не подобает даже смотреть в сторону «национальной святыни» (можете вы себе представить, чтобы сэр Исаия Берлин отказался обсуждать Льва Толстого или Артур Шлезингер – Франклина Рузельта из-за своего, скажем так, неадекватного этнического происхождения?). Но дальше выяснилось, что от разговора на эту взрывоопасную тему отказались и русские. Не дай бог, и их запишут в «оскорбители». А у них, извините, семья, дети.

Одна очень осведомленная дама так этот мой конфуз откомментировала: «А я сама ИХ боюсь. И мало кто в Москве свободен сейчас от страха перед НИМИ. Уже сегодня, не дожидаясь какого-нибудь «националистического мятежа» (как Вы знаете, несколько месяцев спустя он и впрямь произошел), узаконила себя своего рода негласная цензура, куда более строгая, чем прежняя, государственная. Настоящее табу, нарушать которое опасно для всех – от научного сотрудника до президента. Люди, причисленные к лику «патриотических святых», пусть даже патологические антисемиты, как покойный Гумилев, категорически вне критики.

Нужно быть безумцем или агиографом, чтобы тронуть их память».

Только странная эта, согласитесь, история помогла мне понять, что в тогдашней Москве перейден был какой-то психологический порог, которого в нормальном обществе люди не переступают. Подорвавшись на минном поле крушения сверхдержавы и вызванного этим хаоса, интеллигенция раскололась. Рушились старые дружбы, распадались вчерашние кланы, люди одного круга становились чужими друг другу, порою и врагами. Утрачена была общая почва для спора, не было больше общего языка, общих ценностей, общепризнанных авторитетов.

В большой политике не лучше. Спикер Верховного Совета именовал государственное телевидение «гебельсовской пропагандой», а пресс-секретарь президента звал Верховный Совет «инквизицией». Депутат Захаров, вовсе не намереваясь позабавить аудиторию, так описывал свои парламентские впечатления: «Коллеги говорят, что единственный критерий при голосовании у них – если предложение внесено президентом, нажимай кнопку «против». Смысл предложения не имеет значения».

Так выглядела вблизи психологическая война, раздиравшая Россию на части. Я не знаю, что она напоминает вам, мне она напомнила Веймарскую Германию.

Откровения ненавистников Запада

Мэлиа возразил: «Это шок кризиса. То же самое было у нас в 30-е во время великой депрессии. Паника. Люди обвиняли друг друга. И сколько угодно было варварства, вандализма. И – ничего, выбрались как-то из этого ужаса сами. Без посторонней помощи. Так будет и в России, если, как вы, Алекс, сами признаете,

коммунизм теперь – действительно отрезанный ломоть. Настоящее зло ушло с коммунизмом. Я настаиваю, победа одержана. Если русские сумели победить коммунизм, все остальное для них семечки».

– Сильный аргумент, Мартин. Разница лишь в том, что в кризисной Америке люди обвиняли друг друга, а в России они обвиняют – Америку. Вот, я специально для нашего разговора подготовил подборку высказываний (все в марте-апреле 93-го как артиллерийская подготовка импичмента Ельцина, а затем и реваншистского мятежа. Надеюсь, у вас хватит терпения их дослушать

Вот выдающийся математик, в недавнем прошлом почетный член американской Академии наук (сейчас исключен), а по совместительству – видный идеолог реваншистской оппозиции, Игорь Шафаревич: «Нам противостоит очень агрессивная безжалостная цивилизация. Центром ее является страна, начавшая с греха истребления своего коренного населения. Этот грех бродит в ее крови и порождает Хиросиму и убийство 150.000 иракцев всего лишь для того, чтобы не поднялись немного цены на горючее для автомобилей (это он об освобождении Кувейта, захваченного Саддамом Хусейном в нарушение всех норм международного права). Страна, созданная эмигрантами, людьми без корней, чуждыми ее ландшафту и ее истории. Это цивилизация, стремящаяся превратить весь мир – и материальный и духовный – в пустыню, подобную лунному ландшафту. Только в рамках этой борьбы, где ставка – существование человечества, а может быть, и всего живого, можно расценить теперешний русский кризис». (Это он об Америке, Мартин. Это вы стремитесь превратить мир в пустыню?)

А вот вчерашний кумир западных интеллектуалов (помните «Зияющие высоты»?) Александр Зиновьев:

«Запад хотел руками немцев разрушить Россию. Не удалось. Теперь Запад пытается сделать то же самое под видом борьбы за демократию, за права человека и прочее. Идет война двух миров. На чьей ты стороне – вот в чем вопрос». (Это Вы, Мартин, пытаетесь разрушить Россию?)

А вот один из самых серьезных идеологов оппозиции, театральный режиссер Сергей Кургинян: «Россия не должна вступить на западный путь – и потому, что это чужой путь, по которому она идти не сможет, и потому, что этот путь осознан как тупиковый самими идеологами Запада, и потому, что ее на этот путь просто не пустят. Действительный принцип политики Запада в отношении России – это неразвитие, неразвитие и еще раз неразвитие, а далее опускание в «Юг». Нынешние процессы в нашей стране – это не реформа, это война против России, это – деструкция, дезинтеграция, и регресс, ведущие к национальной катастрофе» (Вот что такое в глазах реваншиста ваша «монетизация», Мартин).

Вот, наконец, митрополит Петербургский и Ладожский Иоанн, один из высших иерархов православной церкви, опубликовавший тогда же, в 1993 году, послание к верующим под вполне светским названием **Битва за Россию**: «Против России, против русского народа ведется подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная, непрерывная и беспощадная. Пришло время предъявить к оплате копившиеся веками счета».

Обратите внимание, Мартин, на два обстоятельства. Во-первых, не маргинальных недоучек-неудачников я здесь цитировал, а вполне состоявшихся интеллектуалов высшей пробы: математика с мировым именем, прославленного писателя, маститого режиссера и высокое духовное лицо. И все они – профессиональные,

можно сказать, ненавистники Запада. Во-вторых, для всех них без исключения выход из кризиса связан даже не просто с войной, но с Войной с заглавной буквой, с «войной двух миров», по мнению одного, с войной, «где ставка – существование человечества, а может быть, и всего живого», по мнению другого. А ведь Россия ядерная сверхдержава, Мартин. И по данным военных социологов, подтвержденных опросом Все-российского центра изучения общественного мнения, «национал-патриотических» взглядов, созвучных только что высказанным, придерживалось в 1992 году 70 % офицерского корпуса России.

Что же у нас получается, Мартин? Обратите внимание, что 28 марта 1993 года, когда лишь чудом (50 голосов не хватило) контроль над ядерным арсеналом России не перешел в руки «партии войны», никто в Америке и не вздрогнул. Все были убеждены, как вы, что, поскольку «общество монетизировано» и коммунизмом больше не пахнет, победа одержана, Россия с нами. А на самом деле была она тогда еще дальше от нас, чем при Брежневе. Тогда, по крайней мере, в «войну двух миров» никто давно уже не верил. Даже для Брежнева это была не более чем привычная риторика. А для реваншистов это искренняя новообретённая ВЕРА. Так похоже ли то, что происходит с Россией сегодня, на выкарабкивание Америки из депрессии?

Фиаско

Как видит читатель, я положил на стол все свои карты. Мне интуиция подсказывала, что если Россия выйдет из крушения своей вековой империи самостоятельно, то выйдет она совсем другой страной. И, опираясь на свой ядерный арсенал, попытается снова противопоставить себя миру, ничуть не менее агрессивно, чем

при коммунистах. Вот почему, пока еще не поздно, пока Ельцин еще способен контролировать ситуацию, России нужна помощь, срочная, серьезная помощь. И не только материальная, пусть даже в масштабах «плана Маршалла для России», но и идеальная, помочь в гражданской, если хотите, психологической войне, развязанной реваншистами.

Европейская Россия к контратаке не готова. Вместо того чтобы воевать с реваншистами, она воюет с Ельциным. И, кроме западной интеллигенции, как бы она себя ни называла, помочь ей исправить эту трагическую ошибку некому. Короче, отказывая России в помощи, убеждая Запад, что «Ельцин преуспеет», вы делаете вредную работу, Мартин. Что будет после Ельцина, Вы подумали?

Ответ был, с моей точки зрения, жалким. Вроде того: «А откуда вы знаете, что идиотские тирады процитированных вами авторитетов – не пустая риторика? В Америке времен великой депрессии хватало своих фашистских демагогов – и где они сейчас? И почему мы должны доверять вашей интуиции? У коммунистов была хорошо разработанная, содержательная идеология, способная завоевать мир, а у ваших демагогов – что? Ничего ведь, кроме ненависти неудачников к успеху других, вы же умный человек, Алекс, как вы можете не видеть очевидного?»

Короче, вердикт был: России в помощи отказать. Мы сами выкарабкались из своей депрессии, и русские выкарабкаются из своей, залогом чему «монетизация общества». Александр Николаевич Яковлев подвел итог тому, что из этого вердикта получилось: «В трудную минуту реформации надежного спасательного круга ни от США, ни от других членов “большой семерки” России не поступило. Схематически рисуется такая картина – стоит на берегу тренированный пловец,

а в бурных водах барахтается человек. И слышит крики с берега: греби сильнее, энергичнее, и руками, и ногами. Ничего, что вода холодная. Выплывешь. А я пока сбегаю, поищу где-нибудь спасательный круг».

Для меня это было полное фиаско! Немало было у меня в жизни неудач, но эта запомнилась, как одна из самых тяжких. Как сказал мудрец: «Глас вопиющего в пустыне хуже всего слышен в оазисах». И то, что, в конечном счете, интуиция меня не обманула, нисколько этого не облегчает. Единственное, что утешает: я сделал все, что мог. Впрочем, об этом судить читателю.

Об ошибке тогдашних российских либералов поговорим в следующей главе.

Глава 13

ОШИБКА ЛИБЕРАЛОВ

Это лишь продолжение главы «Как бы не повторить старые ошибки». Она, как помнит читатель, о том, что изрядная доля вины за нынешний успех сил реванша лежит на ошибках Запада и отечественных либералов, допущенных во времена ельцинского «либерально-го окна». Обещал объяснить и то и другое. С ошибкой Запада мы, кажется, в предыдущей главе разобрались. На ошибку либералов не хватило места. Между тем она не менее существенна. И когда еще одно «окно» откроется после Путина (а в том, что оно откроется, я не сомневаюсь, так, по крайней мере, обстояло дело в русской истории на протяжении столетий, исключений до сих пор не было: после каждой диктатуры оттепель в России неминуема), важно старые ошибки не повторить: слишком дорого они обошлись. Так что в этой главе просто исполняю обещание.

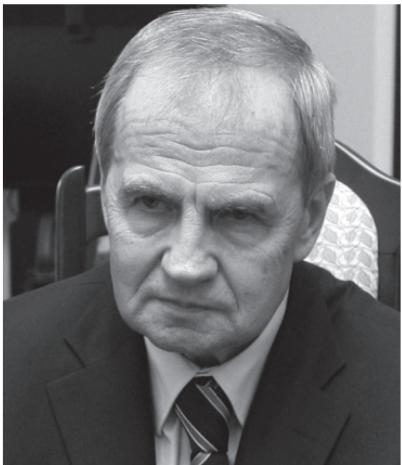
Начнем с того, что вернемся на минуту в год 92-й, в послеавгустовскую Россию, во времена всех этих Русских национальных Соборов, Фронтов национального спасения и «маршей пустых кастрюль», с которыми мы подробно познакомились в предыдущих главах. Ведь все это не на пустом месте происходило. В России бушевала гиперинфляция, развязанная Центробанком и Верховным Советом, страна корчилась от боли, митинговала, стремительно нищала, проклинала свое прошлое, ужасалась настоящему – и не имела ни малейшего представления о будущем. Она была в глубокой депрессии, жила без надежды. «Сатанинское время, – писал кинорежиссер Говорухин, – скоро люди будут умирать только от одного страха перед будущим. Уже умирают. Столько отрицательных эмоций

ежедневно – чье сердце выдержит? И это мы называем демократией?».

Все были согласны, что Россия на полпути – но куда? Конфигурация политической реальности менялась почти поминутно, как в детском калейдоскопе. Сегодня события двигались, вроде бы, в сторону демократизации, завтра в обратном направлении, а послезавтра – вообще в никуда. Зыбкое, неверное время, словно нарочно созданное для рождения мифов. Во что угодно готовы были поверить люди.

У Ричарда Никсона не было сомнений, что «в августе 91-го в Москве совершилась великая мирная революция». В 1992-м Джордж Буш заверял свою страну, что «демократы в Кремле могут обеспечить нашу безопасность, как никогда не смогут ядерные ракеты». Но кто должен был обеспечить безопасность «демократам в Кремле»? И демократы ли они?

Вот в этом как раз были у российских либералов большие сомнения. Справедливости ради, скажем, что были у них для этого серьезные основания. Как всякую революцию, тем более такую, что случилась, по

В. Д. Зорькин

А. Ф. Дунаев

сути, внезапно (и в этом смысле в корне отличалась от большевистской, которую Ленин готовил пятнадцать лет, тщательно отсеивая группу единомышленников, пришедших вместе с ним к власти), августовскую революцию с первых дней преследовала тяжелая «кадровая болезнь», если можно так выразиться. Непонятно было, кому можно доверять, а кому нет. Массовый переход депутатов-«перебежчиков», вчерашних демократов, на сторону сил реванша был тому неоспоримым свидетельством.

Ведь, в сущности, это было массовое предательство. И связано оно было, конечно, с происхождением революции. Эти люди вышли из купели позднего брежневизма, когда моральная деградация общества достигла крайних пределов. Верность ИДЕЕ, да что там, просто человеческая порядочность перестали быть ценностью. С той же легкостью, с какой эти люди изменили коммунизму, готовы они были изменить демократии. То было, если хотите, время изменения.

Революционная смена правящих элит сделала появление «наверху» случайных, неверных людей из

В. П. Баранников

С. Ю. Глазьев

бывшей номенклатуры практически неизбежным. А откуда еще мог взять президент людей, способных возглавить Министерство внутренних дел, Министерство обороны, Службу государственной безопасности, Контрразведки, Прокуратуру, Конституционный суд, да и просто опытных управленцев? Из вчерашних диссидентов? Так не было среди них ни управленцев, ни генералов. Каждое назначение превращалось в мучительный процесс проб и ошибок.

Вот и оказались двурушниками и председатель Конституционного суда Зорькин, и Генеральный прокурор Степанков, и первый зам. министра внутренних дел Дунаев, и глава МБ Баранников, и даже Глазьев, министр внешнеэкономических связей в правительстве Черномырдина. Эти и вовсе на следующий день после увольнения оказались, как мы помним, на той же должности у Руцкого. И, узнав об этом, Ельцин, по свидетельству Олега Попцова, воскликнул: «А я ведь верил им, как себе!»

Добавьте к этому политическую неопытность избирателей, не привыкших еще к обращению с таким

С. А. Ковалев

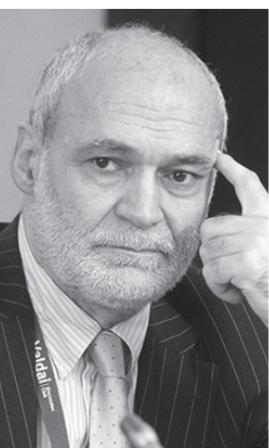
А. А. Собчак

обоюдоострым инструментом, как альтернативные свободные выборы, что нередко делало их жертвами дешевой демагогии. Добавьте также известную «слабость» Ельцина и его почти невероятную психологическую глухоту, неспособность разбираться в людях, приведшую на вершины власти таких зловещих персонажей, как начальник службы охраны президента, бывший майор КГБ Александр Коржаков, директор ФСБ Михаил Барсуков или первый вице-премьер Олег Сосковец (об этой троице мы, впрочем, еще поговорим отдельно).

Сложите все это вместе, и вы увидите, что основания для вопроса: «За что боролись?» – у либералов, бесспорно, были. И станет понятно, почему искреннейший из них – и самый прямолинейный тоже – Юрий Буртин, «святой демократии», как назвал его Дмитрий Фурман, мог писать: «Демократическая революция добилась победы – но почти сразу же утрастила ее плоды. Хуже того, она переродилась, тем самым опошлив само понятие «демократии», подорвав доверие к тому, что только и может нас спасти».

Г. Х. Попов

А. М. Мигранян

С. А. Караганов

Понятно и почему издали либералы свой знаменитый том «Год после Августа» и один из его авторов, Леонид Баткин, так объяснял замысел: «Мы присутствуем при тупике, исчерпании послеавгустовской ситуации, которая воплощена в посткоммунистической номенклатуре. Так оно и будет, пока у власти будут «демократы», те же хозяева жизни, что и раньше, необюрократический слой, поглощенный самосохранением и личным жизнеустройством». И пояснял в журнале *Столица*: «Да, это уже не проклятая партийная власть, не те, о ком мы говорили, чокаясь: «Пусть они сдохнут!». Не те. Но и не подлинно другие. Не тоталитаризм, но и не демократия».

Так в чем же ошибка-то?

В том же, чего не понял Мэлиа: демократическая революция не одномоментное событие (избавились от коммунизма – остальное семечки), а ПРОЦЕСС, нескорый, мучительный, хаотический, опасный процесс, конечный результат которого еще долго, очень долго, будет неясен. Но Мэлиа был далеко, за океаном, ему простиительно. Как, однако, могли не заметить того, что происходит вокруг них, все эти безупречно честные, рафинированные, искренне преданные демократии люди? Не заметить всех этих Конгрессов, Соборов и Фронтов, где реваншисты собирали силы для свержения президента, который, что ни говори, оставался символом демократической революции? Подготовки процедуры импичмента не заметить? Оголтелой враждебности Верховного Совета, чреватой мятежом, по сравнению с которым сам августовский путч покажется фарсом?

Но не только этого не заметили либералы. Еще и того, что помощники президента – Юрий Батурин, Михаил Краснов, Георгий Сатаров, Александр

Лившиц, Людмила Пихоя, – все, как один, были безукоризненными демократами. И из одиннадцати членов Президентского совета лишь трое (Гавриил Попов, Андраник Мигранян и Сергей Караганов) оказались впоследствии двурушниками. Остальные – Сергей Ковалев, Егор Гайдар, Анатолий Собчак, Юрий Рыжов, Даниил Гранин, Юрий Карякин, Сергей Алексеев, Отто Латис – отвечали самым строгим либеральным критериям. И колючая пресса была свободна в хвост и в гриду критиковать и президента, и его чиновников. Не так уж, выходит, безнадежно обстояло дело с этим «квази-демократическим» режимом.

Это правда, во времена чеченской войны, жесточайшей ошибки Ельцина, которая заслуживает отдельной главы нашей повести, большинство из этих людей выйдет из Президентского совета в знак протesta. Но это будет лишь в 95-м – начале 96-го, а либералы-то создали свою «Независимую гражданскую инициативу» (НГИ) и писали в кавычках само слово «демократ» – в 92-м!

Странное совпадение

Я собственными ушами слышал, как один из лидеров Демократической партии России, член НГИ, просил на представительном собрании: «Пожалуйста, не называйте меня демократом, мне это неприятно». Каково? И Буртин писал в *Независимой газете* в резкой статье под названием «Чужая власть», что «с этой нынешней властью нам не по пути, ее нужно менять». Он, надо полагать, и не подозревал, что несколькими месяцами раньше в газете *День* того же требовал некий Юрий Липатников, фюрер очередного «коричневого» Русского союза, причем в статье с тем же названием «Чужая власть».

Конечно, Липатников аргументировал свое требование иначе: «Русские вымирают. Полтора миллиона человек в год – наш шаг в историческое небытие. Что же с нами? Нас загрызает чужая оккупационная власть!». Разумеется, цифры были взяты с потолка. Но ведь никто в либеральном лагере их не оспорил. Зато требование «этую власть нужно менять» и заголовок «Чужая власть» совпали буквально. Голубой воды либерал и «коричневый» вождь добивались ОДНОГО И ТОГО ЖЕ. Не странно ли? Как можно было не обратить на это внимание?

Тем более что это было, отнюдь, не единственное совпадение. Вся пропаганда *Дня* сводилась, по сути, к этому – либеральному! – требованию: «власть надо менять». И либералы не попытались объяснить эту почти немыслимую загадку. Хотя ее объяснение и лежало на поверхности: либералы отрекались от президента, олицетворявшего демократическую революцию, в трудный и опасный для нее час. Во имя чего отрекались? Лидер НГИ Юрий Афанасьев не колебался: «Чтобы выбраться из ложной альтернативы «Ельцин или правые», создать возможность выбора в пользу подлинной демократии, не надеясь на квазидемократическую власть, нам необходимы серьезные интеллектуальные усилия. Правительство на них явно неспособно. На прорыв в цивилизацию должны найти в себе силы **мы сами**. Общество должно **само** избавиться от иллюзий в отношении послеавгустовских политиков, **само** отыскать путь своего становления. Мы обязаны **сами** найти в себе силы...» (выделено мной. – А. Я.).

«Сами», «сами» – я будто слышу голос Мэлиа: «Коммунизма больше нет, ничто не мешает прорываться к цивилизации». Проблема лишь в том, что на практике в бой-то идти пришлось бы на два фронта – против

президента («квази-демократическая власть») и против Верховного Совета (авторитаризм с сильным нацистским душком). Другого выбора не было: в противоборстве именно двух этих сил решалась судьба страны. Импичмент ведь назревал, затем референдум, а затем и октябрьский вооруженный мятеж. Хочешь-не хочешь, на практике приходилось выбирать между ними. Хотя бы потому, что не справились бы либералы «сами» с макашовскими боевиками, штурмовавшими Останкино, и с баркашовскими чернорубашечниками в Белом доме.

По свидетельству Олега Попцова, «Решение о штурме Белого дома принималось трудно. Коллегия Министерства обороны, Генеральный штаб заседали несколько часов. Грачев не решался брать ответственность на себя, требовал президентской защиты: с военным трибуналом не шутят». А что могли бы гарантировать всем этим генералам Афанасьев с Буртиным? «Прорыв в цивилизацию»?

Да ведь иначе и не могло быть в стране с вековым имперским прошлым. Это Мэлии позволено было

Ю. Г. Буртин

Ю. В. Липатников

думать, что все зло в коммунизме. Людям, выросшим в России, следовало бы знать страну, в которой они живут. Знать мощь ее патерналистской традиции. Знать, что, в отличие от Америки, свобода для большинства ее населения есть нечто почти марсианское. И поэтому выкарабкиваться из депрессии они будут совсем не так, как Америка. У той имперского прошлого не было, векового патернализма тоже. И поэтому мощного реваншистского движения не могло быть там по определению.

Только длительная – и терпеливая – дезинтоксикация большинства могла маргинализовать реваншистов. И «квази-демократическая власть», не возражавшая против практически неограниченной свободы слова, создала все условия для такой дезинтоксикации. Для первого этапа демократической революции это много, очень много. Было бы только кому этим всерьез заняться.

Ну, допустим на минуту, что в октябре 93-го Ельцин потерпел поражение. Как обстояло бы в этом случае дело с «прорывом в цивилизацию» – с Руцким в качестве президента и с нацистами, которым он был бы обязан своей победой? И с резким ограничением свободы слова (Верховный Совет и до того перессорился практически со всей прессой). Я знаю, могут сказать, что, в конечном счете, десятилетие спустя Россия все равно обрела эквивалент Руцкого. Но Путин, по крайней мере, получил власть не из рук нацистов и ничем не был им обязан. И в результате мы все-таки имеем «гибридный» режим, при котором возможны и **Новая газета**, и **Эхо Москвы** и невозможны Глазьев в качестве премьера и Дугин в качестве официального идеолога режима. Нет сомнения, некоторые читатели большой разницы в этом могут и не увидеть. Единственное, что я могу таким читателям

порекомендовать, это посмотреть материалы Изборского клуба.

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Мне кажется, что в эпоху «либерального окна», каким, несомненно, было ельцинское десятилетие, главной обязанностью, если хотите – функцией российской интеллигенции, оплота отечественного либерализма, должно было стать не стремление «менять власть», а ПРОСВЕЩЕНИЕ – как собственного населения, так и Запада в отношении России. И в первую очередь следовало использовать свое интеллектуальное превосходство для того, чтобы камня на камне не оставить от мифов, которыми кишила реваншистская оппозиция, раздавить их, прежде чем она внедрила их в массовое сознание, прежде чем стали они, говоря словами Маркса, материальной силой. А то, что такая оппозиция непременно появится после крушения империи (так же, как и то, что будет она непримиримой), должно было приниматься как данность: она просто не могла не возникнуть в России.

Сегодняшние события, в частности массовая поддержка вторжения в Украину, где против России якобы сражаются «американские легионы» и американский флот готов был с минуты на минуту завладеть базой в Крыму, и массы в эту абракадабру поверили, свидетельствуют, что во времена ельцинского «окна» либеральная интеллигенция свою функцию НЕ ВЫПОЛНИЛА.

Хотя тогда это было, как мы сейчас увидим, довольно несложно и, будь она меньше занята всепоглощающим стремлением «менять власть», а больше своим непосредственным просветительским делом, не исключено, что ничего подобного тому, что происходит сегодня,

вполне могло и не быть. Во всяком случае, не накрыла бы эта туча страну.

Покажу это на примере. Нет нужды, я думаю, повторять, что движет реваншистами – ненависть. И главным ее объектом были тогда вовсе не Ельцин или демократы (эти изображались лишь мальчиками на побегушках у «мировой закулисы»). Врагом № 1 с самого начала был Запад. Там написан был сценарий развала великой державы. Даже путчисты играли в нем, как мы помним, «заранее расписанные роли», что уж говорить о демократах? Поначалу, однако, общепринятая версия рождавшегося на глазах мифа состояла в том, что Запад торопился с развалом СССР потому, что вот-вот готов был рухнуть без природных богатств России.

Вот официальный политический документ, озаглавленный «Отвечает оппозиция», суммировавший ее точку зрения на ситуацию в мире в 1992 году: «Не все знают, что экономика США и крупнейших стран Запада переживает тяжелый кризис. Сейчас она держится на плаву лишь за счет энергетических и сырьевых ресурсов России, перекачиваемых на Запад по бросовым ценам. За период деятельности правительства Гайдара Россия через поставки дешевого сырья сделала вливание в экономику Запада в размере 40-50 миллионов долларов. Не Запад помогает России, а Россия спасает экономику Запада **за счет обнищания собственного народа**. И *День* уверенно уточнял: «Без наших природных ресурсов все нынешнее благосостояние Запада мгновенно рухнет».

Любой грамотный экономист при помощи нескольких цифр мгновенно обратил бы в пыль этот миф о злодее-Западе, спасающем от краха за счет ограбления России (естественно, при содействии Гайдара). Хотя бы одним фактом, что мировой товарооборот

исчислялся и в ту пору в триллионах (!) долларов, и даже подари Гайдар Западу русское сырье даром, это все равно было бы каплей в море.

И подумайте, как легко могла бы либеральная пресса на всю страну высмеять этот смехотворный ляп реваншистов, похоронив миф при самом его зарождении! Увы, никому и в голову не пришло оспорить «Ответ оппозиции». Какой серьезный человек, рассуждали, станет спорить с очевидным вздором? Но для уралвагонзаводских масс это вовсе не было вздором. Им нужно было как-то объяснить самим себе, почему вдруг подломились колени у вчерашней грозной сверхдержавы. И реваншисты предложили им удобное и понятное простому человеку объяснение. А либералы не предложили: слишком заняты были доктринерской нуждой «менять власть». Вот и стало реваншистское объяснение первым камнем в фундамент массовой ненависти к Западу. Вот вам упущенная возможность изменить судьбу страны.

А вот еще одна возможность высмеять на весь мир, на этот раз Запад, за глухоту, мистифицирующую всю его политику в отношении России. 1 августа 93-го **Нью-Йорк Таймс** опубликовала редакционную статью «Новая русская империя?» В ней справедливо отмечалось, что «националистические оппоненты правительства президента Ельцина и отдельные фракции в армии мечтают о реставрации русской империи. И не только мечтают. Некоторые командиры в новых республиках начали действовать». Далее перечислялись соответствующие акции этих командиров в Таджикистане, в Азербайджане, в Грузии, в Прибалтике и на Украине. «Если националисты, – продолжала газета, – сумеют направить крупнейшее в Европе государство с самым большим на континенте военным ядерным потенциалом на курс экспансиионизма, перспективы

международной безопасности могут трансформироваться за одну ночь».

Верно. Опубликуй газета такую статью сейчас, когда «курс на экспансионизм» стал государственной политикой России, цены бы ей не было. Но той осенью, когда два месяца оставалось до вооруженного мятежа, которому предстояло решить вопрос о самом существовании «правительства президента Ельцина», действия «некоторых командиров», могли означать лишь одно: у президента, занятого центральным конфликтом 93-го, противоборством с Верховным Советом, руки не доходили до того, что происходило на окраинах страны. Так или иначе, проблема, поднятая редакцией ***Нью-Йорк Таймс***, была совершенно очевидно маргинальной по сравнению с почти невыносимым напряжением, в котором жила в ту пору столица России.

Но самое интересное было дальше, когда редакция начала рассуждать о том, что же все-таки делать Западу перед лицом вроде бы намечавшегося курса России на реставрацию империи: «Вашингтон может использовать как пряник, так и кнут, чтобы помочь м-ру Ельцину отбить вызов националистов».

Бог с ним, с «пряником», мы уже знаем, что о действительно важном для будущего страны «вызове националистов» из Верховного Совета газета понятия не имеет. Но что имела она в виду под «кнутом»? Оказывается вот что. «Нужно ясно предупредить националистов, что продолжающееся военное вмешательство в политику нерусских республик может привести к экономической изоляции России».

Но позвольте, мы ведь только что читали «Ответ оппозиции». И в редакции, надо полагать, читали. Знают, стало быть, что реваншисты только и мечтают об «экономической изоляции России», которая, по их мнению, означала бы гибель Запада. Это ИХ угроза, ИХ кнут.

Чтобы у туповатого Запада не осталось в этом никаких сомнений, *День* заказывает огромную, опубликованную в двух номерах статью «Эра России». И кому заказывает? Хорошо уже известному нам «наци» Баркашову. И тот подробно разжевывает для нью-йоркской газеты, словно для несмышленыша, очевидную для него истину.

«Россия-то, – разъясняет «наци», – экономический бойкот Запада запросто переживет. Наших собственных ресурсов вполне хватит для автономного развития в любом случае. А вот переживет ли Запад бойкот с нашей стороны? В результате прекращения поставок нашего сырья в США и на Западе наступит резкий спад производства. А если, следуя нашему примеру, захотят сами распоряжаться своими ресурсами и другие сырьедобывающие страны, **выхода из кризиса для США не будет** (выделено автором). Сотрясаемые расовыми и социальными волнениями они, скорее всего, развалятся на ряд небольших государств. Когда это произойдет, в мире останется только одно самое могучее во всех отношениях государство – и это будет наше государство. Впереди эра России – и она уже началась!»

Голубая мечта русского «наци», не имеющего даже отдаленного представления ни о политике, ни об экономике? Дичайший вздор? Все так. Но реваншисты-то, как видим, верили в него свято. И поэтому пытаться остановить их угрозой «экономической изоляции России» выглядело, согласитесь, очевидной бессмыслицей. И, тем не менее, ведущая американская газета именно ее предлагала в качестве «помощи м-ру Ельцину». Какой простор для российской либеральной прессы повоспитывать западное общественное мнение и заодно раздавить в зародыше реваншистский миф при самом его зачатии! Увы, сколько я знаю, едва ли

кто-нибудь в России, и тем более на Западе, вообще заметил эту неувязку.

Кладбище упущеных возможностей – вот что открывается нам при взгляде на эту картину. Интеллигентское высокомерие: кому взбредет в голову читать эту мерзость – *День*? Да и времени для этого не было: следовало срочно «менять власть». Я не говорю уже, что ни от Афанасьева, ни от какого бы то ни было иностранного лидера либеральной оппозиции никто никогда не слышал объяснения, как именно, с помощью каких социальных сил и опираясь на какие политические альянсы, могло бы «общество само прорваться в цивилизацию». Как показали первые же выборы в Думу 12 декабря 93-го, самое большее, на что могли рассчитывать в парламенте демократы, тем более – расколотые на три партии: Гайдара, Явлинского и Шахрая, – это 30% голосов, по сути, та же треть, что в Верховном Совете. Не с Жириновским же, в самом деле, не с коммунистами и аграриями было «прорываться в цивилизацию». Нет, похоже, «менять власть» не было тогда делом либералов. Просвещение – было. Но им они, как мы видели, пренебрегли.

Говоря словами Талейрана, это было больше, чем преступление, это была ошибка. Постараемся не повторить ее после Путина?

Глава 14

ЧЕЧЕНСКИЙ ЭКЗАМЕН В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Что сильнее всего поражает в новейшей истории «Русской идеи» – от партийных аппаратчиков к реваншистской оппозиции, от Горбачева к Ельцину (и к Путину) – это бездна ошибок. С обеих сторон. Какая-то вакханалия ошибок! Ошибается коммунистическое большинство первого Съезда народных депутатов РСФСР в мае 90-го, выбирая председателем Верховного Совета своего будущего непримиримого противника Ельцина. Ошибаются реваншисты и с импичментом, и с референдумом, и вообще со всем, что они делали – от августовского путча 91-го до октябрьского мятежа 93-го. Не отстает и другая сторона. Ошибается Горбачев, отвергая свой последний шанс – программу Шаталина, ошибается Запад, теряя интерес к России, едва мигновал страх коммунизма, ошибаются отечественные либералы, забывая о своей миссии просвещения большинства, отдавая ее реваншистам.

И особенно как-то безнадежно все это выглядит потому, что предстоит мне сейчас описывать еще одну ошибку. На этот раз Ельцина. Жестокую – и кровавую – ошибку, вторжение в Чечню, так, на первый взгляд, напоминающее сегодняшнее вторжение в Украину.

Впрочем, эта последняя аналогия, как скажет вам каждый историк, лишь кажущаяся. Ошибка ошибке рознь. И разница между ними важна. В данном случае – для понимания особенностей русской истории – важна первостепенно. Остановимся на ней на минуту, она того заслуживает. Потому что на самом деле не ельцинскую ведь ошибку повторил Путин, а куда более древнюю, николаевскую (речь, конечно, о знаменитой крымской эпопее Николая I). И дело не в том лишь,

что у ельцинской ошибки была хоть видимость оправдания – «ликвидировать очаг всероссийской преступности», «предотвратить вторую кавказскую войну», а у путинской и видимости не было. В чем-то другом, куда более важном, разница.

Ошибка Ельцина, безусловно, непростительна для лидера переходившего, казалось, к демократии государства. Но все же нашел он в себе силы осознать свою ошибку, положить конец войне – пусть под угрозой провала на выборах, – не поддался соблазну диктатуры, вернулся к переходу. Да, к «испорченному», искореженному олигархическим хамством, но все же переходу к демократии (то есть, в моем представлении, к обществу без произвола власти), чего реваншисты, стоявшие стеной за «войну до победного конца», никогда ему не простили.

Главная, однако, разница, в том, что ельцинская ошибка не стала, подобно николаевской, ВЫЗОВОМ МИРОВОМУ ПОРЯДКУ, не поставила на кон само существование России. Путинская стала.

И потому есть в этом возвращении Путина к старинной николаевской ошибке, подробно описанной еще в первой книге «Русской идеи», что-то роковое, финальное. Словно круг какой-то замыкается. Чего только не случилось за эти полтора столетия, эпохи сменились – распалась четырехсотлетняя Российской империя, вслед за нею вторая, кратковременная, спрятавшаяся за псевдонимом СССР, произошла демократическая революция, рассудившая, казалось, что хватит России на ее век и двух обреченных на распад империй, – а вот, гляди ж ты, жив курилка, готовность к вызову миропорядку, вдохновлявшая в 1853 году Николая, никуда не делась. К вызову на этот раз – во имя воссоздания еще одной обреченной на распад империи! Словно мало настрадалась Россия от крахования

обеих ее предшественниц. Словно злой гений Русской идеи, не отвяжется от нее, покуда не доведет до «национального самоуничтожения», предсказанного еще Владимиром Сергеевичем Соловьевым.

Николаевский вызов закончился европейской войной, затем – достало в последнюю минуту разума – капитуляцией (хотя национал-патриоты и тогда, как мы помним, бушевали «В Сибирь отступим, но честь России не посрамим!») и Великой реформой. Достанет ли разума, не потеряв страну, покончить с нынешним вызовом? И завершить его еще одной Великой реформой?

Как бы то ни было, удивительная вековая живучесть самой идеи вызова России миропорядку – тема все же четвертой, завершающей книги «Русской идеи». А мы пока что в третьей. И на очереди у нас чеченский экзамен Ельцина.

Перед началом

Сперва исправим ошибку хронологическую. Официальная дата начала войны в Чечне 26 ноября 1994 года. На самом деле экзамен начался ровно за три года до этого, в ноябре 91-го. Именно тогда вернулся в Грозный генерал Дудаев, устроил государственный переворот, наскоро «узаконил» его республиканскими выборами (в которых, правда, участвовали лишь 15 % избирателей) – и объявил Чечню независимым государством Ичкерией. Вот тогда и надо было думать, что с этой контроверзой делать. И, как мы скоро увидим, при некоторых условиях шанс на мирный, бескровный ее исход – был. Увы, вовремя о нем не подумали. Вообще не подумали.

Верховный Совет РСФСР (он тогда еще правил бал), председателем которого был чеченец, легитимность дудаевских выборов, конечно, не признал, но

никакого плана урегулирования конфликта не предложил. Отчасти потому, что его глава во всеуслышание заявил: «У чеченской нации есть лишь один лидер, это я – Руслан Хасбулатов», – как бы взяв разрешение контролерзы на свою ответственность (конечно, оказалось это блефом, как все, что обещал Хасбулатов: не признала его Чечня своим лидером).

Но администрация президента обрадовалась возможности переложить ответственность на Верховный Совет, слишком озабочена была тем, как бы лидеры других автономий не последовали примеру Дудаева. Особенно Татарстан в сердце России. Не до Ичкерии ей было. Боялась, как писал в *«Известиях*

 Станислав Кондрашов, что «Чечня – это пробный камень. Сдвинув его, можно получить горную лавину югославского типа». А либеральная интеллигенция была слишком обижена на Запад за его невнимание к России (Запад был тогда с головой вовлечен в операцию «Буря в пустыне», о которой мы еще поговорим). Короче, ТРИ ГОДА ни у кого до Ичкерии руки не доходили.

Джохар Дудаев с соратниками

Между тем управленцем Дудаев оказался никудышным, и Чечня стала разваливаться на куски. Целые районы отделялись от Грозного. 200 000 человек, русских и чеченцев, все, у кого было, куда уехать, покинули республику. Ее экономика перестала функционировать как целое. Да что там, она перестала функционировать, точка. Но свято место не бывает пусто. И постепенно превращалась Чечня в «черную дыру», в воровскую малину, в «маленький, но гордый» бандитский притон. Первыми заметили это либеральные журналисты.

Галина Ковальская: «Республика не то чтобы безграмотно управляет, она вообще не управляет – рассыпается, разваливается, растаскивается».

Леонид Жуховицкий: «В Чечне практически ежедневно убивают до тридцати человек, по сути, гражданская война. Гибнут мирные люди, в чьи планы вовсе не входит умирать из-за Дудаева». Олег Попцов: «Чечня обретает характер криминальной монополии России. В одно русло слились пять потоков – нефтяной бизнес, торговля оружием, наркотики, изготовление фальшивых денег, игорный бизнес».

Результат – катастрофическое падение рейтинга Дудаева. От него отвернулись не только влиятельные в республике политики (даже пророссийское временное правительство в неподвластном ему районе сформировали под руководством Саламбека Хаджиева), но и вся поголовно чеченская интеллигенция. В случае свободных выборов его шансы практически не отличались от нуля.

И знали об этом в Москве все – от Сергея Степашина, заявившего в интервью, что «после того, как Дудаев окружил себя уголовниками, после разгона парламента и расстрела митинга большинство от него отвернулось», до Егора Гайдара, который признал, что уже в начале 94-го «Дудаев висел в Грозном на ниточке»,

и до Жуховицкого, писавшего, что «недовольство растущей нищетой, некомпетентностью и самодурством команды Дудаева вызрело. Яблоко готово было упасть».

Если этот диагноз был верен, то никакой проблемы Чечни не существовало. Существовала проблема Дудаева. Свободные выборы под международным контролем тотчас сняли бы угрозу «горной лавины югославского типа», которой опасался Кондрашов, и вообще закрыли бы вопрос, поднятый трехлетней давности государственным переворотом в одной автономии. Но как провести такие выборы в условиях военно-криминальной диктатуры?

Экзамен

Три года – это много. Времени подготовиться к чеченскому экзамену было больше чем достаточно. Но когда настал, наконец, решающий момент, оказалось, что никто не готов. Ни режим, ни демократы. Непонятно было, во-первых, почему так долго ждали. Непонятно, во-вторых, почему Николай Егоров, которому поручено было руководить операцией в Чечне, именно в конце 94-го заявил вдруг: «Дальше ждать нельзя!». Почему раньше ждать можно было, а теперь нельзя? Почему вдруг встрепенулись силовики: «Пора поставить Дудаева на место!.. Пусть почувствует жесткую руку Центра!.. Дудаев восстанавливает Кавказ против России!»? Хрестоматийная фраза министра обороны Грачева: «Порядок в Грозном можно навести за три дня силами одного воздушно-десантного полка» – звучала на всех перекрестках.

А со стороны демократов, сосредоточенных в Президентском Совете, неслось: «Права человека!.. Нарушение Конституции!.. Армия должна быть вне

политики!». Все верно, но с тем, что надо положить конец криминальному шабашу в Чечне, все ведь были согласны. Где, однако, был практический мирный план такого конца? Как заставить Дудаева пойти на новые выборы под международным контролем? Не было такого плана.

Кончился спор, как мы знаем, тем, что ближайшее окружение, в первую очередь Коржаков, убедило президента, что единственный способ убрать Дудаева – воевать. Главный аргумент был, что война будет молниеносная. Ну, неделю будет она продолжаться, ну, десять дней. Что крохотная Чечня, величиной с половину Эстонии, против громадной России? Раздавим. Вот выйдет президент из больницы, уговаривали Ельцина, – а на дворе уже мир. И нет больше Дудаева, как не было.

Между тем первый же штурм Грозного 7 декабря кончился полным

Война в Чечне

разгромом российской армии. Танковые колонны были грамотно отсечены от пехотного сопровождения, и по отдельности уничтожены. Потери были огромные. Не подумали, что хотя диктатор Дудаев и никудышный, но командир он классный. И за три года он к войне подготовился. И командовал он профессионалами, прошедшими школу войны в Афганистане, в Югославии, в Абхазии, в Приднестровье, не чета «федералам», зеленым призывникам, имевшим за спиной 4-5 месяцев обучения. И, главное, не подумали, что с момента вторжения презираемый еще вчера диктатор станет национальным героем Чечни, а война против «федералов» – всенародной, отечественной. Повторилась история немецкого вторжения в СССР в 1941: ведь и Сталина легитимизировало именно вторжение.

Так или иначе, не готовы оказались к чеченскому экзамену ни военные, ни демократы. А о реваншистах что говорить? Они и вовсе запутались. С одной стороны,

Руины Грозного

требовали «войны до победного конца», а с другой, если верить их собственному летописцу, придумали задним числом такое хитроумное объяснение причин этой злосчастной войны, что читатель не поверит, если я не процитирую его буквально. Вот оно.

«От Советского Союза новоявленная «Россия», ограниченная территорией РФ, унаследовала мощные вооруженные силы, способные уничтожить США. Стало быть, необходимо было осуществить «реформу», после которой у России останутся только карательные части, служащие мировой олигархии, наподобие национальной гвардии в Никарагуа времен Сомосы или в Гаити времен Дювалье. Но свести армию сверхдержавы к карателям банановой республики не просто. Для этого необходима была маленькая, грязная, проигранная война, в которой армия покроет себя позором и после которой как раз и сможет начаться «военная реформа». Мировая олигархия, короче, в действии. (Поскольку читатель мог уже и подзабыть, кто такой этот летописец реванша, с которым я постоянно соревнуюсь, повторяю справку: Лебедев Сергей Викторович, доктор философии, профессор, входил в руководство Русского национального Собора, активно печатается в патриотических изданиях, одним словом, мэтр).

Вопрос, между тем, принципиальный, а я, честно говоря, ничего не понял в абракадабре, которую предложил летописец в качестве объяснения причин чеченской войны. Если вы что-нибудь в ней поняли, читатель, объясните мне, пожалуйста. И главное, чего я не понял, это почему с пеной у рта клеймили реваншисты Ельцина за «предательский Хасавюрт», положивший конец «грязной», по словам их собственного летописца, войне, устроенной мировой олигархией для превращения «новоявленной «России» (в кавычках) в банановую республику? Кто кого на самом деле

во всей этой истории предал? Ельцин мировую олигархию? Реваншисты «Россию» (в кавычках)? Или кто?

Выходя из темного реваншистского лабиринта на свет Божий, заметим, что, в отличие от этих путников, либеральная пресса была против этой войны с первого дня. «Война в Чечне – война против России!», под такой шапкой уже 9 декабря вышли ***Известия***. «Партия войны» объявляет войну России» вторила ***Литературная газета***. «Власть реформаторов традиционно становится сначала властью ренегатов, а затем – дегенератов», и вовсе хулиганила ***Новая***.

«Мы сами», «мы сами»

И все же, все же не прав ли был тот же Леонид Жуховицкий, когда в статье «О Чечне без истерики» спрашивал: «Почему никто даже задним числом не пытается дать властям предержащим спасительный совет? Как не надо было поступать, понятно – так, как поступили. А как надо было? Где конкретно ошиблось правительство? Что прошляпил президент?». И, правда ведь, как это получилось, что никто не предложил практическую альтернативу войне? Альтернативу, при которой не шли бы в Россию тысячи цинковых гробов, и не погибло в Чечне больше людей от бомбажек, чем в Японии от легендарного цунами? Тем более это странно, что такая альтернатива со значительными, скажем так, шансами на успех, как мы уже говорили, БЫЛА.

Ведь что для этого нужно было, по сути? Поставить Дудаева в такое положение, чтобы он сам обратился за помощью к международным организациям, в первую очередь к ОБСЕ. И чтобы там ему НЕ ОТКАЗАЛИ – при условии, конечно, что он согласится на новые выборы под международным контролем. Всего-то

и требовалось для этого заранее договориться с ОБСЕ. Другими словами, отказаться от идеи, что справимся мы с чеченской контроверзой сами, без чьей-либо помощи, сами, мол, с усами.

Родилась эта идея, если помнит читатель, еще в 92-м, во времена афанасьевской «Независимой гражданской инициативы» (НГИ). Но к 94-му дозрела она до гранитной твердости. Сильно обиделись российские либералы на Запад. До такой степени, что как раз накануне вторжения в Чечню демократическая **Сегодня** опубликовала своего рода редакционный Манифест либерального изоляционизма. Он важен потому, что многое объясняет (в том числе и то, что происходит сейчас). Приведу его по этой причине полностью.

«Закончился первый этап трансформации посткоммунистической России, начинается принципиально новый. Первый этап – курс на быструю вестернизацию, вхождение в Европу, абсолютно прозападная ориентация – был связан с огромными надеждами на западную помощь и западную солидарность со страной, сбросившей коммунизм, отпустившей на волю всех, добровольно и радостно капитулировавшей в холодной войне. Этот период закончился поражением и разочарованием. Поражением Запада, который полностью упустил возможность мягкой интеграции России в «западный мир» и поставил те политические силы, которые рассчитывали на западную перспективу, в положение заведомых политических аутсайдеров. Не получилось. Начавшийся сегодня этап трансформации – национальный этап с неизбежной долей автаркии. Да, это чревато опасностью весьма экзотических форм самобытности, не ограниченных цивилизацией и здравым смыслом. Но, так или иначе, отныне Россия будет выходить из самого тяжелого своего кризиса самостоятельно, без всякой поддержки извне».

Верно, здесь нет еще и следа вызова Западу, но уже есть смертельная обида, чреватая, авторы Манифеста и сами это понимают, «самобытностью, не ограниченной цивилизацией и здравым смыслом». Можно подумать, что Россия «сбросила коммунизм» и избавилась от империи не для собственного блага, но чтобы сделать одолжение Западу, а он, неблагодарный, видите ли, хвост задирает.

Что Запад вел себя по отношению к России неумно, сочтя освобождение маленького Кувейта, нагло заграбастанного Саддамом Хусейном на основании того, что тот был когда-то иракской провинцией (эта операция, занявшая ровно 100 дней, и называлась «Бурей в пустыне»), более важным, нежели план Marshalла для России, это само собой разумеется (мы целую главу посвятили этой ошибке Запада). Но ведь изрядная, согласитесь, доля великодержавной гордыни тоже есть в этом Манифесте.

В конце концов, чехи, поляки или словенцы не обиделись на Запад за то, что он и им поначалу отказал «в мягкой интеграции» в Европу, и не заявили высокомерно, что «отныне будут выходить из своего кризиса самостоятельно». Напротив, они настойчиво стучались в двери Европы, покуда не осознала она свою ошибку. Но в Манифесте явно слышалось и другое: мы не какие-нибудь поляки, мы – Россия, вчерашняя империя и сверхдержава. Или, если хотите, по Достоевскому: «не тварь мы дрожащая, а право имеем».

Психологи знают, что от такой обиды и такой гордыни один шаг до вызова миропорядку: вы нам так, а мы вам этак. За доказательствами долго ходить не надо: слишком многие сегодняшние звезды телевизионной реакции – Михаил Леонтьев, Дмитрий Киселев, Владимир Соловьев – все бывшие «обиженные» либералы, а Леонтьев так и вовсе в **Сегодня** тогда служил.

Всех угадал полтора столетия назад в «Преступлении и наказании» Федор Михайлович. И коли уж на то пошло, он и Путина угадал. Но мы все-таки сейчас не о будущем, а о чеченской контроверзе в ноябре 94-го. А тогда шанс устраниТЬ Дудаева без войны, как мы уже говорили, был.

И то, что он был, доказывается просто. В конце ноября 94-го, едва российские войска начали концентрироваться на границах Чечни, Дудаев сам прыгнул в ловушку, обратился за помощью к международным организациям, включая ОБСЕ, апеллируя к праву на национальное самоопределение. Будь она к этому готова, ОБСЕ безусловно ответила бы посланием Ельцину и Дудаеву, предложив воздержаться от ввода войск, дав чеченцам возможность доказать легитимность своего правительства, которое оспаривает Россия, проведя свободные выборы – под ее контролем. И неразрешимая, казалось, контроверза была бы разрешена без всякой войны (на самом деле ОБСЕ ответила, что, поскольку Россия ее об этом не просит, она не может вмешаться во внутрироссийские дела. Россия не просила).

Конечно, Дудаев мог отказаться от предложения ОБСЕ (что маловероятно: обратиться к международной организации, лишь затем, чтобы отвергнуть ее арбитраж, это слишком даже для советского генерала). Но в этом случае он был бы полностью изолирован, имел бы против себя весь мир. А демократы имели бы в руках живую, практическую альтернативу войне, а не одни лишь призывы к правам человека. Увы, никому в Москве и в голову не пришло договариваться с Европой о совместном решении конфликта. Похоже, прав был Герцен, когда сказал: «Боюсь, что без западной мысли русский собор так и останется при одном фундаменте».

Муки демократов

Дальше я буду следовать воспоминаниям покойного – мир праху его! – Лациса, члена Президентского совета. И тому, что описал он в своей книге «Тщательно спланированное самоубийство», и тому, что Отто Рудольфович мне рассказывал. В ужасном ведь положении оказались собравшиеся в Президентском совете демократы. Они были решительно против войны в Чечне, а война надвигалась неумолимо. От первого – кошмарного – штурма Грозного, о котором мы говорили, Россия отмежевалась. Это, мол, антидудаевские чеченцы предприняли по собственной инициативе – на российских танках. А когда дудаевцы продемонстрировали на весь мир пленных русских военнослужащих, неуклюже оправдывались, что то были добровольцы, ополченцы, и российское правительство никакой ответственности за них не несет (знакомые гебешные фокусы, не правда ли?) Формально срок ультиматума Дудаеву истекал лишь 12 декабря.

А 10-го на экранах телевизоров появился помощник президента Виктор Илюшин, известивший граждан, что Президент госпитализирован (в связи с операцией на носовой перегородке). Даже Илюшин мог общаться с ним отныне только по телефону. Это означало, что доступ к Ельцину имеет лишь Коржаков. Между тем, по сообщениям иностранной прессы, продвижение к Чечне российских войск из Моздока в Осетию уже началось, не дожидаясь ответа на ультиматум.

Кто-то в Кремле очень хотел «маленькой победоносной войны» во что бы то ни стало. В Президентском совете были уверены, что цель Коржакова – смещение Черномырдина и замена его своим человеком – Олегом Сосковцом. По сути, у них на глазах повторялось нечто вроде августовского путча 91-го (вплоть до внезапного

исчезновения президента). Только «политику реформ должна была прихлопнуть не реваншистская оппозиция, а убогое самовластье кучки авантюристов, не способных ни на какую осмысленную политику, даже реакционную».

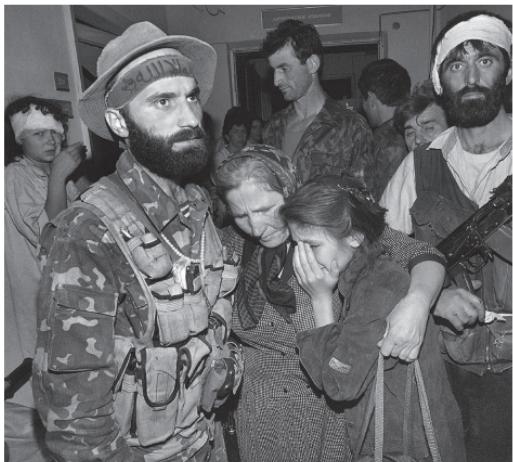
Ирония ситуации заключалась в том, что путч был сорван сокрушительным поражением российской армии. Ни маленькой, ни тем более победоносной войны не получилось. Но, в конечном счете, конечно, Россия проиграла эту войну потому, что большинство населения ее не одобряло и «как раз в этот момент имело возможность выразить свое неодобрение самым действенным способом: сместить Президента на предстоящих выборах. Стало ясно, что Ельцин проиграет выборы, если не замирится».

Но и на этом не закончились муки демократов, все еще остававшихся в Президентском совете (почему они там во время этой безумной войны оставались, скоро объяснил сам Латис). Летом 95-го террористическая группа Басаева захватила городскую больницу в Буденновске. Заложниками оказались около двух тысяч человек: люди, предварительно захваченные террористами в городе, и медперсонал и пациенты больницы, в том числе и женщины с новорожденными детьми. После тяжелых телефонных переговоров, за которыми с замиранием сердца следила вся страна, террористы скинули – отказались от политических требований, и премьер Черномырдин обещал выпустить их в Чечню, если они освободят заложников. Басаевцы согласились, но с условием – до границы их должны были сопровождать 113 заложников (депутат Сергей Ковалев и журналисты *Известий* предложили себя в качестве добровольных заложников взамен остальных пациентов больницы, отпущеных на свободу). Остался в памяти от этого жуткого эпизода

экспресс-опрос общественного мнения о том, что следует делать с автобусами, покуда они катились к границе. 12% опрошенных (и два члена Президентского совета, которых Лацис отказался назвать) высказались за то, чтобы РАССТРЕЛЯТЬ автобусы в пути. Вместе с заложниками и несмотря на честное слово, которое дал террористам от имени России Черномырдин.

А потом был ужас Первомайского в январе 96-го. На этот раз группа Радуева захватила поселок и угрожала убить всех его жителей, если Россия не выведет войска из Ичкерии. Потом, правда, и радуевцы скинули – и прошли только выпустить их живыми. Военные, однако, разъяренные неудачей в Буденновске, решили снести поселок с лица земли с помощью артиллерии. Вместе с жителями, разумеется. Такого зверства Лацис, конечно, вынести не мог. Вышел из совета, хлопнув дверью. Написал открытое письмо Ельцину, расставив все точки над «и». Вот текст.

«Ваши решения в связи с войной в Чечне сделали безнравственной любую позицию, которая может быть истолкована как хотя бы косвенная поддержка

Ш. Басаев с заложниками

В. С. Черномырдин

таких решений. Разумеется, это было ясно сразу после начала этой ненужной войны. И для Вас, думаю, не секрет, что некоторые члены Президентского совета тогда же обсуждали возможность выхода из него. Нас остановила призрачная надежда на то, что наш голос против войны будет хоть чуть-чуть слышнее, если мы будем протестовать против нее как члены Президентского совета России. Сейчас-то понятно, сколь наивно это было, хотя начало переговоров после Буденновска, казалось, подтверждало реальность надежд... Приказ о штурме Первомайского после того, как Радуев отказался от всех политических требований, означал, что заложники будут убиты, несмотря на то, что есть возможность их спасти. Сегодня генерал от безопасности А. Михайлов открыто заявил, что освобождение заложников не является целью операции. Люди, чьими советами Вы пользуетесь, в очередной раз превратили морально-политическое поражение дудаевцев в поражение России. Не исключено, что они надеются таким образом укрепить Ваши шансы на переизбрание. Думаю, это роковая ошибка».

Салман Радуев

Памятник жертвам террористов в Кизляре

Письмо было опубликовано в *Известиях*. На следующий день хлопнул дверью Гайдар, добавив, что его партия «Демократический выбор России» не будет голосовать за Ельцина на предстоящих выборах. В тот же день вышел из совета и отказался от поста председателя Комиссии по правам человека Сергей Ковалев, а еще через день покинул совет главный автор «ельцинской» Конституции Сергей Алексеев. Лацис клялся, что у него и в мыслях не было вызвать такой демарш. Наверное, просто совпадение, говорил он. Но, добавлял: счастливое совпадение, раз помогло спасти заложников. И вообще покончить с этой проклятой войной.

Заключение

Уже полгода спустя предстояла следующая эпопея: президентские выборы. И перед неумолимым, как железный каток, наступлением Зюганова (на этот раз «красные» подмяли под себя все другие фракции реваншистской оппозиции, и она опять, как в 92-м, сошлась на едином кандидате) все роли поменяются. Но об этом в следующей главе. А от чеченского экзамена осталось странное ощущение НЕНАДЕЖНОСТИ всех, кому пришлось его сдавать. Ненадежны оказались генералы, не предвидевшие сложностей городской войны, даже того, что в солдат будут стрелять из окон и с крыш, словно бы ожидавшие, что чеченцы встретят их – рать на рать – в чистом поле.

Ненадежны были институты, в особенности МВД, три года наблюдавшее, как назревает в Чечне криминальный нарыв и не забившее тревогу. Ненадежны оказались либералы, позволившие обиде на Запад ослепить себя и не нашедшие из-за этого практического плана, способного остановить войну. Ненадежен

оказался, наконец, и сам Президент, «царь Борис», как лишь отчасти в шутку его называли, доверившийся проходимцу Коржакову, который незаметно вышел за пределы «денщика при барине», как назвал его Гайдар, и попытался определять политику страны. Сумеет ли такой царь провести Россию через рифы переходного периода?

На тройку с минусом сдала великая страна чеченский экзамен. И ничего хорошего это ей не предвещало.

Глава 15

ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Выбор, предстоявший стране летом 1996 года, был необычно драматическим. Главным образом потому, что впервые в русской истории схватились тогда НА РАВНЫХ ее будущее с ее прошлым. Раскаявшемуся коммунисту Ельцину, олицетворявшему будущее, противостоял нераскаянный коммунист Зюганов, символизировавший прошлое. Недаром же то был единственный в постсоветское время случай, когда президентские выборы растянулись на два тура и исход их оставался неопределенным до самого конца. Другими словами, то были демократические выборы в подлинном смысле этого слова. Несмотря даже на то, что практически все деятели культуры и средства массовой информации (русские европейцы, иначе говоря), естественно, стояли на стороне Ельцина.

Я понимаю, сегодня трудно в это поверить, но факт: таким оно в ту пору было, российское телевидение – надеялось, вопреки всему, на европейское будущее России (без произвола власти то есть). Вообще во все, о чем я буду сейчас рассказывать, поверить в дни благонамеренных петиций деятелей культуры в поддержку аннексии Крыма и «обезумевшего принтера» почти невозможно – еще одно доказательство того, как быстро движется история и как радикально она все меняет. 10-20 лет спустя точно так же трудно будет поверить в ярость «Антимайдана».

Конечно, в 96-м это был уже не тот же легендарный Ельцин, который пять лет назад читал на броневике приговор России путчистам. Этому Ельцину припомнили и «шоковую терапию», и гиперинфляцию, и кровавую гражданскую войну в Чечне. Да и Зюганов не представлял тогда брежневскую КПСС. Чтобы в этом

не осталось сомнений, достаточно сказать, что ассоциировала себя его партия, КПРФ, не с марксизмом, а с православием и не брезговала союзом с откровенными нацистами.

Могут сказать, что и Сталин, было время, таким союзом не брезгал. Но то все-таки было до Отечественной войны. До великой Победы над «фашистской силой черною». Не простила зюгановцам интеллигенция братания с отечественными наследниками «проклятой орды». Уралвагонзаводские простили, интеллигенция не простила (а она, представьте себе, была тогда силой). Тем более что звали-то себя эти зюгановцы коммунистами. И Сталин по-прежнему был для них святыней святынь, пусть и наряду с Иоанном Кронштадтским. И знаменитый афоризм: «Капитализм не приживается и никогда не приживется в России» – тоже принадлежал Зюганову. Об этом, впрочем, мы еще поговорим подробно. Сейчас важно, что в масовом сознании представлял Зюганов возвращение в СССР.

Особенно мучителен, разумеется, был предстоящий выбор для демократов: Ельцина они после Чечни отвергли, а Зюганова и на дух не переносили. Ситуация меж двух огней, не позавидуешь. «Поддерживать такого Ельцина нельзя, оправдывать тоже, – размышлял в *Известиях* Станислав Кондрашов, – но не поддерживать, списать, как списали пять лет назад Горбачева, значит отдать российского президента окончательно в другой лагерь, в другую Россию». Чем не классическое: « казнить нельзя помиловать»? Вот и придумывали разные невероятные схемы. Самую невероятную предложил, похоже, покойный Кронид Любарский: «Президент перестал быть гарантом Конституции и прав человека. Сегодня эта роль переходит к каждому из нас, и мы должны с этим справиться».

Между тем в шансах на победу Зюганова мало кто после думских выборов в декабре 95-го сомневался (КПРФ с ее 157 мандатами стала тогда самой большой партией в Думе; а задуманная как партия власти «Наш дом – Россия» во главе с премьером Черномырдиным провалилась, получила всего 55 мандатов, «Выбор России» Гайдара вообще не смог преодолеть 5%-й барьер). Ничего удивительного, что в феврале 96-го в Давосе Зюганова принимали как будущего президента России. Демократическая волна революции 91-го явно шла на спад. Но демократы отказывались с этим примириться.

Иные задумывались даже о российском Пиночете. Давно ли, кажется, один только блаженной памяти **День** (этот реваншистский законодатель мод, переименованный после мятежа 93-го в **Завтра**), мечтал о военной диктатуре? А вот, поди ж ты, и либеральная **Независимая газета** разразилась вдруг такой тирадой: «В сложившихся условиях военный переворот в России представляется очень вероятным. Относиться к его перспективе надо спокойно. Переворот выведет нас из тупика, откроет новый веер возможностей». **Новая** придумала даже саркастическую реплику для этого немыслимого поветрия: «Плох тот либерал, который не мечтает о диктатуре».

Но большинство склонялось все-таки к менее однозному, но не менее фантастическому варианту: если очень постараться, говорили, то во второй тур можно вывести Явлинского, а там все демократические силы объединятся вокруг него против Зюганова. Но Явлинский со своими 45 мандатами (четвертое место в Думе) не имел, возражали скептики, ни малейшего шанса пройти во второй тур. Единственное, на что он был способен, это оттянуть голоса у Ельцина. И Ельцин в этом случае окажется во втором туре в худшей

позиции, чем Зюганов. В результате все равно придется голосовать за Ельцина, но с меньшими шансами на победу.

Спор решил сам Ельцин, изгнав из Кремля «денщика» Коржакова и всю его команду, попытавшуюся в последнюю минуту (между двумя турами выборов) все-таки склонить его к отмене выборов, к диктатуре. Против них убедительно выступили тогда Черномырдин, министр внутренних дел Куликов и вице-премьер Чубайс. Их аргумент был простой: «Во многих регионах страны КПРФ контролирует местную законодательную власть. Она выведет людей на улицу. Что станем делать, если часть ОМОНа будет за президента, другая – против? Воевать?» Перспектива гражданской войны решила дело.

Готовились к выборам, несмотря на сопротивление команды Коржакова. Заключили мир в Чечне (республика оставалась в СНГ в обмен на признание независимости). Выследили по сотовому телефону Дудаева и покончили с ним удачным выстрелом ракеты. К власти в Ичкерии пришел куда более здравомыслящий полковник Масхадов. Ельцин объявил войскам «Вы победили!». Правительство повысило минимальный уровень зарплат, пенсий и пособий. В результате рейтинг Ельцина резко пошел вверх, опередив рейтинг Зюганова. Но не намного. Чаша весов все еще колебалась.

16 июня в первом туре Ельцин набрал 36,2% голосов, Зюганов – 32,3. Явлинский, как и предсказывали скептики, оттянул голоса у Ельцина, правда, всего лишь 7,3 %. У него-то шансов попасть во второй тур точно не было. Меньше набрал только Жириновский – 6,7 % (о шести кандидатах, набравших менее одного процента голосов, включая Михаила Горбачева, и говорить нечего). Зато неожиданно вышел на первый

план, превратившись в «делателя королей», генерал Лебедь.

Второй тур назначен был на 3 июля. И вдруг удар. В буквальном смысле. Накануне выборов у Ельцина – инфаркт. Летописец так это комментирует: «Более подходящего момента для смены власти трудно было придумать». И восхваляет благородство Зюганова: «Он предпочел идти на второй тур». Что может означать такой комментарий? Ведь, логически говоря, что еще мог «предпочесть» Зюганов, кроме как пойти на второй тур? Как иначе могли реваншисты добиться смены власти? Или летописец знает что-то, чего мы до сих пор не знаем, и припасен был у них в рукаве на этот случай некий козырь, с помощью которого власть можно было сменить и без выборов?

Исключено? Но был все-таки эпизод, заслуживающий внимания. Накануне выборов выплыл вдруг из небытия уже забытый, наверное, читателем генерал Стерлигов, бывший глава русского Собора (см. главу восьмую «12 июня 1992»), и создал «Союз патриотов», в который вошли генерал Ачалов, командовавший

в октябре 93-го обороны Белого дома, бывший путчист Тизяков, Всероссийский союз ветеранов вооруженных сил, профсоюз военнослужащих запаса и ветеранов локальных войн и ряд аналогичных «военно-патриотических» объединений. Известно также о переговорах Стерлигова с ельцинским «денщиком». О чем, бог весть. Летописец уверяет, что Коржаков, якобы, пытался убедить Стерлигова голосовать в первом туре за Ельцина, точнее, по его словам, за «русское окружение президента».

Но летописец, как мы знаем, – «треснувшее зеркало». С какой стати Коржаков, стоявший за отмену выборов, стал бы убеждать кого-либо голосовать? И кого? «Союз патриотов», откровенно ненавидевших Ельцина? Не вероятнее ли, что «денщик» в последнюю минуту просто решил переменить безнадежно больного барина (у Ельцина был третий инфаркт, и ему предстояло коронарное шунтирование)? Если такой козырь и впрямь был в рукаве у реваншистов, загадочный комментарий летописца, по крайней мере, обретал бы смысл. Другое дело, что «денщик» мог и не погадить с будущим барином, Стерлиговым, это было бы больше похоже на правду.

Правильно ли голосовали в 96-м?

Но оставим несостоявшиеся интриги реваншистов на их совести. Зюганов пошел на второй тур выборов – и проиграл. Грубо говоря, за него голосовали 30 миллионов избирателей. Это очень много и еще раз доказывает, каким грозным соперником он тогда был. Вся депрессивная дотационная часть страны, ее «красный пояс», была за него. Но большие города голосовали за Ельцина. Разрыв в его пользу был в десять миллионов (!) голосов. Главным образом потому, что и Явлинский,

и Лебедь призывали своих избирателей голосовать во втором туре за президента. Конечно, коммунисты тогда жаловались, что у них «украли» несколько сот тысяч голосов. Но даже им было ясно, что, будь они и правы, изменить общий результат выборов это не могло.

Тем не менее, сомневающихся и по сей день пруд пруди. Журналист-исследователь Александр Киреев, который, по его словам, «изучил результаты выборов досконально, вплоть до районов», говоря, что хотя фальсификации и случались (и даже указывает, в каких именно случались они районах), заключает: «Утверждения, что на самом деле в 1996 году Ельцин не победил, находятся где-то на уровне плоской земли». А Дмитрий Медведев, ничего не исследовавший и явно повторявшим чужие слова, уверенно заявил на встрече с представителями «несистемной оппозиции» 20 февраля 2012, что «вряд ли у кого-либо есть сомнения, кто победил на выборах 1996 года. Это не был Борис Николаевич Ельцин».

Что ж, некоторые до сих пор сомневаются даже в исходе Крымской войны 1853-1855 годов. Нетривиально другое. Практически все отечественные СМИ, как мы уже упоминали, стояли в 96-м на стороне Ельцина. Западные журналисты (и громче всех Джульетто Кьеза, бывший корреспондент в СССР Униты, газеты итальянской компартии) жестоко их в этом упрекали. Кьеза даже написал в этой связи книгу «Прощай, Россия!» (1997), в которой хоронил страну, где возможно было такое издевательство над демократией. На это отвечал от имени *Известий* Отто Лацис: «Нельзя подходить к России переходного периода со стандартными мерками западных стран с устоявшимся политическим строем. Мы не выбирали просто между двумя возможными кандидатами – мы выбирали между жизнью и смертью». И так эту формулу конкретизировал.

«В случае победы Зюганова произошел бы немедленный крах всех рынков – фондового, валютного, товарного. Он не только не смог бы вернуть иллюзорного прошлого «счастья», но и не сохранил бы того, что успела дать людям рыночная экономика: полных прилавков, выбора возможностей заработка, свободного выезда за границу, надежд на материальное благополучие в будущем. И тогда первыми, кто начал бы побивать его камнями, стали бы те, кто за него голосовал. После этого страной можно было бы управлять только с помощью пулеметов». Так представлял себе победу Зюганова один из умнейших журналистов той поры.

И когда я сейчас вижу скептическую усмешку на устах некоторых из его коллег, а иные и рвут на себе тельняшку из-за якобы допущенной тогда ошибки, мне становится не по себе. Вот их аргумент: «в Польше после шоковой терапии пришли к власти бывшие коммунисты, перекрасившиеся в социал-демократов, – и ничего не рухнуло. Одного из них, Квасьневского, даже президентом потом избрали. И вполне нормальный был президент. А мы перепугались неведомо чего, сломали кодекс журналистской репутации, за что сейчас и расплачиваемся». Аргумент, однако, насквозь невежественный, основанный на том, что люди понятия не имеют, кто такой Зюганов и что такое КПРФ, которую он возглавляет. Придется объяснять.

Кто такой Зюганов

Он сам признался мне в октябре 91-го, когда мы долго и довольно откровенно беседовали в подвале Независимой газеты (он тогда еще не был лидером КПРФ, только секретарем по идеологии, и страстно ненавидел тогдашнего ее лидера Ивана Полозкова), что воевал с либералами еще внутри КПСС и однажды был даже

исключен из партии. Тем более не приходило ему в голову «перекрашиваться» в социал-демократы после крушения империи, подобно Квасьневскому. В отличие от того, Зюганов всегда был неколебимым сталинцем. И в партию свою позвал он только единомышленников. В глазах интеллигенции это означало, что самое черное и ретроградное, что было в брежневской КПСС, собралось под его знаменами. Даже официальная статистика самой зюгановской партии подтверждает, что перешло в нее не более 4 % членов КПСС.

Я не говорю уже, что Квасьневскому и на ум не приходило сказать что-нибудь вроде того, что «капитализм никогда в Польше не приживется», и что он был одним из самых горячих сторонников воссоединения с Европой, ненавистной Зюганову. Впрочем, что гадать, как выглядела бы Россия в случае победы Зюганова? Есть же программные документы. Экономия терпение читателя, постараюсь изложить их максимально сжато.

– «Запад не может жить на одной планете с Россией как «великой и единой державой», являющейся «стремлением геополитического евразийского пространства» (речь, естественно, шла об СССР, воссозданию которого посвятила себя КПРФ).

– «Поэтому Запад поставил перед собой цель уничтожить российскую государственность и навязать стране не свойственный ей образ жизни».

– Запад реализует, и даже частично реализовал, свой замысел с помощью «пятой колонны», под руководством своих «хорошо законспирированных спецслужб».

– «Поскольку ельцинский режим приведен в Кремль этими спецслужбами», «он должен рассматриваться как оккупационный».

– «Поэтому непримиримая оппозиция ему становится священным долгом каждого русского патриота»,

«национально-освободительным движением», призванным «восстановить в стране политический строй, принципиально отличный от чуждой ей западной демократии» и вернуть ей «свойственный России образ жизни».

– Россия, а вовсе не Запад, является родиной «подлинно народной демократии», вероломно «замолчанной западной пропагандой». Свидетельство тому – «вся история России и СССР».

– Запад «бросил вызов всем традиционным ценностям христианского мира, заменив их чистоганом. Спасти их можем только мы, патриоты России».

Так выглядела бы Россия, победи на выборах 96-го года Зюганов, если верить программным документам КПРФ. Стране следовало забыть о своих домашних бедах, посвятив себя судьбоносной борьбе с Западом и его спецслужбами. Перевод стрелки на Запад был главным козырем Зюганова. Внутренняя жизнь страны должна была быть на обозримое будущее заморожена при помощи «восстановленного политического строя, принципиально отличного», как мы слышали, «от чуждой нам западной демократии». Как это делается, Зюганов знал превосходно, не зря же всю сознательную жизнь был верным сталинцем.

Сочетание «мягкой силы» (идеологической и информационной обработки населения, переориентированного с повседневных забот на восстановление СССР и на мессианскую роль России) с «силой жесткой» (террором против «врагов народа») должно было обеспечить стабильность. Крах финансового и фондового рынков, который пророчил Лацис, не беспокоил Зюганова. Столько десятилетий жили без этих рынков, проживем и теперь. Зомбированное население и не заметит этого краха. Оно всегда было готово подтянуть пояса ради возрождения величия

державы. А что до модели ее будущего экономического устройства, с ней можно подождать: «наше общество засорено чуждыми ему понятиями и представлениями, и никакие референдумы истинных интересов народа не выявят». И потому «Любые радикальные реформы в переходный период необходимо запретить».

Бессспорно, президентство Зюганова, будь ему суждено тогда победить, было бы рискованной игрой. Оно могло превратить уже начавшую оживать страну в изгоя современного мира. Ставка была, конечно, на то, что России к изгойству не привыкать, но мир все-таки со сталинских времен, на которые ориентировался Зюганов, сильно изменился. И страну реформы 90-х годов изменили тоже. Невозможно было снова запереть в клетке народ, уже привыкший ездить, куда ему заблагорассудится. Невозможно было просто заменить хрущевское «мирное сосуществование» тотальной борьбой с Западом. Слишком легко было заиграться, с атомными бомбами не шутят. Десталинизация не была просто капризом кучки национал-предателей. Без нее невозможно было самосохранение элиты, да и самой России.

Могут сказать, что президентство Зюганова могло стать всего лишь репетицией путинского правления. Но это было бы полуправдой – из тех, что хуже неправды. Путинская Россия несопоставимо больше встроена в мировое хозяйство, она не может позволить себе игнорировать крушение рынков, ни фондового, ни товарного, ни тем более финансового, (не зря же экономическим блоком ее правительства и по сию пору руководят либеральные экономисты, которых Дугин именует «шестой колонной»). Она не посмеет даже попытаться закрыть страну, она – пока, во всяком случае – не стала необратимой катастрофой для

Европейской России. Зюгановская могла стать – уже в середине 1990-х.

Нужно ли было с ними спорить?

Предвыборная кампания Зюганова, опиравшаяся на изложенную выше программу, велась грамотно. Эффективность ее была очевидна. Еще в феврале, за четыре месяца до выборов, 30 % опрошенных полностью соглашались с утверждением «При коммунистах было лучше, чем сейчас». И еще 33 % соглашались с этим в принципе. Массовый избиратель был, иначе говоря, на стороне зюгановцев. Как переломить такую ситуацию за считанные недели? Предлагаются разные версии того, как во втором туре выборов Ельцин неожиданно опередил Зюганова на 13,5 %, хотя самой правдоподобной из них, по-моему, была просто арифметическая: Лебедь и Явлинский, у которых вместе было 22,8 % голосов, передали их Ельцину, и этого было больше чем достаточно для победы. Тем не менее, одни, как Глеб Павловский, уверены, что перелом был достигнут благодаря новейшим политтехнологиям, другие, как Александр Ослон, что благодаря контролю над телевидением, третьи, как Андрей Васильев, отводят главную роль запугиванию населения.

Спора нет, было и то, и другое, и третье. Меня здесь, однако, интересует то, чего НЕ БЫЛО. А именно то, что не было СПОРА. Никто всерьез не спорил аргументы Зюганова. Его высмеивали, его пародировали, его разоблачали, рисовали на него карикатуры, его книгу «За горизонтом» сравнивали и, по совести говоря, не без оснований, с «Mein Kampf» (слишком уж близко, видимо, он – или те, кто писал для него эту книгу – общались с «коричневыми»). Неосторожно было со стороны Зюганова выпускать такую книгу

как раз к выборам). Особенно усердствовала газета *Не дай Бог!*, бесплатно распространявшаяся предвыборным штабом Ельцина. Три главных ее пугалки были: в случае победы Зюганова Россию ожидают гражданская война, террор и голод. Словом, все, о чем говорят эксперты, было. Все, кроме серьезного спора.

Откровенная же чепуха, говорили, несолидно, право, было бы с таким вздором спорить. Ну, был ли, скажите, смысл оспаривать такие, например, «аргументы» Зюганова: «Наши отцы и деды, лишь умывшись кровью репрессий и Великой Отечественной войны, примирились между собой. На обломках Российской империи возник СССР, государство вождя, которое по своему духовно-нравственному типу соответствовало Российской народной монархии»? Или такой: «Заговор Запада против России начался не вчера. Еще в XIX веке во время Крымской войны Запад всем скопом навалился на Россию за то, что она своей независимой политикой разоблачила его лицемерие и самоотверженно вступилась за традиционные христианские ценности, давно утраченные Западом. Но в XX веке заговор этот уже перешел все мыслимые пределы: Запад внедрил в высшее руководство страны своего президента Горбачева и его руками разрушил великую Россию»?

В нормальных обстоятельствах я бы, пожалуй, с этим согласился. И вправду ведь вздор несусветный. Какое «государство вождя»? Fuhrer? IL Duce? Это русская традиция? Какие «христианские ценности» отставал в Крымской войне Николай I? Какой нормальный человек счел бы Горбачева «президентом-резидентом»? Но обстоятельства-то были ненормальные – и не только в тривиальном бытовом смысле. Россия, как закоренелый наркоман, переживает тяжелейшую ломку – распад вековой имперской идентичности. Такая ломка не происходит быстро, и в ходе ее возможно

все – вплоть до повторения сталинского «государства вождя» (пусть, как все в истории, в виде фарса) и явственных отзвуков «аргументов» Зюганова двадцать лет спустя (см. «крымскую речь» Путина 20 марта 2014). Очевидно ведь, что, будь они серьезно и аргументированно оспорены и на весь мир высмеяны еще в 96-м, повторение их через два десятилетия выглядело бы смехотворно. И кто знает, может быть, новый вождь и впрямь поостерегся бы прилюдно выставлять себя на посмешище?

Понятно, что для обывателя интеллигентное опровержение «аргументов» Зюганова, скорее всего, ничего бы не изменило. Но для интеллигенции это было бы важно. И могло бы, возможно, предотвратить не только множество разочарований тогда, в 96-м, но и массовое очарование их сегодняшним повторением. Про повторение я могу лишь предполагать, но про разочарования знаю точно. Вот лишь один пример. Тот же Андрей Васильев, сотрудник редакции **Не дай Бог!**, публично в этом раскаялся: «Я поступил неправильно, работая против коммунистов. Надо было дать России совершить демократический выбор». Явно же не читал человек «аргументы» Зюганова, понятия не имел, что тот принципиально отвергал демократию «западного типа», о которой говорил Васильев, признавал лишь «народную демократию», она же «государство вождя», не предполагающее НИКАКОГО ВЫБОРА. Мало ли насмотрелись мы на эту зюгановскую «народную демократию» в советское время – во всей Восточной Европе?

Говорю я об этом потому, что и здесь повторяем мы старую ошибку. Опять отказываемся от СПОРА, опять отделяемся насмешками и пугалками, как во времена **Не дай Бог!**, словно бы ничему не научил нас горький опыт. Нет, не о «взбесившемся принтере» речь,

с ним спорить и впрямь не о чем. Но есть Изборский клуб, есть Валдайский, теперь, говорят, открылся еще и зиновьевский, где собирались интеллектуалы реакции. С этими спорить сейчас обязательно нужно. Тем более нужно было серьезно спорить с Зюгановым в 1996-м, когда возможностей для спора было предостаточно, когда страна впервые стояла перед выбором, в котором две России впервые схватились, как мы уже говорили, НА РАВНЫХ. Решающий-то выбор – впереди.

Глава 16

ГИБЕЛЬ «ИЗВЕСТИЙ»

Вот как описывает двухлетие после победы Ельцина над коммунистами летописец реванша: «Если называть вещи своими именами, летом 1996 года в результате фальсификации выборов режим Ельцина удержался у власти и получил в глазах общественности что-то вроде легитимности. Оппозиция в лице Зюганова признала законность выборов и превратилась из непримиримой в «системную». Термин «оккупационный режим» периода конфронтации 1992-93 гг. исчез, стал неуместен в новых условиях... Кремль не препятствовал проведению региональных выборов, в которых громадные преимущества были у местных структур КПРФ. Политическая жизнь вступила в период апатии и скуки».

На самом деле время было ужасное (и уж менее всего скучное). Время, в частности, олигархического беспредела, когда, по словам Егора Гайдара, «некоторые олигархи решили, что крупный капитал должен управлять политикой». И что проще всего это сделать, приобретая собственные средства массовой информации. И приобретали, ни с чем не считаясь, во многих случаях безжалостно разрушая крепкие, сложившиеся журналистские коллективы. Так погибли **Московские новости**, мой дом в Москве между 1996 и 2002-м, так погибли **Известия**. Я говорю о самых старых и лучших в стране коллективах времен Перестройки. На примере гибели **Известий** я и попробую показать ужас этого беспредела.

Да и в политическом смысле нехорошее было время. Другим оно, впрочем, и не могло быть, поскольку, вопреки летописцу, ситуация 92-93 годов, по сути, **повторилась**: Дума, в которой доминировали только

что разгромленные на президентских выборах коммунисты, оказалась столь же непримиримой и вступила в такую же конфронтацию с президентом, что и прежний Верховный Совет, сорвав, таким образом, программу реформ, выработанную для второго срока Ельцина (лавры достались раннему Путину).

Да, в отличие от Верховного Совета, Дума больше не претендовала на всевластие. Да, она больше не пыталась свергнуть Ельцина посредством вооруженного мятежа (хотя об импичменте, как мы еще увидим, напоследок и вспомнила). Но мечту о реванше, о восстановлении СССР, она не оставила. Какими были зюгановцы летом 96-го, такими и остались. И девиз их «капитализм никогда не приживется в России» был прежним. Вот и делали все, что могли, чтобы он не прижился, только отныне – на парламентской и региональной арене. И тут успех у них был впечатляющим.

Гекачепист Василий Стародубцев воцарился губернатором Тульской области, амнистированный вождь октябрьского мятежа Руцкой – в Курской, поддержавший ГКЧП Аман Тулеев – в Кемеровской, другой «попутчик» ГКЧП, Николай Кондратенко – в Краснодарском крае. Жириновец Евгений Михайлов стал губернатором Псковской области. В Орловской области дело дошло до курьеза: лишь один из членов местного законодательного собрания не был членом КПРФ. В Северной Осетии членами КПРФ были президент, премьер-министр и спикер республиканского

В. С. Черномырдин

парламента. Даже бывший «денщик», а ныне враг Ельцина Коржаков, и тот был избран в Думу. «Красный пояс» охватывал теперь Черноземье, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и степные области Сибири. Напоминало до боли знакомое из сталинского Краткого курса «триумфальное шествие Советской власти».

Наводит на некоторые размышления лишь неподдельный восторг летописца по поводу того, что «к красным относятся именно те регионы, которые были «черными» (то есть черносотенными) в 1906-1917 гг.» Фактически это имеет очень отдаленное отношение к истине (черносотенные погромщики свирепствовали, главным образом, все-таки в европейской черте оседлости, т.е. западнее «красного пояса»), но сам факт радости коммунистов такому, пусть воображаемому, совпадению знаменателен, не правда ли?

Покажу на одном примере, как пользовались они своим региональным преимуществом, чтобы саботировать реформы. Остановить распространение частной собственности в городах было – после реформ начала 90-х – затруднительно, но земля... Она-то всегда

Сергей Кириенко и спикер Госдумы Геннадий Селезnev

была в представлении русского крестьянина «ничья», она от Бога. Это ведь Традиция с заглавной буквы, то, что всегда отличало Россию от ее всегдашнего врага, кощунствующего Запада, давно поправшего все традиции. Гигантская пропагандистская кампания была развернута против закона «Об обороте земель сельскохозяйственного значения». А в «красном поясе» он попросту игнорировался.

Так и не вступил, по сути, в жизнь этот закон при Ельцине, хотя смысл сопротивления ему очевиден: пусть лучше зарастет земля чертополохом, но в руки хозяина ее не отдадим. Это лишь частный случай того, как зюгановцы готовы были стоять, ну, не насмерть, конечно, но достаточно, чтобы побольше попортить крови реформаторам. Общий принцип их парламентской деятельности описал Гайдар в «Развилках новейшей истории России».

«Коммунисты, имевшие большинство в парламенте, стремились, – писал он, – повысить расходы за счет дефицита бюджета. **На стадии формирования бюджета они выглядели как защитники интересов тружеников села, служащих социальной сферы, военно-промышленного комплекса и т.д., а на стадии выполнения (точнее, неизбежного невыполнения) этих расходов – как строгие критики провалов правительства**» (выделено автором). Мне кажется очевидным, что КПРФ неспроста вгоняла правительство в ситуацию хронического дефицита и что зря толковали политику коммунистов как тривиальную демагогию, как попытку повысить свой рейтинг за счет правительства, набрать очки у населения. Все это, конечно, было, но стояла за этим и совершенно определенная стратегия, все тот же сформулированный Зюгановым в предвыборной книге «За горизонтом» тезис, что «капитализм не приживается

и никогда не приживется в России».

По сути, коммунисты связали правительству руки. Да, оно могло прибегнуть к эмиссии, покрывать хронический дефицит, печатая деньги. Но боялось будить спящего льва, развязать едва утихомирившуюся инфляцию. Да, оно могло удерживать рубль, скупая рубли за счет валютных резервов, но резервы были тогда скучны, их не хватало. Приходилось придумывать замысловатые схемы, в том числе ГКО (государственные краткосрочные облигации). Но они были хороши, пока их покупали иностранные инвесторы. Это была своего рода пирамида: возвращали долги старым покупателям за счет новых. Первый же международный кризис мог отпугнуть инвесторов. И как тогда платить по старым долгам? На это и рассчитывала КПРФ.

И кризис, конечно, грянул, знаменитый «азиатский кризис» 1998 года,

Ю. Д. Маслюков

В. В. Геращенко

инвесторы стали выводить деньги из всех развивающихся стран, включая Россию. И 17 августа 98-го правительство Сергея Кириенко не смогло больше платить по долгам и вынуждено было объявить дефолт. Правда, международные финансовые структуры готовы были помочь, но тут встали стеной коммунисты. Гайдар свидетельствует: «Правительство выработало программу финансовой стабилизации с помощью мировых финансовых организаций. Но парламент отказался ее принять». Да и с какого, извините, бодуна, мог парламент ее принять, если все эти два года он только и делал, что вгонял правительство в дефолт? Ведь пришел, казалось, звездный час Зюганова, живое доказательство, что капитализм и впрямь в России не приживается!

Вот, пожалуйста: рубль в свободном падении, массовые банкротства, сбережения превращаются в пыль, и именно люди, поверившие в капитализм, опора реформаторов – средний класс, теряет свой, только что начавший становиться на ноги, бизнес, подобно нэпманам конца 1920-х, тоже наивно поверившим тогда ленинскому обещанию, что «НЭП это всерьез и надолго». Короче, потерпев поражение на выборах, коммунисты попытались взять реванш с помощью созданного ими же кризиса: поверила, мол, в 96-м Россия обманщику Ельцину и уже два года спустя, в 98-м, жестоко расплачивается за свою доверчивость.

Ибо что же теперь остается вчерашнему победителю, как не призвать к власти «красное» правительство с коммунистом Юрием Маслюковым, бывшим председателем Госплана СССР, в качестве первого вице-премьера, и бывшим председателем Центробанка Виктором Геращенко, однажды уже развязавшим в 1992-м гиперинфляцию, – и начать исправлять

ошибки? Иначе говоря, приступить к всеобщей ре-национализации экономики и переходу к плановому хозяйству, ввести контроль над ценами, включить печатный станок – ко всему, то есть, чего требовала все эти годы в Думе КПРФ? Логично? Но тут Зюганова поджидал удар пострашнее поражения на выборах, удар, от которого он никогда уже не оправится. Случилось это, однако, не сразу.

Интерлюдия

Сперва потому, что, вместо призыва «красного» правительства, первым побуждением Ельцина после дефолта 17 августа 98-го было вернуть к рулю старого надежного Черномырдина, которого он неосторожно уволил в марте. Уже 21 августа президент внес в Думу его кандидатуру. Разочарованная и рассерженная Дума провалила его подавляющим числом голосов: 251 против 94. Спикер Думы Геннадий Селезнев, член КПРФ, конечно, предупредил Ельцина, что Дума не примет премьера, который не согласится «полностью изменить курс правительства». И это означало, что кандидатура Черномырдина безнадежна. Президент ответил, что никакого изменения курса не допустит и будет рекомендовать Черномырдина снова.

Тогда совет Думы обратился к самому Черномырдину с просьбой добровольно снять свою кандидатуру. Виктор Степанович ответил достойно: «Ни по совести, ни по существу дела я на такое безответственное решение не пойду. У меня другой страны и другой судьбы нет, мои дети и внуки будут жить здесь, в России». Президент предложил его кандидатуру во второй раз. И ее, конечно, снова провалили – столь же впечатляющим большинством. Жириновский, который боялся поссориться и с Ельциным, и с коммунистами,

Е. М. Примаков

Г. Н. Селезнев

попытался, как обычно, перехитрить всех: 49 из 50 его депутатов не явились на голосование, явился один – и проголосовал «за». Но даже если бы все его 50 голосовали так же, это ровно ничего не изменило бы.

Можно было повторить эту безнадежную процедуру в третий раз. Но тогда пришлось бы распускать Думу. А Зюганов самодовольно заявил, что коммунисты роспуска Думы не боятся: в ситуации дефолта они наберут еще больше голосов. И он был прав. Это был откровенный шантаж. Но пришлось уступить: уже три недели страна жила без правительства. Черномырдин снял свою кандидатуру. Но перед уходом он выступил по телевидению с речью, достойной Гайдара: «У левой оппозиции вновь обострился революционный синдром. Дума почувствовала реальную возможность захватить

власть и сменить, возможно, политический строй. Но не тешьте себя иллюзиями. Ни красных, ни розовых не будет. Эти цвета закрасят черным и коричневым. Мир содрогнется, если это случится с Россией».

Зато коммунисты торжествовали: Ельцин сдался. Зюганов добился того, чего не добились ни путчисты в августе 91-го, ни мятежники в октябре 93-го! Новое правительство возглавил Евгений Примаков. И пришли с ним и Маслюков, и Геращенко, и Густов, все, кому, с точки зрения Зюганова, следовало там быть. И что же? Да ничего. «Подпечатали» по секрету немножко денег, заплатили за счет этого зарплату бюджетникам, пенсии, попытались было стреножить прессу, Ельцин не позволил. Примаков развернул самолет над Атлантикой, сделав Россию всемирным посмешищем, остальное, оставшееся им до мая 99-го время, когда их уволили, потратили на бесплодные переговоры о новом займе с МВФ, который им не доверял. О национализации экономики и о «полном изменении курса» и речи не было. Увольняя Примакова, Ельцин сказал: «Нам не нужна стабилизация нищеты и экономического упадка. Нужен серьезный прорыв».

И это «красное» правительство, о котором мечтал Зюганов? Все, что оно за восемь месяцев сделало, это помогло президенту удержать в стране на время кризиса политическую стабильность. Аналогия с НЭПом не сработала. Рыночные преобразования оказались НЕОБРАТИМЫ. Не могу найти другого сравнения: час торжества обратился для КПРФ в ее Ватерлоо (это не значит, конечно, что Зюганов перестанет на каждом выборах дежурно баллотироваться в президенты, значит лишь, что отныне он обречен быть «вечно вторым» и шансов на приход к власти у него больше не будет).

«Победило меньшее зло»

Окончательное поражение коммунистов означало, естественно, победу того, что они отрицали, – рыночных отношений, капитализма, той самой «монетизации», убедившей многих на Западе поверить, что отныне «Россия с нами». Другими словами, поставить знак равенства между победой капитализма и торжеством свободы (и в первую очередь главного стража этой свободы – средств массовой информации). Я потратил тогда массу усилий, пытаясь объяснить тамошним властителям дум, что никакого такого равенства не существует, что это грубая ошибка, последствия которой непредсказуемы. Но... не получилось (см. главу двенадцатую «Как бы не повторить старые ошибки»).

Теперь мы знаем, что капитализм бывает разный, в том числе и «дикий» – с малиновыми пиджаками, золотыми цепями и трехметровыми памятниками на кладбищах, словом, с «бандитским Петербургом». Об этом сняты десятки сериалов. Знаем также теперь, что и при капитализме СМИ могут при определенных условиях стать своего рода государственным наркотиком, инструментом массового зомбирования населения, о чем тоже будут в свое время сняты сериалы. Бывает, слов нет, и капитализм цивилизованный, благоустроенный. Но в ельцинские времена, как, впрочем, и в сегодняшние, до него еще, как до звезды небесной, далеко.

Сейчас, однако, нам важно понять, что происходило с этими самыми СМИ именно в то время, когда они впервые почувствовали, что капитализм, за который они самоотверженно боролись против коммунистов, означает, между прочим, и то, что они тоже становятся своего рода товаром. Тогда и стали мне вполне понятны слова, которыми Отто Лацис завершил

главу о выборах 96-го года в книге «Тщательно спланированное самоубийство». Да, конечно, относилась его горькая реплика **«ПОБЕДИЛО МЕНЬШЕЕ ЗЛО»** и к Ельцину, который после Чечни никогда уже не был в его глазах тем легендарным вождем демократической революции, каким представлял он себе его в августе 91-го. Но и что-то куда более интимное, связанное с судьбой родного ему коллектива *Известий*, послышалось мне в этих словах. В принципе вся эта глава не более чем попытка разобраться в том, что означало в устах Лациса это «меньшее зло», на борьбу за которое он положил жизнь.

Конечно, он оставался оптимистом. «Свобода слова в России, разумеется, появилась, – писал он. – Исчезла цензура в виде все предварительно читавшего Главлиста, без которого нельзя было напечатать даже визитную карточку. Нет монопольно правящей партии, которая назначала всех номенклатурных руководителей прессы. Нет единой собственности на средства массовой информации – есть разные владельцы, конкурирующие между собой. Факт наличия конкуренции очень важен, он дает журналистам, как и читателям, выбор». Все верно, но за всем этим рутинным перечислением преимуществ капитализма чудилось одно большое невысказанное «НО».

«Но» было в том, что новые владельцы, как мы уже говорили, ни в грош не ставили сложившиеся годами традиции журналистского коллектива, не только не понимали, но просто не замечали его предпочтений, его идейного стержня, того, что делало его живым организмом. Пусть СМИ – товар, но товар особенный. Они могут быть мощным оружием, могут быть успокаивающим лекарством, даже наркотиком, могут воспитывать и могут развращать, но неживым инструментом в чужих холодных руках они быть не могут, протухают,

становятся суррогатом, «порченым» продуктом. Хороший хозяин, конечно, не дал бы добру протухнуть. Но где было в ту, «полудикую», переходную олигархическую пору взять такого хозяина?

Первые испытания

Не знаю, честно говоря, почему именно драма *Известий* показалась мне лучшим примером оборотной стороны победы капитализма в России. Отчасти, наверное, потому, что телевизионные скандалы, связанные с упомянутой попыткой «крупного капитала управлять политикой», давно уже во всех подробностях описаны и добавить мне к этим описаниям нечего. Не говоря уже о том, что один к одному походили они на аналогичные скандалы в Америке начала XX века, где породили целую литературу «разгребателей грязи», а Теодор Драйзер, классик этой литературы, еще в советские времена был переведен на русский. Увы, как я уже однажды писал, ни Ельцин, ни Путин оказались не ровня Теодору Рузвельту, сумевшему устраниТЬ олигархический произвол, не нарушив правила демократического общежития. Не понадобилось для этого Рузвельту сажать в тюрьму тамошних Ходорковских.

Но, кроме того, что не имело смысла повторять известное, были и другие причины, почему я выбрал драму *Известий*. Они, наряду с *Московскими новостями* и *Огоньком*, были флагманами Перестройки и вплоть до победы Ельцина на выборах 96-го – в первых рядах бойцов против коммунистов. Там работали близкие мне по духу Игорь Голембиовский, Отто Лацис, Станислав Кондрашов, сплоченный еще с «оттепельных», с аджубеевских времен журналистский коллектив – со своим лицом. Ну, и эмоциональные воспоминания: конечно, именно в *Известиях* опубликовал

я свою первую большую статью в центральной печати, дай бог памяти, еще в 1964 году.

Но к делу. Первым, конечно, испытанием, ожидавшим редакцию, было испытание бедностью, удвоенное полным отсутствием опыта в акционировании, в маркетинге и вообще в бизнесе. Это понятно, не требовалось ничего подобного в советские времена. Между тем, тиражи общероссийских газет сократились за шесть лет в 20 (!) раз, *Известия* не были исключением. Цены бумаги, типографских и почтовых услуг росли стремительно, соответственно удорожалась газета, и уменьшалось число подписчиков. Но, хотя пришлось сократить корреспондентскую сеть наполовину, газета некоторое время еще держалась и даже выплачивала своим акционерам дивиденды (что, как очень скоро выяснилось, было катастрофической ошибкой: акции своей газеты надо было скупить, если хотели остаться независимыми, дивиденды могли и подождать, капитализм все-таки).

С акциями дело обстояло так. По закону 51 % акций распределялся между членами трудового коллектива – сотрудниками и пенсионерами – практически даром (за один ваучер они могли приобрести 12 акций), 49 % оставалось у государства, которое постепенно их распродавало на открытых ваучерных торгах. Вот в этом-то, как слишком поздно поняла редакция, и была вся загвоздка. На торгах фигурировали крупные игроки, массово скупавшие ваучеры. И ворочали они миллионами долларов. И ни редакции, ни владельцам отдельных ваучеров соваться на эти торги было не по карману. На первых же торгах выяснилось, что за один ваучер там можно было купить 0,018 (!) акции. Тогда только поняла свою ошибку редакция – и бросилась скупать акции *Известий* у собственных сотрудников и пенсионеров. Слава богу, было еще не совсем поздно,

набрался пакет в 24,2%, самый большой на начало 1996 года.

В конце года выяснилось, однако, что нефтяная компания ЛУКОЙЛ в дополнение к своему 20%-му пакету докупила 15%-й у Межпромбанка и еще 6% скрутила у мелких акционеров, затратив на все это 37 миллионов долларов, деньги, которые редакции и не снулись. Теперь у них был 41% против 24, и ЛУКОЙЛ мог в любой момент стать хозяином **Известий**. Поначалу, однако, он вел себя мирно, как ягненок. На предстоящем собрании акционеров, как условились заранее, в совете директоров будут четверо от ЛУКОЙЛа и трое от редакции, им достался пост председателя совета, но президентом и главным редактором, от которого зависела политика редакции, в том числе кадровая, оставался Голембиовский. Вот, вздохнула с облегчением редакция, повезло нам с партнером, ну, нельзя теперь будет писать ничего дурного о ЛУКОЙЛе, так мы и без того про него не писали. Наивные люди...

Хождение по мукам

Стоило, однако, газете задеть главу правительства – и ягненок превратился в тигра. Президент ЛУКОЙЛа Вагит Алекперов заявил, что берет назад все свои обещания и назначит главным редактором кого-то по своему выбору. Мало того, дал пресс-конференцию, где назвал **Известия** желтой газетой и произнес речь примерно в таком духе: Подумать только, что эти щенки себе позволяют, на самого премьер-министра хвост подняли, и теперь компании запрещена сделка в Казахстане, и мы теряем 270 миллионов долларов! Не какого-то рядового человека задели, а «самого премьер-министра». Такого ЛУКОЙЛ терпеть не станет.

Что это значило? Политическую цензуру? Опять? То самое, против чего все годы боролись? Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Попали в тот же советский крепостной капкан. Вот что, оказывается, на самом деле означает 41 % акций против 24. Но что делать? До собрания оставалось две недели. С опозданием (снова!) бросились изучать закон об акционерных обществах. Обнаружили, что совет директоров может не только принять решение о созыве собрания, но и изменить срок его созыва. А совет еще две недели наш, известинский! И снова вздохнули с облегчением. Отсрочили собрание на полтора месяца. И принялись лихорадочно искать нового партнера с деньгами. Нашли ОНЭКСИМбанк.

Боюсь, как бы не надоела уже читателю эта печальная повесть, полная столь скучных сюжетов, как акции, проценты, тонкости закона об акционерных обществах, бесконечная наивность заблудившихся в этих неведомых им дебрях журналистов и вполне ожидаемое хамство олигархов. Но речь все-таки о том, как на глазах у всех убивали один из лучших журналистских коллективов страны. И никто из тех, кто мог помочь, редакции не помог. Даже после того, как с помощью *Известий* сокрушили коммунистов. Мне кажется, что эта драма стоит того, чтобы еще немного поскушать. Тем более что главная интрига впереди.

Так или иначе, новый партнер откликнулся на отчаянный призыв о помощи с искренним, казалось, энтузиазмом. И тотчас прислал деньги на скупку акций мелких акционеров (правда под залог тех 24 % акций, которыми располагала редакция). Мало того, оказалось, что еще один крупный акционер, банк РЕНЕССАНС, давший ЛУКОЙЛу доверенность на свой пакет акций (8,5 %), всего лишь подразделение ОНЭКСИМа – и доверенность была немедленно отозвана. Начали

совместную кампанию по скупке акций. У редакции было преимущество, все-таки обращалась она к собственным пенсионерам. Короче, через две недели новые союзники, **«Известия»** и ОНЭКСИМ, довели свой совместный пакет до 50,2 %. ЛУКОЙЛ безнадежно проигрывал. Он долго не хотел примириться со своим поражением, его люди ходили по кабинетам, пытались подкупить сотрудников, искали предателей, скандалили, пробовали даже провести свое отдельное собрание акционеров, телевидение засняло стычку у дверей **«Известий»**, куда их не пустили.

Наконец, свершилось: сдался ЛУКОЙЛ. Или редакции так показалось, потому что он согласился подписать вместе с союзниками торжественную Хартию взаимоотношений журналистов с акционерами, нечто, как они думали, историческое, вроде знаменитой английской Хартии вольностей 1215 года (о взаимоотношениях баронов с королем). И Собрание акционеров состоялось. От редакции в совет директоров вошли двое, от ее союзника ОНЭКСИМа еще двое, всего четыре против трех у ЛУКОЙЛА. Михаил Кожокин, вице-президент ОНЭКСИМа, стал, как договорились, председателем совета директоров. Happy end? **«Известия»** спасены? Не торопитесь, читатель.

Уже на следующий день выяснилась степень вероломства ОНЭКСИМа. Оказалось, что он – за спиной **«Известий»** – сговорился с ЛУКОЙЛОМ. И теперь их было в совете директоров пятеро против двух. Вчерашний союзник обратился во врага похлеще ЛУКОЙЛА. Нагло в лицо отказался от всех своих обещаний и потребовал, чтобы избранный коллективом главный редактор Голембиовский убирался вон, прихватив своих заместителей и заведующих отделами. Нокаут. Вдобавок еще и обобрал, известинские 24 % акций прикарманил. И Хартия, только что подписанная всеми

сторонами договора, оказалась клочком бумаги (два года спустя Кожокин сам себя назначил главным редактором). За английскими баронами, подписавшими с Иоанном Безземельным Великую хартию вольностей, стояла их объединенная мощь, за журналистским коллективом, увы, не стоял никто. Бывшие союзники по борьбе с коммунистами его предали.

Так погибли *Известия*.

Ирония была в том, что новые хозяева не только ничего в газетном деле не смыслили, но оказались и плохими бизнесменами. Вслед за *Известиями* ОНЭКСИМ приобрел и *Комсомольскую правду*, конкурировавшую с ним за одну и ту же читательскую аудиторию, и зачем-то основал еще и третью газету того же направления – *Русский телеграф*. И в результате, естественно, остался с ТРЕМЯ убыточными газетами на руках, оставив за собой руины разоренных журналистских коллективов. Поистине: слон в посудной лавке. Но это уже другая история.

Я-то всего лишь попытался объяснить горькую реалику Отто Лациса, произнесенную в час победы над коммунистами. Помните: «Победило меньшее зло»? А скучное ли то было время, как думает летописец реванша, судить читателю.

Глава 17

«ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИСТЕРИЯ» ПЕРВАЯ ПОСТСОВЕТСКАЯ

Боюсь, не такими уж далекими и странными покажут-
ся сегодняшнему читателю «патриотические истерии»
царских времен, подробно описанные в первой книге
«Русской идеи». Под этим ником фигурировали там со-
бытия, в ходе которых: 1) любовь к отечеству превра-
щалась из интимного чувства патриотизма в свою про-
тивоположность – в публичное действие, в перформанс;
2) национализм, присвоив себе чужое имя («патрио-
тов»), становился движением ВСЕНАРОДНЫМ; 3) цен-
тральным переживанием большинства оказывалась
ненависть – все равно: к полякам ли в 1863-м, к туркам
в 1878-м или к немцам в 1914-м (вспомним завет Георгия
Петровича Федотова: «ненависть к чужому – не любовь
к своему – составляет пафос современного национализ-
ма»). Проще говоря, страна начинала биться в падучей.
Но кого этим нынче в России удивишь? Разве что объект
ненависти поменялся. Так объекты эти ведь и тогда с ка-
ждой новой «истерией» менялись.

Но я сейчас – не о сегодняшнем и не о позавчераш-
нем. Первая постсоветская «патриотическая истерия»
случилась еще при Ельцине, в 1999. Вы не поверите,
читатель, когда я скажу, из-за чего она началась, на-
столько незначительным это сейчас кажется. Из-за
Косово. Ну, кто, скажите, станет сегодня рвать на себе
тельняшку из-за Косово? Но вот такой авторитетный
историк, как Андрей Зорин, убежден, что «решающей
точкой, когда этот невроз стал определять массовое
самосознание, были косовские события». И нет ни-
каких оснований ему не доверять, поскольку имен-
но из-за Косово случились и натовские бомбежки

стратегических объектов в Сербии в мае 1999, и знаменитая в свое время примаковская «петля над Атлантикой», и вообще все, что именовалось тогда «майским днем русского национализма».

Почему Косово?

Ничего не поделаешь, если именно это, мало кому тогда известное Косово вызвало бурю в России, придется нам теперь подробно разбираться в том, что же такое в нем произошло. Само по себе Косово сегодня – крохотное новое государство, с населением менее двух миллионов, а тогда – провинция сербской мини-империи, известной под именем Югославии. Ну, бывало такое в XX веке. Спряталась же возрожденная после 1917 года Российская империя под ником СССР, вот и Великая Сербия спряталась под ником Югославии. Распались в 1990-е обе.

Собственно, время распада империй в Европе настало еще в середине века. Тогда распались Британская, Французская, Бельгийская, Голландская, империи. Просто движется история – и в какой-то момент кончается время империй. Они становятся историческим анахронизмом. Но «социалистические» империи, Российская и Югославская, подзадержались. Их время не стало лишь в конце века.

Понятно, что распад вековой империи – дело болезненное, страшное. И распадались они по-разному – в зависимости от политических традиций и национального темперамента метрополий. Если у англичан, бельгийцев, голландцев или русских распад прошел более или менее мирно, то французы, португальцы или сербы сопротивлялись диктату истории отчаянно, расставались со своими анахронизмами с большой кровью.

Особенно страшно происходил распад самой молодой из империй – югославской. К тому времени, к концу века, в России вдруг тоже вспомнили имперское прошлое и, словно бы сожалея, что она – благодаря стечению обстоятельств – отпустила своих «сепаратистов» на волю сравнительно мирно, без большой крови, стали вчуже переживать за судьбу Великой Сербии, негодовать против ее «сепаратистов» и, конечно, как всегда, против Запада, олицетворявшего это беспощадное движение истории.

По мере развития событий негодование это перешло во всенародное возмущение, в том смысле, что захватило и либеральную часть общества. И, в конце концов, когда сербская армия приступила к этнической чистке Косово, т.е. к сталинскому методу изгнания из родной земли целых народов (а в этом случае, в отличие от сталинских времен, речь шла о миллионах людей, и происходило все под прицелом телевизионных камер), и НАТО, не имея никакой другой возможности остановить это зверство, начало бомбить стратегические объекты Югославии, возмущение в России переросло в «патриотическую истерию».

С. Милошевич

Сараево, 1995

Протестовали, разумеется, не против зверств сербской армии (которых по российскому телевидению, как мы еще увидим, умышленно не показывали), а против «агрессии Запада». Конечно, сейчас, когда бывший президент Сербии Милошевич, преданный международному суду по решению его собственного народа, умер в тюрьме Гаагского трибунала, сомнений, кто на самом деле был агрессором в Косово, не осталось. Но тогда Милошевич, опираясь на двусмысленную позицию России, был в силе и славе, а чувства возмущенных российских «патриотов» были еще смутны и не артикулированы.

Бормотали, что-то невнятное, как мы опять-таки увидим, когда доберемся до подробного анализа истории, об оскорбленной «идентичности России», с которой не желает считаться Запад; о том, что сегодня бомбят Белград, а завтра будут Москву; о маленькой свободолюбивой Сербии, жертве агрессии, и тому подобном вздоре, не имевшем даже отдаленного сходства с действительностью. О главном, о том, что русские «патриоты» попросту завидовали сербам, осмелившись, в отличие от них и вопреки диктату истории, драться за свою империю, тогда еще и речи не было.

Беженцы из Косово на границе Македонии, 1999

Должно было пройти время, к рулю в России должен был придти имперский вождь, чтобы развязались языки и прорвалась на поверхность глубоко запрятанная зависть. Это сейчас какой-нибудь Александр Бородай, бывший премьер ДНР, может громогласно формулировать идеи, которые его отец, Юрий, протаскивал при Ельцине только в маргинальной *Завтра*. Такие, например: «Границы русского мира шире границ РФ. Я выполняю историческую миссию во имя русской нации, суперэтноса, скрепленного православным христианством. Потому, что есть Великая Россия, Российская империя. А украинские сепаратисты, которые находятся в Киеве, борются против Российской империи».

Но ведь точно такую же «историческую миссию» во имя сербской нации, суперэтноса, пытался исполнить в 1990-е и Милошевич. И по той же причине: потому, что была Великая Сербия и сепаратисты в Приштине (столице Косово) боролись против нее. А если углубиться в историю, ее же, эту имперскую «миссию», попытался исполнить и последний хан Золотой Орды Ахмат, когда двинул в 1480 году рать против «сепаратистской» Москвы, пожелавшей независимости. Другое дело, что у великого княжества Московского была своя рать, которая встретила хана на Угре и дала ему от ворот поворот. У косоваров своей рати не было, даже автономии не было, хан Милошевич ее отменил, и делать с ними он мог все, что ему заблагорассудится.

Вот и заблагорассудилось ему выселить их всем народом в Албанию, а чтобы не вздумали вернуться, дома их со всеми их пожитками – сжечь. Навсегда «очистить» от этих поганцев исконную сербскую землю, где еще в XV веке так несчастливо попытались сербы преградить путь завоевателям-туркам, лишившим их независимости. Да, столетия назад земля эта и впрямь была сербской. Только за истекшие полтысячелетия

сербов в ней осталась горстка, а подавляющим большинством ее населения оказались люди, считавшие себя косоварами, и много поколений ИХ предков были в этой земле похоронены.

Но ведь и границы «сербского мира», рассуждал, надо полагать, подобно Бородаю, Милошевич, шире границ собственно Сербии. Они повсюду, где живут сербы. И потому косовары были для него так же, как москвичи XV века для хана Ахмата, сепаратистами. А европейцам 1999 года эта средневековая логика была, как и сейчас, непонятна. Но и примириться со средневековым зверством в XX веке, не могли они тоже.

Что бы сделали на их месте вы, читатель, если официальная позиция России заключалась в том, что этническая чистка в Косово есть внутреннее дело Югославии и никому не позволено нарушать ее суверенитет без разрешения Совбеза ООН (надежно заблокированного российским вето)? В России у руля тогда было «красное» правительство Примакова. «Хотите остановить этническую чистку в Косово, договаривайтесь с Милошевичем», отвечало оно Западу. А если он не желает договариваться? Тем хуже для вас, издевался над возмущенным Западом Примаков. Классическая, говоря на современном жаргоне, политика спойлера, неспособного предложить решение, но твердо намеренного помешать другим. Никаких ведь бомбажек не было бы, сделай Россия ДО них то, что сделала ПОСЛЕ них (т.е. перестав после увольнения Примакова прикрывать Милошевича). Ведь от безвыходности, по сути, были эти бомбажки.

Я отнюдь не оправдываю поведение европейских правительств в косовской трагедии. Речь лишь о том, какие из них виноваты больше, какие меньше. Вот простая метафора. Допустим, горит в деревне запертый на замок дом. В доме задыхаются дети, а вокруг

бестолково мечутся соседи и спорят, как их спасать. Решают, наконец, взломать дверь. Вытаскивают детей. Для иных поздно, задохнулись. И вдруг обнаруживается, что у одного из соседей с самого начала был в кармане ключ от дома – и детей можно было спасти. Проще простого сказать: все виноваты, все одним мирром мазаны. Но не означало ли бы это попытку оправдать именно того, кто мог предотвратить трагедию?

Диссонанс

Кажется, я вчерне ответил на вопрос: «почему Косово?» Потому, что европейская трагедия 1999 года произошла именно там. Осталось объяснить, откуда этот странный диссонанс, почему один и тот же ужас нескончаемых живых лент детей, женщин и старииков, изгнанных, в чем были, из своих домов сербскими штыками (мужчины, которых не успели расстрелять, ушли в партизаны), вызвал столь разную реакцию в мире и в России? В мире один вид этих живых лент, мучительно медленно тянувшихся среди зимы 24 часа в сутки по всем телекранам, сводил людей с ума. Все спрашивали друг друга: как такое может происходить? В сердце Европы? На исходе второго христианского тысячелетия? Непосредственным свидетелям было еще хуже. Вот признание корреспондента лондонской *Times* в Югославии Адама Лебора: «Я и мои коллеги были потрясены неспособностью мира остановить этот ужас. Как могут терпеть такое злодейство европейские правительства? Почему молчит Америка?»

Журналисты были неправы. Ни Европа, ни Америка не молчали. Они увещевали Милошевича, стыдили его, угрожали ему. В феврале 1999-го даже

международную конференцию собрали в Рамбуйе, где Милошевичу был предъявлен ультиматум: либо он прекращает «чистку» и восстанавливает автономию Косово, либо НАТО прекратит «чистку» силой. Но диктатор стоял, как скала, уверенный, что не посмеют эти слабонервные западные «гуманисты» посягнуть на его право делать у себя дома то, что он считает нужным. В конце концов, Югославия – суверенное государство. И покуда на страже ее суверенитета стоит братская ядерная сверхдержава, он чувствовал себя как за каменной стеной. И ничего, кроме презрения, не вызывали у него ни мольбы международных НПО, озабоченных судьбой ставших вдруг бездомными мерзнувших и голодных детей, ни уговоры дипломатов, ни угрозы НАТО.

Но почему молчала московская пресса? Слишком была занята срыванием масок с империалистов НАТО, посмевших угрожать суверенитету братской Югославии, чтобы заметить страдания чужих детей? Заволновалась она лишь тогда, когда под мощным давлением своего общественного мнения и убедившись, что одними протестами детей не спасти, решились, наконец, западные правительства «взломать горящий дом», условно говоря. Вот тогда и развернул над океаном свой самолет Примаков и Россия «вспряяла ото сна». Как сказал московский журналист, «именно в результате этого «взлома» и произошло в России не ложное, а настоящее пробуждение национального самосознания».

Имел он в виду, что в России бушевал протест против «агрессии Запада». Причем, протест всенародный. Вот свидетельство летописца реванша. Здесь он не врет, потому что признает это со скрежетом зубовным: «Практически вся пресса поддержала позицию Примакова. Антизападные настроения в России достигли

такого накала, что и «свободная» пресса из чувства самосохранения выступила солидарно с большинством читателей». Так откуда этот диссонанс: в одном случае волновались за участь косовских детей, в другом – за суверенитет Сербии? Как его объяснить? – спрашивал я у знакомых.

Два объяснения

Их ответы разошлись кардинально – в зависимости от того, с какой стороны наблюдали они косовскую трагедию. Вот питерский литератор, видевший ее с российской стороны: «Мне кажется, что с Косово все сложнее этого деления на зверей-сербов и агнцев-косаваров. И колонны беженцев – это ведь бежали не от зверств сербов, а из опасений этих зверств в ответ на вооруженную борьбу сепаратистов, начавших стрелять первыми». Из-за опасений зверств ушли в изгнание в Македонию косовские христиане. Подавляющее большинство мусульман были изгнаны в Албанию насильственно, зверски. Доказательство: сожженные дома со всеми их пожитками, которые видели миллионы телезрителей? И тучи журналистов там были, своими глазами видели, своими ушами слышали, из-за чего люди бежали. Собеседник уступил: «Я вообще считаю, что роль европейских держав (включая Россию) в балканских событиях девяностых – это позор в истории человечества». Всем сестрам по сердцам, значит? И той, что слишком долго не решалась взломать дверь чужого горящего дома, чтобы спасти детей, и той, у которой в кармане был ключ? А диссонанс в таком случае откуда?

Другой собеседник ответил куда более осмысленно и по делу. Вот его письмо: «Мое мнение о косовском конфликте сложилось во время работы в США на

основе си-эн-эновских картинок – о страданиях беженцев, о зверствах сербской полиции, изгонявшей их из домов, о маленьких детях, замерзавших при переходе через горы. Оно подкреплялось многочисленными интервью с пострадавшими, рассказами корреспондентов и моих же коллег, участвовавших в гуманитарных миссиях. Я, конечно же, не был в плену мифов о том, что Америка выкручивала руки европейцам, заставляя их присоединиться к военным действиям. Ведь со мной работали коллеги буквально из всех европейских государств, и я отлично представлял себе настроения в этих странах. Дядя моей коллеги-шотландки пытался записаться добровольцем в британский контингент. И он не был единственным.

Но в России-то видели совсем другие картинки: как американские самолеты ни с того ни с сего стали бомбить сербов. Просто чтобы показать – кто в доме хозяин. Бесчисленные кадры разрушенных домов, тысячи интервью с очевидцами с той стороны. И никаких кадров о массовом изгнании косоваров, о муках детей, конечно же, не показывали. То есть это проскальзывало в пропорции 1:1000 и, естественно, терялось с точки

Российский десант (в составе миротворческих сил ООН) в Косово, 1999 г.

зрения информационного воздействия. Неудивительно, что даже у интеллигенции сформировалось на чисто эмоциональном уровне совсем иное отношение к косовской трагедии, чем на Западе. А это самое важное. Это – в подкорке. Если люди убеждены, что одна сторона – «плохие парни», а другая – «хорошие», переубедить их на рациональном уровне – задача неблагодарная. Это как в футболе – убедить кого-нибудь стать болельщиком другой команды».

Единственное, что осталось необъясненным в этом замечательном письме покойного Володи Боксера, да будет земля ему пухом, это каким образом те самые тележурналисты, русские европейцы, что стеной встали на президентских выборах 96-го против Зюганова в Москве, всего три года спустя заключили, что их единомышленники в Европе, на Западе, – «плохие парни»? А вчерашний партаппаратчик Милошевич, ничем не отличавшийся от Зюганова и успевший уже отличиться геноцидом, который он устроил в 1995 году в Сараево, – «хороший»? А в Сараево, между прочим, было, как в блокадном Ленинграде, только хуже. С высот, окружающих город, сербские снайперы пристреливали не только улицы, но и окна. Передвигаться по городу можно было только ночью, и то в кромешной тьме: на каждый огонек следовал смертельный выстрел. И это – «хорошие парни»?

Вот тут мне нужна помочь читателя. Потому, что я не могу найти объяснение столь драматическому парадоксу. Откуда взялся этот «информационный железный занавес»? Летописец реванша объясняет его, как мы помним, тем, что и «свободная (это у него, конечно, в кавычках) пресса» выступила из самосохранениясолидарно с большинством». С большинством, которое сама же и создала? Меня это объяснение (робостью журналистов) не устраивает. А вас?

Личный опыт

Я, кажется, последний, у кого могли быть личные впечатления об этой трагедии. Я не был тогда ни в России, ни в Косово, даже не общался, в отличие от Володи, с европейцами из гуманитарных миссий. Я заканчивал свою академическую карьеру в Америке, в Нью-Йорке, где жила моя дочь, преподавал в аспирантуре городского университета. Читатель, может быть, не знает, что этот городской университет – самый большой в мире, состоит из дюжины колледжей (почти каждый – величиной с РГГУ), но аспирантура – одна. И в ней, поэтому, столпотворение – студенты всех национальностей, от японцев до перуанцев, и самых разных политических убеждений, от сторонников Рейгана до пламенных фанатов Че Гевары. И спорили они отчаянно – как между собой, так и со мной. Очень трудно было достичь в моих классах консенсуса практически по любому вопросу. Кроме одного – о Милошевиче.

Никто не спорил, что он монстр. Никто не называл его иначе, чем «балканский мясник». Я честно пытался затеять хоть сколько-нибудь серьезную дискуссию. С большим трудом нашел профессора-серба, поклонника Милошевича, попросил его прочитать в моем классе лекцию, представить альтернативную точку зрения. Он представил – и тут начинаются мои личные впечатления.

Русских профессор презирал (капитулировали перед Западом без выстрела, слабаки); Милошевичем восхищался (он один высоко несет знамя Сопротивления, не сдался на милость Запада, как эти ничтожные восточные европейцы); выселение косоваров одобрил (нечего этим албанцам делать на сербской земле), развели тут шумиху. А суть в том, по его мнению, что во всем виноват Запад. Не вмешивался бы в наши дела – и все

было бы нормально (это, имея в виду, что число погибших в Югославии за время правления Милошевича превысило среди мирного населения 100.000 человек, а беженцев было 2,5 миллиона – в стране с населением всего-то десять миллионов?)

Но все равно: молодец профессор, вот уж поистине альтернативная точка зрения! Я ожидал привычных ехидных вопросов, горячего спора. И каково же, представьте, было мое удивление, когда после минуты оглушительного молчания аудитория вдруг дружно затопала ногами: Вон! И не унять ее было, пока не ушел гость. Я, конечно, следом и долго перед ним извинялся.

Итог: не принимал мир (а эта аудитория и была в миниатюре – мир) альтернативной точки зрения на Милошевича. А Россия приняла. Вот что я увидел воочию. Такое было у меня личное впечатление о косовской трагедии.

На следующий день сконфуженные студенты, понимая, что они меня подвели, объясняли свое поведение брезгливостью. Оправдание партаппаратчика, перековавшегося в свирепого националиста и развязавшего ради дикой имперской фантазии четыре войны в одном десятилетии, загубив десятки тысяч жизней, было слишком даже для фанатов Че. Они воспринимали его как слизняка: чем скорее раздавят, тем лучше. Представляете, как я был поражен, когда, приехав в очередной раз в Москву, обнаружил там культ Милошевича как героя и жертвы Запада? Большего диссонанса я и представить себе не мог. Для меня это было как – Россия против мира.

«Новый режим»

В 2001 году Дмитрий Шушарин, журналист из **Московских новостей**, моей тогдашней штаб-квартиры

в Москве, подарил мне брошюру под названием «Новый режим» и даже оставил закладку на странице, которую мне видимо, следовало первым делом посмотреть. Брошюра многое мне объяснила и, честно говоря, здорово испугала.

Оказалось, что в 2001 году Модест Колеров (ставший в 2005-2007 гг. начальником управления по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами Администрации Президента), взял на себя труд опросить в пространных беседах 13 сравнительно молодых людей своего поколения (1950-1960-х г.р.) на предмет того, что они думают о прошлом и будущем России в связи с «агрессией Запада против Югославии». Собеседники Колерова были разных убеждений, но все либеральные интеллектуалы (голосовали в 96-м против Зюганова). Конечно, это не были просто люди с улицы, тщательно отобранная публика. Колеров имел на них красиво: «производителями смыслов для своего времени». Больше того, публицистами, которые «вырабатывают язык общественного самоописания, самовыражения и риторики». И впрямь собрал он громкие тогда имена, среди его собеседников были Андрей Зорин, Максим Соколов, Александр Архангельский, Дмитрий Шушарин. Беседы эти и были изданы в том же 2001 году брошюрой под названием «Новый режим», пусть крохотным тиражом, но ценности как свидетельство времени, мне кажется, необыкновенной.

На странице, заложенной Шушарином, был его диалог с Колеровым. Тот его довольно косноязычно пытал: «Вот ты назвал себя националистом. При этом многие говорят о наблюдаемом сейчас националистическом возрождении, которое связывают с переживанием косовского кризиса. Но я помню, что в дни косовского кризиса ты менее всего выступал с осуждением американской политики, а больше фокусировался на

проблемах югославского режима, который привел страну к этому кризису. То есть в тот МАЙСКИЙ ДЕНЬ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА (выделено мною – А. Я.) ты оказался не со своим народом».

Будь я на месте Шушарина, я обратил бы внимание собеседника на известный афоризм В. С. Соловьева: «Да, национализм связан с национальностью, но на манер чумы или сифилиса». Путаница здесь походит на дурную шутку. Как можно перепутать «патриотическую истерию» с «национальным возрождением»? Или, на худой конец, сослался бы на мнение нашего современника, акад. Д. С. Лихачева: «Поскольку национализм вызван комплексом неполноценности, я сказал бы, что это психиатрическая аберрация». Но имея в виду, что Шушарин уже сморозил глупость, назвав себя националистом, ответил он достойно: «Сербы – не мой народ. Я считаю нормальным фокусироваться не на том, что делает Америка, а на том, что делает Россия. А ее действия оказались в стороне от всего происходившего». Он даже сравнил Милошевича с Гитлером.

Колеров не примирился, конечно, с поруганием святыни. Тем более что в запасе у него был всепобеждающий, по его мнению, аргумент: «Россия все-таки защищала свою идентичность, потому что с полным основанием понимала, что для Запада нет большой разницы – Югославия или Россия, просто Югославия доступна для изнасилования, а Россия пока нет». Но отступник стоял на своем: «В случае с Косово мы совершенно напрасно идентифицировали себя с сербами. Почему мы должны считать, что у нас больше общего с ними, чем с немцами, французами или американцами? Такая политика не рациональная и, в конечном счете, не национальная».

Шушарин был прав: заложенная им страница действительно сразу вводила в курс аргументации обеих

сторон. Проблема, однако, была в том, что подавляющее большинство тогдашних «производителей смыслов» – либеральных интеллектуалов, повторяю, – согласились не с ним, а с Колеровым (я его не знаю, но авторитетный, надо полагать, был тогда человек, если столько звезд российской публицистики согласились с ним беседовать). Несогласных было лишь трое. И вовсе не из робости, как инсинуировал летописец реванша, согласилось с Колеровым большинство, а по убеждению.

Это правда, пути этого большинства впоследствии разошлись: Максим Соколов станет ведущим публицистом казенных *Известий*, т.е. образцовым национал-патриотом, а Александр Архангельский, к его чести, будет мужественно искать выход из исторического тутика, куда завел страну этот «майский день русского национализма», не страшась обвинений, что он «не со своим народом». Но тогда, по свежим следам, они были заодно. В том числе и по поводу того, что, по словам Колерова, «весна 1999 надавала по щекам интернационалистам. Общественное мнение ждало той последней точки, когда сам Запад надает по щекам своей пятой колонне».

Значит, предчувствовало, подозревало это «общественное мнение», что интернационалисты в России – пятая колонна Запада? Только последней точки недоставало «толпам молодых людей, получивших западное образование, работавших за границей, белым воротничкам, чтобы настроиться вполне националистически». И вот Запад предоставил им неопровергнутую улику – в Косово! Нет, не в том, конечно смысле, что остановил варварскую этническую чистку – о ней вообще ни слова не было произнесено НИ В ОДНОЙ из 13 бесед, – но в том, что попытался, вопреки воле России, расчленить Югославию, перечеркнув героические

усилия Милошевича, мужественно отстаивавшего суверенитет своей страны. И с ней «идентичность России». А они, эти Шушарины и Зорины, безнадежное меньшинство, стали на сторону Запада. Ну, конечно же, пятая колонна!

Не захочешь, а вспомнишь чаадаевское: «У нас происходит настоящая революция в национальной мысли, не хотят больше Запада, хотят обратно в пустыню». Это, понятно, о временах Николая I, о котором тоже без доброго слова в колеровских беседах не обошлось. И в какой связи! «Если выбирать исторические параллели, то путинский образ ближе всего к образу Николая I, столь нелюбимого интеллигентами и репутационно замаранного, но при этом – абсолютно вменяемого... искренне национального» (это, увы, Архангельский). И про то, что антizападная революция в национальной мысли (которую Чаадаев так неосторожно сравнил с бегством «обратно в пустыню»), была не одномоментной вспышкой, а нарастала неуклонно, всю вторую половину ельцинского царствования, это тоже Архангельский: «От 1996 года до 1998-го было время вызревания нового русского национализма».

Этот «новый русский национализм» торжествовал победу в колеровских беседах. И самые хлесткие пощечины либералам принадлежали, ясное дело, Соколову: «Косово шокировало либеральных деятелей потому, что они так верили товарищу Клинтону, как, может быть, не верили себе». И так отчаянно подвел их упомянутый товарищ, что «когда получилась незадача, почва ушла у них из-под ног». Подразумевалось, естественно: кончилось ваше время, ваше гнилое, либеральное, ельцинское время: новый режим на дворе (отсюда и название брошюры). И майский день русского национализма два года назад – это только начало.

Увы, отдадим ему справедливость, прав он оказался – Максим Соколов, либерал-расстрига.

Заключение

Как странно, что только сейчас, когда я это пишу, понял я, наконец, почему так встревожила, так испугала меня та давняя брошюрка. Это Архангельский мог тогда восхищаться сходством путинского образа с образом Николая I. Я-то, посвятивший целый том своей трилогии тому страшному царствованию, знал, к чему может привести это сходство. И дело не только в том, что все и впрямь повторилось. Опять, как в николаевские времена, Россия против мира. Опять революция в национальной мысли – под знаменем «обратно в пустыню». Опять вторжение на чужую территорию (пусть украинскую теперь, не турецкую), словно своей мало. Опять территориальная клаустрофобия и демонизация неприятеля. Опять вызов мировому порядку.

В том еще дело, однако, чем все это тогда кончилось – в том же Крыму, между прочим. Я-то помню доклад главнокомандующего Крымской армией князя Горчакова на военном совете 3 января 1856 года: «Если бы мы продолжали эту борьбу, то... остались бы с тем, что некогда называлось великим княжеством Московским».

Я не видел фильма, посвященного годовщине аннексии Крыма. Если, однако, правда, как писал в *Гранях* Александр Скобов, будто Путин сказал в этом фильме, что, готовя вторжение, он приказал привести в боевую готовность ядерные войска, то хуже, непропорционально хуже обстоит дело. В ядерном веке это ведь равносильно полубезумному Манифесту Николая 14 марта 1848 года, тоже опубликованному в момент,

когда никто не собирался объявлять войну России, и она никому не объявляла. Напомню текст: «По заветному примеру православных наших предков мы готовы встретить врагов наших, где б они не представили... С нами Бог! РАЗУМЕЙТЕ, ЯЗЫЦИ, И ПОКОРЯЙТЕСЬ, ЯКО С НАМИ БОГ!».

А вдруг «языци» примут ядерный блеф нового, если прав был Архангельский, Николая всерьез, как приняли они когда-то блеф старого, и прибегнут к верному, уже проверенному не так давно средству его утихомирить? Я говорю о знаменитых в свое время «Першингах», ракетах средней дальности, размещенных в Европе, в 15 минутах лёта от Москвы. О тех самых, что уже заставили однажды капитулировать СССР. Спросите об этом Горбачева, он расскажет, почему считает важнейшим успехом своей международной политики удаление этих «Першингов» из Европы.

Конечно, есть Договор о ракетах средней дальности. Но был ведь и Договор об обычных вооружениях, из которого Россия в одностороннем порядке вышла. То же самое могут, согласитесь, сделать и «языци». Короче, дай бог, чтобы они не приняли Манифест Путина всерьез. Потому что он впервые переводит предсказанное, приходится повторить, еще Владимиром Сергеевичем Соловьевым немыслимое «самоуничтожение России» в сферу мыслимого. Вот что встревожило меня, как я теперь понимаю, в той давней брошюрке.

ПУТИН. НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ

Интерес к фигуре Путина понятен. Наряду с Горбачевым и Ельциным, он один из трех ключевых персонажей, определивших судьбу России в последние четверть века. А судьба эта в высшей степени загадочна: ни в одной из европейских стран бывшей советской империи не случилось за эти четверть века ничего подобного тому, что произошло в России. Разумеется, массовая демократическая мобилизация сопровождала крушение коммунизма повсюду. Но нигде, кроме России, не завершилась она – диктатурой.

Добавьте к этому и вторую загадку. Как Горбачев, так и Ельцин явились из партийных верхов, что не помешало обоим стать демократами. Путин пришел «из низов» – из затхлого вербовочного офиса КГБ в Дрездене – и стал диктатором. Мудрено ли поэтому, что не счастье журналистов, историков, политологов и просто свидетелей эпохи во всем мире, предложивших нам свои объяснения этих облазнительных загадок. Большинство, конечно, заинтересовалось загадкой личностной. Есть, однако, и такие, что ищут ее разгадку в истории России.

А что бросается в глаза при взгляде на эту историю? Разве не странная ее ДВОЙСТВЕННОСТЬ? С одной стороны, вековая самодержавная диктатура и крестьянское рабство, резко отделяющие ее от Европы, с другой – бессмертное и совершенно европейское культурное созвездие XIX века. Что читают, чью музыку слушают, чьи пьесы ставят в Европе и полтора столетия спустя? Разве не стоят там вровень с мировой классикой Толстой, Достоевский, Мусоргский, Чайковский, Чехов? И нельзя уже без них представить

себе сегодняшнюю Европу. Что же у нас получается? Словно о двух разных странах речь.

«Парадокс Кюстина»

Это то, что бросается в глаза каждому. А сколько открывается тому, кто копнет глубже? Иные ведь и старики Кюстина (**Empire of the Czar: A Journey Through Eternal Russia**. 1837) потревожили. Особенно страшное его заключение: «Обо всех русских, какое бы положение они ни занимали, можно сказать, что они упиваются рабством». Не обратили, однако, внимания Кюстин и его сегодняшние поклонники, что наблюдал он Россию всего лишь год спустя после публикации Философического письма Чаадаева и через двенадцать лет после восстания декабристов, т.е. русских, посвятивших жизнь свободе своей страны. Оказывается, рядом с той «рабской» самодовольной Россией, которую столь проницательно разглядел Кюстин, жила и другая – самокритичная, европейская, о существовании которой он даже не догадывался.

Запомните, читатель, этот парадокс (назовем его «парадоксом Кюстина»), мы еще не раз будем к нему возвращаться, пытаясь выяснить, каким образом со прягается он с загадками современной российской истории и с фигурой Путина.

Точнее всех, я думаю, интерпретировал этот парадокс один из самых замечательных эмигрантских мыслителей Владимир Вейдле. «В том-то и дело, – писал он, – что Мусоргский или Соловьев глубоко русские люди, но в такой же мере они люди Европы. Без Европы их не было бы. Но не будь их, и Европа была бы не тем, чем она стала». Удивительно ли, что естественным разрешением этого парадоксаказалось Вейдле и его единомышленникам, русским европейцам, самое простое:

«задача России в том, чтобы стать частью Европы, не просто к ней примкнуть, а разделить ее судьбу»?

И действительно, если забыть на минуту, что писалось это в 1956 году, когда еще не так давно умер Сталин, и железный занавес между Россией и Европой, воздвигнутый им, казалось, навсегда остался – и впереди еще были Берлинская стена и Карибский кризис, если забыть обо всем этом, разве не было единственным разрешением «парадокса Кюстинга» то, что предложил Вейдле? Что не может быть Россия великой державой вне Европы? Не в самодержавной диктатуре же и тем более – не в «упивании рабством» ее величие.

Едва рухнула, однако, Берлинская стена – и с нею очередная, сталинская на этот раз, самодержавная империя, – как выяснилось, что далеко не всем в России очевидно разрешение «парадокса Кюстинга», предложенное Вейдле. Более того, оказалось, что для многих никакого такого парадокса вообще не существует. Ибо, как это ни странно, именно в диктатуре и в рабстве и есть, по их мнению, величие России.

Вот голос этих многих (расцвеченный, конечно, сознательными романтическими красками): «Иосиф Сталин – плод религиозного сознания русских. Соединение земной личности с ее небесным проявлением делает эту личность непоругаемой. Икона Сталина продолжает и сегодня сиять в своей восхитительной божественной красоте». Это из речи Проханова о «мистическом сталинизме».

Понимаю, тон, как всегда у него, невыносимо выспренний, раздражает. Но если на минуту отвлечься от тона и от реалий, увидим, что, по сути, говорит-то Проханов то же самое, что два столетия назад – Карамзин. Пусть имел в виду Карамзин совсем других царей, пусть для такого кровавого пятна, как родоначальник русского самодержавия и в этом смысле – предшественник

Сталина Иван IV, умел он найти подходящие слова: все-таки был он, говоря словами Вейдле, «человек Европы», но смысл, СМЫСЛ его речей был тот же – прохановский. Судите сами: «Самодержавие основало и воскресило Россию, с переменою государственного устава она гибла и должна погибнуть... Самодержавие есть Палладиум России. Целость его необходима для ее счастья».

Вот в этом противоположении двух фундаментальных российских нарративов (не избегнуть мне на этот раз чужого слова, очень уж по-карамзински звучит его русский эквивалент «повествование») – в признании или в отрицании «парадокса Кюстина» – только и возможно, думаю, понимание истории. Никто не сказал этого строже и проще перед лицом Карамзина, чем Пушкин: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе».

Как бы то ни было, два этих предложения, два полюса – Вейдле и Карамзина, – между которыми мечется в цивилизационной своей нестабильности Россия, и есть для меня, как уже знает читатель, главный критерий, с точки зрения которого оцениваю я все, что пишут и говорят о России и Путине.

Пусть и следа не осталось от сталинского железного занавеса, пусть нового Карибского кризиса и на горизонте не видно, но в том, что я читаю сегодня, о «парадоксе Кюстина» по-прежнему никто не вспоминает. Словно забыли, что не было еще ни одной диктатуры в России, которая не сопровождалась бы оттепелью (или перестройкой). И не так уж, возможно, далек час, когда придется миру иметь дело с другой Россией, с Россией Вейдле. Как станет он строить отношения с ней? Неужто, так же, как с недавно миновавшей, горбачевской? Измельчали мы так, и не по зубам нам больше великие вопросы? Вот лишь несколько современных примеров.

Краткий обзор

Вот Карен Давиша, американский политолог, посвятившая изучению России всю жизнь (Karen Davisha. *Putin's Kleptocracy. Who Owns Russia.* 2014). Она тоже в итоге склоняется к мнению Юстина: не дано России избавиться от произвола власти, от рабства. В частности, впрочем, исходит она из того, что КГБ играл значительную роль в частном бизнесе еще задолго до коллапса СССР. Еще важнее, что вывез КГБ, она утверждает, «в оффшоры деньги партии, искалечив, таким образом, режим Горбачева». Здесь, по ее мнению, корни гебешной клептократии, т.е. тотального разграбления страны «ПОД ПРЕДЛОГОМ (выделено мною. – А. Я.) восстановления величия России». И потому, заключает она, Путин «не более чем вор».

Этому, правда, противоречит утверждение путиниста-расстриги Г. О. Павловского, которое она цитирует: «Путин принадлежит к очень распространенной, но политически невидимой группе, которая с конца 1980-х ищет возможность реванша в связи с распадом Советского Союза». Давиша не верит. И, похоже, зря. Да, Павловский ошибается по поводу «невидимости» группы реванша, в конце концов, группа эта устроила в августе 1991-го очень даже видимый путч против Горбачева, и Путин (тогда еще при Собчаке) не мог быть даже в числе сочувствующих. Но Павловский не ошибается насчет «распространенности» реваншистских идей в России. И, состоя в стратегах раннего Путина, он вполне мог наблюдать зарождение в нем этих идей, которые со временем могли стать и определяющими.

Но Давиша уже заряжена на свою «клептократическую» гипотезу. И потому заключает, что «Путин и его окружение С САМОГО НАЧАЛА (выделено мной. – А. Я.) строили авторитарный режим, дающий им

возможность безнаказанно грабить страну», а «восстановление величия» – это всего лишь, как мы уже слышали, предлог, обеспечивающий поддержку националистически настроенной общественности и масс. Короче, скорее – бандитская шайка, чем идейная группа. Мне эта гипотеза кажется несколько наивной для такой советологической «волчицы».

Наша соотечественница Маша Гессен (*The Man Without a Face. 2012*) не так наивна, конечно. Но она тоже думает, что Путин обыкновенный жлоб, человек без лица, случайно попавший на вершину власти в хаосе крушения СССР. И группа его объединена лишь «неконтролируемой жадностью», которую она называет *pleonexia*, перечисляя 20 официальных резиденций, 58 самолетов, 4 яхты и часы на 700 тыс. долларов.

Много ли Вы видели, однако, читатель, случайных людей, сумевших стать «национальными лидерами» великой державы и удержаться на ее вершине полтора десятилетия?

Куда сложнее портрет Путина, нарисованный моей старой знакомой Фионой Хилл в соавторстве с Клиффордом Гэдди (*Fiona Hill and Klifford Gaddy. Mr. Putin: Operative in the Kremlin. 2013*). У них Путин постоянно снует между шестью (!) собственными ипостасями: Государственник, Человек Истории (в смысле: преклоняющийся перед государственными людьми царских времен), Выживатель (*Survivalist*), Аутсайдер (в смысле: не москвич, не аппаратчик, даже не типичный офицер КГБ), Сторонник свободного рынка и Оперативник (добивающийся преданности посредством манипуляций, подкупа и шантажа). Неясным остается лишь, как из всей этой смеси получается диктатор.

На другом, апологетическом, полюсе голосов тоже хватает. Вот Николай Леонов, бывший главный аналитик КГБ, которого цитирует та же Давиша. Этот,

невольно подтверждая догадку Павловского, считает Путина главой «ордена патриотов и сторонников сильного государства, основанного на вековой традиции и рекрутированного историей для возрождения великой державы». Но вяжется ли эта великодержавная риторика с той же клептократией? «Великая клептократическая держава» – звучит странновато, не правда ли? Особенно в сочетании с «рыцарским орденом, рекрутированным историей».

Не так патетически, но более реалистично вспоминает Путина бывший глава Петросовета Александр Беляев, которого цитирует журналист Бен Джуда (Ben Judah. *Fragile Empire: How Russia Fell In and Out of Love With Vladimir Putin*. 2013): «Путин был экспертом в обретении друзей и был лоялен к друзьям. Он блестящий знаток человеческой натуры и очень хорош в тактике».

Сам Джуда так суммирует смысл своей книги: «Что привело Путина к власти и позволило ему сохранить ее, это способность контролировать вечный российский кошмар тотального коллапса». Другими словами, Путин – циник, ловко эксплуатирующий страхи соотечественников. Означает ли в этом случае заголовок книги, что Путин утратил эту ключевую «способность контролировать» страну (*fell out of love*)? Автор склоняется к тому, что да, означает. Пока что российская реальность не подтверждает его оптимизм.

Но все это, да простят меня уважаемые авторы, ни на йоту не приближает нас к объяснению того, что произошло с Россией за полтора путинских десятилетия. В самом деле, Россия пережила за эти годы коренное изменение самого вектора своего развития – от состояния, близкого к интеграции с Европой, сопровождавшегося каскадом реформ и замечательно быстрым ростом экономики (с 196 миллиардов долларов

ВВП в 1999 году до 2,1 триллионов в 2013), до конфронтации с Европой, сопровождающейся стагнацией и нулевым ростом. И все это время диктатор оставался «вором», как думает Давиша, или «жлобом», как думает Гессен? Как же в этом случае объяснить всю эту динамику, всю загадочную трансформацию, пережитую за это время страной, которую он возглавляет?

Скажут: Путин здесь ни при чем, это все цены на нефть? Но ведь опять не получается. В первый президентский срок Путина, когда сближение с Европой было максимальным, нефть продавалась в среднем по 35 долларов за баррель, но темпы роста экономики были стремительными, во второй срок, когда сближение забуксовало, цены в среднем стояли на отметке 65 долларов, но рост экономики замедлился, а в недавние годы, когда отношения совсем испортились, и цены на нефть превысили 100 долларов за баррель, экономика впала в стагнацию. Так от чего зависят успехи России – от цен на нефть или от степени ее сближения с Европой? Стоило нам ввести в уравнение еще одну переменную – и картина переменилась. Выходит, что от сближения с Европой зависит не только культурное величие России, но и элементарная эффективность ее экономики?

Проблема одиночества

Боюсь, ускользает Путин от упрощающих определений, вроде «вора» или «жлоба», есть у него идеяная подоплека, способная, причем, к эволюции, и человек он скорее сложносочиненный, как предположили Хилл и Гэдди (хотя и снует он совсем не между теми микрокомпонентами, которые они ему приписали, но между теми же двумя макро-блоками, между которыми на протяжении столетий колеблется его

сложносочиненная страна). В сегодняшней реальности называются эти блоки: «Российская Федерация как часть Европы» и «Российская Империя, в одиночестве бороздящая просторы мировой политики» (как бороздили их еще в первой половине XX века Британская, Французская, Бельгийская, Голландская или Португальская империи).

Что-то случилось, однако, во второй половине века: вековые европейские империи вдруг стали выглядеть анахронизмом. И дело не только в том, что все эти империи, так или иначе, распались. Важнее, что, едва избавившись от своих империй, все эти страны, кроме России, словно и впрямь услышав грозное предостережение Чаадаева об опасности ОДИНОЧЕСТВА «в мировом потоке», избавились от такого одиночества, объединившись. Не услышала это предостережение одна Россия, которой, собственно, и завещал его (какая ирония!) Чаадаев. С этим, похоже, и связана действительная проблема Путина.

«Две души в душе одной»

Как знает читатель, знакомый с логикой этой книги, я не первый и даже не десятый, кто говорит о ДВОЙСТВЕННОСТИ России. Вся философская и политическая мысль России XIX, самого плодотворного в русской истории века, была, по сути, посвящена обсуждению этой проблематики. Я лишь дал этой двойственности имя «Испорченная Европа». Здесь не место говорить о происхождении этой «порчи»: мы с читателем подробно выяснили его еще в трилогии «Россия и Европа, 1462-1921», затронули и в первой книге «Русской идеи». Здесь, в преддверии ее последней, четвертой книги, посвященной ее истории в годы правления Путина, примем эту двойственность как данность. Тем

более, что именно нам выпало на долю несчастье – или привилегия – наблюдать ее проявление собственными глазами.

Краткий обзор новейшей западной литературы о Путине, с которого я начал эту главу, свидетельствует, мне кажется, об одном: мало кто на Западе – да и в России – сегодня понимает, что имеет дело, по сути, с **ДВУМЯ** противостоящими друг другу Россиями. И что писать о Путине, не отдавая себе отчета в том, какую именно из этих двух он представляет, беспредметно. Да, для сиюминутного анализа это, быть может, не так и существенно, но для будущего России – и мира, для оттепели, которая неминуемо наступит, как всегда наступала она в русской истории после каждой диктатуры, это первостепенно важно.

Европейская Россия сокрушила советскую империю, евразийская пытается ее воссоздать (насколько это в современном мире возможно). Исключительная мощь имперского реваншизма объясняет загадочность поведения России в посткоммунистическом мире (ни в одной из распавшихся во второй половине европейских империй ничего сопоставимого не было). Какую из этих двух России представляет Путин, и **до какой степени представляет** – вот в чем, повторяю, на самом деле вопрос. К сожалению, никому из упомянутых авторов он в голову не пришел.

«Невводилы победили»

Так назвал свою недавнюю статью один из ярчайших идеологов евразийской России Александр Дугин. «Невводилы» – это, на его языке, противники открытого введения российских войск в Украину, предатели его имперской мечты, «шестая колонна», окружающая Путина (хотя временами кажется, что относит он к ней

и самого Путина). Во всяком случае, один пассаж не оставляет в этом сомнений. «**Те, кто нами правит**, – пишет Дугин, – нас ненавидят и боятся. Это факт». В результате их нерешительности и страха «Украина перешла в лагерь врагов, блокировав саму возможность нашего имперского возрождения. Россия оказалась в капкане». Но самое интересное дальше. «Тем самым, – продолжает Дугин, – Россия так и не ответила на вопрос: «Тварь я дрожащая или право имею».

Эта отсылка к «Преступлению и наказанию» Достоевского как лучом света осветила переживания Дугина и самого Путина. И расхождение между ними тоже. В одной из глав этой книги я заметил мимоходом, что описал этих персонажей, быть может, еще Федор Михайлович. Дугин подтвердил. Да, они понимают, подобно Раскольникову, что вторгаясь в Украину и анексируя Крым, они совершают злодеяние. Но наполеоновский комплекс вынуждает их его совершить. Разница лишь в том, что Дугин уверен: Россия (в силу своего мессианского предназначения) «право» на преступление имеет, а Путин – не уверен. Во всяком случае, чувствует, что есть порог, созданный Горбачевым и Ельциным, «его же не преидеши». В его случае порог этот – «холодная война» с Западом, отмененная его предшественниками. Дугин-то спит и видит ее возобновление, он и перед ядерной войной не остановился бы (см. Приложение «Янов vs Дугин. Диалог о будущем России»). А для Путина остатки лояльности к предшественнику, которому он обязан своим фантастическим карьерным взлетом, оказывается, непреодолимы.

И это возвращает нас к Ельцину, к началу путинского взлета на вершину, к временам, когда был он к ней лишь «на дальних подступах» и судьба его полностью зависела от воли царя Бориса. И царь был милостив

к нему. К этому мы сейчас и перейдем (оставив дальнейшее развитие темы Дугин vs Путин четвертой книге «Русской идеи»).

Первый звонок

Впервые мысль о наследнике «для сохранения преемственности курса и власти» пришла в голову Ельцину, по-видимому, еще в середине его первого срока. Известно, во всяком случае, его восклицание: «Я нашел себе преемника!» летом 1994 года, во время посещения Нижнего Новгорода после знакомства с его молодым – и образцовым – мэром.

Ничего удивительного. Тридцатичетырехлетний богатырь, кудрявый красавец, любимец города, мэр этот тотчас покорил царское сердце. Тем более, что город был трудный – «закрытый» при советской власти, – напичканный военными заводами. Для убежденного демократа справиться с таким городом, да еще с рейтингом 70 %, было в то время событием поистине

экстраординарным. Короче, вопрос о «наследнике» был решен в ту же минуту. Звали наследника Борис Немцов.

Во всяком случае, Ельцин взял Немцова с собой в Америку, где без колебаний рекомендовал его Клинтону как своего преемника. Вскоре то же самое повторилось в Германии, где он был представлен в этом качестве канцлеру Колю. Не менее,

Б. Е. Немцов

однако, важно то, что с момента своего знакомства с Немцовым Ельцин твердо решил, что наследовать ему будет человек, как он, – демократ. Пусть не обязательно Немцов, царское сердце переменчиво, но непременно молодой. Мужчинам в возрасте путь в это сердце был заказан, как еще предстояло узнать и командарму Лебедю с его «брутальной харизмой», и мэру Москвы Лужкову с кепкой, прикрывавшей безнадежную лысину, и фавориту трудящихся масс «дедушке» Примакову.

Так или иначе, Немцов выпал из тележки, едва он открыто пошел против царской воли. В начале 96-го, когда Ельцин не был еще готов к замирению в Чечне, а бунт демократов в Президентском совете достиг точки кипения (многие из них, как мы помним, покинули совет), Немцов самовольно собрал у себя в Нижнем Новгороде миллион подписей за мир и доставил мешки с подписанными листами к Спасским воротам Кремля. Это был своего рода перформанс. Столь демонстративной нелояльности Ельцин «наследнику» не простил. Впрочем, он не был злопамятен и после выборов (и прекращения войны в Чечне) приложил много сил, чтобы соблазнить Немцова должностью вице-премьера в правительстве, даже дочь свою Татьяну послал в Нижний его уговаривать, но из числа преемников его исключил.

Опять импичмент?

Предубеждение против людей в возрасте у Ельцина, однако, осталось. И когда старый верный премьер Черномырдин начал проявлять – или так Ельцину померещилось – президентские амбиции, царь его в марте 98-го уволил и назначил вместо него совсем уже молоденького Сергея Кириенко, «киндер-сюрприз», как тотчас окрестили его в прессе (Путина царь

уже краем глаза тоже приметил и поставил в июле 98-го в обход многих заслуженных генералов во главе ФСБ). Неопытный Кириенко, конечно, не смог совладать с откровенной враждебностью Думы (а «думский курс, – таково было заключение Гайдара, – был вполне очевидно направлен на развал финансовой стабильности»), и кончился весь этот молодежный эксперимент августовским дефолтом.

Призванного обратно Черномырдина Дума, как мы помним, не приняла, роспуска не испугалась, страна бурлила (помимо всего прочего, в связи с событиями в Косово начиналась тогда в России первая в постсоветское время «патриотическая истерия», о которой глава семнадцатая) и пришлось призвать «красное» правительство Примакова. Чем это кончилось, мы уже знаем. Чего мы еще не знаем, это то, что в связи с увольнением Примакова Дума вспомнила старую, подзабытую с 92-го года тактику отчаянной игры ва-банк. 15 мая 99-го, через три дня после отставки «красного» правительства состоялось голосование по началу процедуры отрешения президента от власти (импичмент). Только на этот раз обвинений было выдвинуто целых пять: развал СССР, государственный переворот октября 93-го, чеченская война, подрыв обороноспособности страны, геноцид русского народа.

Нужно ли говорить, что последняя попытка импичмента кончилась не лучше для его организаторов, чем первая? **Ни один** из пунктов обвинения не собрал 300 голосов, необходимых для отрешения президента. Короче, пшиком она кончилась. Летописец реванша изобразил, впрочем, и это сокрушительное поражение как победу оппозиции. Каким образом? Оно сорвало, оказывается, «сохранение пожизненной власти Ельцина под видом «переизбрания» на третий срок или

реставрации монархии под его регентством». И пишет же такое человек в 2007 (!) году, УЖЕ ЗНАЯ, что несколько месяцев спустя после провала импичмента ушел Ельцин **досрочно**, отказавшись досидеть у власти до окончания даже ВТОРОГО своего срока. Поистине «треснувшее зеркало»...

Рывок Лужкова

И, кстати, уже твердо решив уйти досрочно, Ельцин публично подтвердил 6 июля 99-го то, о чем раньше мы могли только догадываться: «В России должна родиться новая власть – молодежь с новыми государственными идеями – при сохранении, конечно, преемственности курса». И для своих, как немедленно стало известно прессе, добавил: «Кандидатуру Лужкова мы не обсуждаем». Словно бы для того, чтобы подтвердить свою решимость, в самый день отставки Примакова Ельцин назначил и.о. премьера молодого министра внутренних дел Сергея Степашина.

И в первом же своем официальном заявлении Степашин сказал: «Величие России должно строиться не на силе, не на пушках, а на культуре, на интеллекте». Вот вам и «новая государственная идея». Степашин представлял европейскую Россию. Удивительно ли, что демократы поддержали его единодушно?

Сергей Юшенков не колебался: «Какие еще

С. В. Степашин

нужны доказательства? В течение десяти лет Степашин не менял своих демократических убеждений». Как заметил по этому поводу обозреватель «Литературной газеты» Олег Мороз, «редко про какого генерала такое можно услышать» (Степашин был генерал-полковником милиции). Немцов заявил в Лондоне: «Сергей Степашин – современный либеральный политик, близкий по своим взглядам социал-демократам. Его правительство более прогрессивно и более современно, чем правительство Примакова». Гайдар обратился к Ельцину с просьбой «сохранить правительство Степашина».

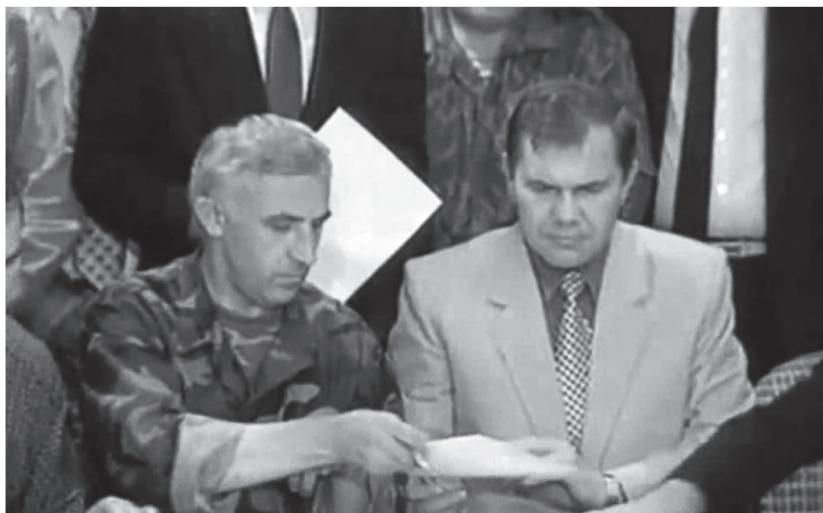
Это самая загадочных истории тех решающих месяцев: чем не подошел Ельцину Степашин, молодой, высокий, красивый, абсолютно надежный. Тем более что он стремительно набирал очки в общественном мнении. Опрос начала августа показал, что Степашин выигрывал у Лужкова, у Зюганова, у Явлинского, уступая только Примакову. За полтора месяца! И в Кельне «большая восьмерка» его приветствовала, и Дума не отвергла его, как Черномырдина. Но ... царская душа – потемки.

Москва, ул. Гурьянова, д. 9. 9 сентября 1999 г.

Так или иначе, московский мэр решил почему-то, что именно тогда настал его час. Начал он с требования наказать виновников «предательского Хасавюрта»: «С этого началось воровство людей, выкупы, рабство, бандитизм, и вот теперь террор». В Хасавюрте генерал Лебедь подписал соглашение о прекращении огня с Масхадовым. А террор, о котором говорил Лужков, действительно был, хотя никто не мог тогда объяснить, откуда он взялся. Лужков, однако, немедленно приписал его чеченцам. Чтобы читателю было легче понять, в каком состоянии была в этом кошмарном «месяце взрывов» страна, придется прервать наш рассказ о рывке Лужкова и вкратце напомнить, о чем речь.

31 августа 99-го произошел взрыв в торговом центре на Манежной, 4 сентября был взорван дом в Буйнакске (погибло 64 человека), 9 сентября – взрыв в девятиэтажном доме в Москве на ул. Гурьянова (погибло 106 человек), 13 сентября – взрыв в восьмиэтажном доме на Каширском шоссе (погиб 131 человек),

А. А. Масхадов и А. И. Лебедь. Подписание Хасавюртовских соглашений

16 сентября – взрыв в Волгодонске (17 погибших). То было страшное время: никто нигде больше не чувствовал себя в безопасности. Но кончилось оно так же внезапно и непонятно, как началось.

23 сентября прекратил всеобщую панику таинственный инцидент в Рязани, где жильцы обнаружили в подвале своего дома мешки с сахаром, из которых торчали провода, и вызванная милиция нашла в мешках взрыватель и часы, установленные на шесть утра. 24 сентября министр внутренних дел, а вслед за ним и недавно назначенный премьером Путин призвали перепуганное население к бдительности. Но в тот же день представитель ФСБ заявил, что никакой опасности не было, в мешках был обыкновенный сахар, проходили учения. Странные, согласитесь, учения, о которых не знали ни полиция, ни министр, ни даже премьер! И откуда в сахаре взрыватель и часы? И, главное, почему после того, как «учения» были обнаружены жильцами одного дома в Рязани, взрывы ПО ВСЕЙ СТРАНЕ прекратились, словно их и не было? Между тем, погибли люди, много людей. По Москве поползли слухи о скорой отставке Путина.

Для нас, однако, важно здесь, что уже в начале сентября Лужков был уверен, что знает ответ: виноват «предательский Хасавюрт», не добили, то есть, уже разгромленных в 96-м году чеченцев (напомню, что 6 августа 96-го «разгромленные» чеченцы штурмом взяли Грозный и деморализованные федералы отступали по всему фронту). Но Лужкова подробности не интересовали, он знал, повторяю, ответ: дома взрываются из-за «предательского Хасавюрта». Кто они, однако, эти предатели? Генерал Лебедь, подписавший соглашение о прекращении огня? Но в хасавюртском соглашении было всего несколько фраз. Настоящий «Договор о мире и принципах взаимодействия между

Российской Федерацией и Чеченской республикой Ичкерией» был подписан 12 мая 1997 года президентом Ельциным. И центральный его пункт гласил: «Высокие договаривающиеся стороны, желая прекратить вековое противостояние, стремясь установить прочные, равноправные и взаимовыгодные отношения, договорились строить свои отношения в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права и **навсегда** отказаться от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов».

Может ли быть сомнение, что «предательский Хасавюрт» был в устах Лужкова лишь псевдонимом этого Московского договора и предателем был для него Ельцин? И что на самом деле бросил он открытый вызов не только курсу на мир с Чечней, но и чести России, воплощенной в подписи ее президента? И что прав был пресс-секретарь Ельцина Дмитрий Якушкин, когда сказал, что

Е. М. Примаков

Ю. М. Лужков

С. Л. Доренко

«кое-кто хочет использовать взрывы домов, чтобы захватить власть»? Тем более, что, выступая 17 сентября в Бауманском институте, Лужков прямо заявил, что Ельцину «пора уже задуматься о вечном»?

Ревизия Московского Договора с Чечней не осталась, впрочем, единственным вызовом Лужкова «преемственности курса». Столь же яростно атаковал он и «Большой» российско-украинский Договор: «Мы теряем Севастополь, Крым, опору на Черном море и толкаем Украину в НАТО». Добавьте к этому его выступление на учредительном съезде созданного им движения «Отечество» 19 сентября, в котором он обвинил во всех бедах России «агрессивное вторжение западных моделей экономики», – и трудно избавиться от ощущения: перед нами черновик сценария, полностью опровергающего «преемственность курса», которой так дорожил Ельцин. Сценария, включающего войну с Чечней, затем с Украиной и «холодную войну» с Западом.

Другое дело, что – обычная ирония истории – набрасывал Лужков этот сценарий вовсе, как выяснилось, не для себя, ему-то суждено было уйти в политическое небытие осмеянным, обесславленным. Человек, для которого набрасывал он будущий антиельцинский, антиевропейский сценарий российской политики, пока что оставался в глубокой тени. Путин, правда, как-то слишком быстро продвигался по служебной лестнице – уже через девять месяцев после назначения директором ФСБ Ельцин сделал его секретарем Совета безопасности, курирующим все силовые структуры, – но в поле зрения публики он еще не попал. Там фигурировали Лужков и Примаков как наиболее вероятные кандидаты в президенты после Ельцина.

Вот тогда-то впервые поняла Россия решающую роль телевидения как оружия массового поражения. Звучит

парадоксально, но дорогу Путину на публичной арене, практически устранив с нее обоих вероятных соперников, проложил профессиональный телекиллер Сергей Доренко, имевший, правда, в своем распоряжении центральный канал страны (OPT). Оба не выдержали издевательского телевизионного расстрела, после которого Лужков выглядел в глазах публики «вором-наперсточником», а Примаков дряхлым старцем, неспособным передвигаться пешком из-за своих «механических тазобедренных суставов». Достаточно сослаться на обзоры общественного мнения, согласно которым начальный президентский рейтинг Лужкова в октябре 96-го был 5 %, в октябре 98-го, когда он откровенно рванулся к власти, достиг пика (17 %), а в конце октября 99-го, после публичных издевательств Доренко, вернулся к начальным безнадежным 5 %.

Путин выходит из тени

Даже такой чуткий наблюдатель российской политики, как Чубайс, не уловил вовремя фатальность этого телевизионного избиения. Когда 9 августа Ельцин неожиданно уволил Степашина, назначив и.о. премьера Путина, интуиция изменила Анатолию Борисовичу: в будущее Путина он не поверил. (Во всяком случае, упрекая в этой смене Волошина, предсказывал он совсем другой ее исход. Вот что он говорил, как сообщала пресса: «Вы просто гробите страну. У вас есть реальный кандидат в президенты, абсолютно вменяемый, представитель нового поколения. Вы просто приведете к власти Примакова с Лужковым. Это я вам гарантирую на 100 %»). И правда, не смотрелся маленький невзрачный подполковник рядом с представительным молодым генералом, которому царская воля внезапно перебила ноги.

Удивительно, но, как свидетельствует опрос общественного мнения, публика согласилась с ненавистным ей Чубайсом. Опрошенные не одобрили увольнение Степашина. Даже в большей степени не одобрили, чем увольнение Примакова (82 %!) Я не знаю, какие были у Степашина враги, не давшие ему проработать и сто дней. Знаю лишь, что он твердо стоял за переговоры с Масхадовым и действительно готовил его саммит с Ельциным. Отсюда вроде бы следует, что враги действительно были – с обеих сторон. В Москве эта была «партия войны», сложившаяся среди силовиков, не простивших Масхадову «преступного Хасавюрта». Она, эта партия собственно, и говорила голосом Лужкова. Летописец реванша точно выразил ее позицию: «В 1996 году Кремль обеспечил победу чеченцам в проигранной ими войне», а в 99-м «в Чечне не с кем вести переговоры, с бандитами не переговариваются». В Грозном врагами были «ястребы» во главе с Басаевым, считавшие Масхадова «чеченским Дон Кихотом» и уверенные, что русские понимают только язык силы и переговоры бесполезны.

Казалось бы, Ельцин, который подписал в 97-м московский Договор с Масхадовым, обещавший – помните? – «НАВСЕГДА отказаться от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов», должен был поддержать позицию Степашина, как тот и надеялся. Но Путин неожиданно перевел разговор в свою излюбленную геополитическую плоскость. Вот такой он предложил аргумент: «Некоторые реакционные круги мусульманских стран стремятся использовать Чечню в качестве легкоуправляемой мятежной зоны для того, чтобы решить свои геополитические задачи на территории России, создать новое государство от Каспия до Черного моря с целью завладеть минеральными ресурсами этого региона».

На Ельцина, небольшого знатока геополитики, такая конспирологическая риторика в духе Дугина, особенно из уст секретаря Совета безопасности, курировавшего Службу внешней разведки, должна была произвести большое впечатление. Кто их знает, «эти реакционные круги мусульманских стран»? А вдруг они и впрямь планируют расчленение России? Возможно, поэтому он и предпочел эту полную непонятных угроз абракадабру простецкой позиции Степашина, твердившего, что, если мы хотим сохранить мир в Чечне и «преемственность курса», надо помочь Масхадову справиться со своими «ястребами», помочь, если понадобится, даже силой. Конечно, это всего лишь догадка, основанная отчасти на личном опыте: очень уважал Ельцин ученых людей, говоривших замысловатым языком.

Так или иначе, после того, как, басаевские «ястребы» вторглись в Дагестан (и в составе вторгшихся банд оказались – опять-таки согласно докладу путинского СБ – арабы, турки и даже негры), Ельцин позволил Путину использовать лужковскую пугалку «дома взрываются из-за Хасавюрта» как предлог для развязывания новой войны. Позволил даже 23 сентября, когда Масхадов запретил своим противоздушным силам открыть огонь по российским самолетам, наносившим ракетно-бомбовые удары по грозненскому аэропорту, – отчаянный жест в надежде, что в последнюю минуту Ельцин вспомнит о своей подписи под московским Договором. Даже 25 сентября, когда президент Ингушетии Руслан Аушев напомнил Ельцину, что он все еще президент.

И ведь, правда: не было еще поздно, Путин был совершенно неизвестен публике. Как показал первый же опрос после его назначения, 24 % опрошенных предсказывали ему не больше трех месяцев в кресле премьера, 28 % – полгода, его рейтинг был 1 (один!) %, Дума утвердила его большинством лишь в семь голосов.

Одного росчерка президентского пера хватило бы, чтобы переиграть игру, отстоять «преемственность курса», предотвратить войну – и с ней первый акт лужковского сценария. Иными словами, не позволить России снова впасть в евразийскую ловушку. Но царь уперся. А царская душа, как мы уже говорили, – потемки.

Контрнарратив

Все, что рассказано выше, связано лишь с одной версией того, как начинался Путин. Есть, однако, и другая версия, своего рода, контрнарратив, куда более популярный. Особенно среди иностранных авторов, пишущих о Путине. Он связан с тем, что с легкой руки Евгения Киселева принято называть мафиозной кличкой «семья» (вместо общепринятого «команда») Ельцина, и в нем даже не упоминается, например, «телерасстрел», или, если хотите, «телеубийство» Лужкова и Примакова на ОРТ, практически устранившее, как мы уже говорили, с дороги Путина к власти обоих главных его конкурентов. Зато сосредоточен этот контрнарратив на панике, охватившей «семью» в связи с образованием блока между «Всей Россией» Примакова и лужковским «Отечеством» (с непроизносимым названием «Отечество – Вся Россия», сокращенно ОВР), блока, который невозможно было бы, по мнению «семьи», остановить без второй чеченской войны.

Еще расскажет нам контрнарратив о суетливом Березовском, в голове которого клубились самые невообразимые «проекты», одним из которых был проект «Путин – это реальный человек, который, в отличие от всех других кандидатов, готов и способен продолжать курс Ельцина». И о многом другом контрнарратив нам расскажет. Но смысл его в том, что президентство Путина было предопределено, и дорога к нему лежала

через кровавую войну с Чечней – и страшный «месяц взрывов». По сути, эта версия доминирует в сегодняшней литературе о Путине. И не случайно: она очень хорошо документирована. Вот примеры.

Иан Бломгрен еще 6 июня писал в *Svenska Dagbladet*, что «группа очень влиятельных людей в Кремле планирует взрывы в Москве, в которых можно будет обвинить чеченцев». О том же намекнул в середине июня в *Литературной газете* переводившийся Джульетто Кьеза, который представлял теперь в Москве не коммунистическую *Unita*, а либеральную *La Stampa*. Сентябрьскому рейду басаевских «ястребов» в Дагестан, спровоцировавшему новую чеченскую войну, предшествовали, согласно некому транскрипту, записанному якобы дагестанским ФСБ, секретные переговоры Березовского с эмиссарами Басаева Мовлади Удуговым и Казбеком Машадовым, в которых Березовский будто бы «обещал им оплатить вторжение в Дагестан». В июле еще одна «запись» разговора в частном доме на французской Ривьере, из которой явствовало будто бы, что человек, «напоминавший главу президентской администрации Волошина», договаривался о том же с самим Басаевым. Тому был обещан приход к власти в Чечне в обмен на выдворение его банд из Дагестана российскими войсками, «маленькой войны, пограничного конфликта, в общем большого перформанса с фейерверком».

Хорошо знакомый читателю по второй книге «Русской идеи» мой постоянный оппонент в Америке Джон Денлоп, воспевавший в свое время ВСХСОН и вообще русских националистов как единственную реальную альтернативу коммунизму, написал по поводу этих предполагаемых переговоров Волошина с Басаевым и взрывов в Москве целую книгу. **«The Moscow Bombings of September 1999»**. Он утверждает, что

французская и израильская разведки подслушали весь разговор. Борис Кагарлицкий, которого цитирует Да-виша, подтверждает насчет французов (хотя источники неясны).

Впечатляющий в целом букет доказательств, вы не находите? Картина контрнарратива вырисовывается такая. Перепуганная неостановимым, по ее мнению, маршем ОВР «семья» организовала новую чеченскую войну, соблазнив Басаева властью в Грозном (и, конечно, обманув его), а для того, чтобы эта война выглядела в глазах публики в России абсолютно необходимой, не остановилась перед человеческими жертвоприношениями во взорванных домах. Зверская картина. Я не берусь ее оспаривать. Все возможно в российской политике. Но дыры в ней, согласитесь, все-таки зияющие.

В самом деле, никакого ОВР и в помине не было в июне 99-го, когда, как мы помним, Бломгрен и Кье-за сообщили о какой-то влиятельной группе в Кремле, планировавшей взрывы (даже лужковское «Отечество» создано было лишь 19 сентября). Предполагаемые переговоры Березовского были тоже в июне, Волошина – в июле. Причем здесь в таком случае ОВР? Откуда столь жестокий перепуг, если тогда лишь начиналось премьерство Степашина, и Ельцин, как известно, долго колебался между ним и Путиным, поочередно встречаясь с обоими? Далее. Так ли уж глуп был Басаев, чтобы поверить в обещания Кремля привести его к власти при живом Масхадове? Я не слышал, чтобы кто-нибудь хотя бы попытался ответить на эти вопросы. Но главное даже не в них. Главное:

Почему Путин?

Я понимаю, если бы кто-нибудь в Кремле задумался о взрывах домов уже в июле, то Путин как директор

ФСБ действительно был бы ключевой фигурой: куда в таких делах без ФСБ? Но с другой стороны, в чем была срочность столь экстраординарных мер, если Ельцин только что успешно преодолел думский импичмент, если угроза Зюганова вывести людей на улицы в случае увольнения Примакова оказалась блефом, и Дума одобрила Степашина с первого захода? Более того, впервые за последние годы подавляющим числом голосов утвердила она на пост премьер-министра кандидатуру, внесенную президентом. Так, может быть, именно поэтому и предпочла ему «семья» Путина: слишком легко все у Степашина получалось?

Такую гипотезу предложил военный корреспондент *Московских Новостей* Александр Жилин: «Степашин был образован, интеллигентен, готов к жестким решениям и в то же время отвергал диктатуру. Через несколько месяцев он обрел бы солидную политическую базу... и вступил в президентскую гонку самостоятельно, не нуждаясь в услугах семьи». Но как писали о Степашине бывшие помощники Ельцина, «этот кандидат был неоднократно проверен президентом и обладал бесспорными личными достоинствами: честен, верен, умен». Как понимает читатель, ключевое слово здесь «верен». Иначе говоря, легенда, будто Ельцин выбрал Путина из-за того, что тот обещал ему и его семье безопасность после отставки, остается... легендой. Верность Степашина была «неоднократно проверена».

Сам Ельцин оставил нам в «Полночных дневниках» такую версию своего выбора: «Мне было ясно, что финальный раунд политической битвы приближается... Степашин был способен примирить некоторых людей на время, но он не мог стать политическим лидером, борцом или реальным идеологическим противником

Лужкова и Примакова... Премьер-министра надо было менять. Я был готов к битве».

Царю Борису снились эпизоды его старых битв – с партийной номенклатурой в октябре 1987, с наследниками империи в августе 91-го, с наследниками советской власти в октябре 93-го, с наследниками коммунистов в июне 96-го. Прошлое, им самим похороненное прошлое, ему снилось. К каким «политическим битвам» нужно было готовиться его преемнику, если в 99-м достаточно было, как мы видели, нанять одного первоклассного «телекиллера», чтобы растоптать, напрочь убрать с его пути и Лужкова, и Примакова (и никто больше, как свидетельствовали опросы, противостоять Степашину на президентских выборах не мог). Если достаточно было Березовскому проехаться по губерниям, чтобы, как из-под земли, выросла новая партия «Единство». Конечно, имея в виду пристрастия Березовского, она была заточена под Путина. Но с еще большей

Переговоры в Кремле

легкостью могла она быть заточена под действующего премьера Степашина.

Безнадежно искажены оказались царские критерии. И никто вокруг, если не считать Немцова, Гайдара и Чубайса, даже не попытался их скорректировать.

Я не говорю уже о «преемственности курса», о которой столько на протяжении пяти лет было говорено, и которую Путин грубо сломал уже 7 сентября, возглавив «партию войны» с Чечней? Сломал, когда Ельцин еще был президентом, о чем и напомнил ему 25 сентября Руслан Аушев? Откуда уверенность, что Путин – «идеологический противник» Лужкова, если он тотчас и взял на вооружение именно лужковский сценарий «предательского Хасавюрта», т.е. практически обвинил в предательстве самого президента?

Страшно ошибся в последнюю, решающую минуту и не хватило уже у старого бойца духа исправить свою ошибку, пока еще не было поздно. А «Полночные дневники» – что ж? Попытался задним числом ее оправдать.

Президент Борис Ельцин передаёт президентский экземпляр Конституции Российской Федерации Владимиру Путину. 31 декабря 1999 г.

Заключение

Я честно представил читателю обе версии того, как начиналась в России новая эра. И честно признаюсь, что моя – степашинская – версия в меньшинстве в сегодняшней литературе, в исчезающем малом меньшинстве, вполне возможно состоящем из меня одного. Что поделаешь, мне к этому не привыкать...

А сказать я хотел лишь, что если бы Ельцин не уволил Степашина, ни малейшей не было бы надобности ни в какой «политической битве», ни тем более – в новой чеченской войне, не говоря уже о варварских взрывах домов с живыми людьми. И новая, постельцинская, эра в истории России могла быть в этом случае совсем-совсем иной. В том смысле, что была бы она некарамзинской, европейской.

Имеет ли такая точка зрения право на существование, судить читателю.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЯНОВ vs ДУГИН

ДИАЛОГ О БУДУЩЕМ РОССИИ

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО?

Начался этот диалог 17 лет назад на страницах «Московских новостей». Начался – но не получил тогда продолжения в публичном пространстве. Между тем поражавшая воображение уже в 1998 году разность взглядов либерального и консервативного секторов общественного мнения в России превратилась с тех пор в практически непереходимую пропасть. Это опасно. Это чревато гражданской войной, едва новая оттепель растопит лед диктатуры. Ничто, кроме АРГУМЕНТИРОВАННОГО диалога, не способно предотвратить эту опасность. Поэтому, когда в 2015 году читатели напомнили мне о старом неоконченном диалоге, решил я сделать еще одну – быть может, последнюю – попытку его возобновить. В конце концов, нашли же полтора столетия назад непримиримые противники Герцен и Хомяков общую почву для спора. И пусть они друг друга не убедили, но дали свидетелям спора возможность сравнить их аргументы и – определить свою позицию. Жаль, если моя попытка и впрямь окажется последней.

Александр Янов

Славянофильский футуризм? Об идеях и книгах Александра Дугина

«Московские Новости» 23.01.1998

На первый взгляд наш интерес к доктрине этого автора может показаться скорее странным. Даже в оппозиционном стане Дугин – безнадежный маргинал, и взгляды его демонстративно противоречат практически всему, чем живет сегодня Россия. Вот лишь два примера.

Кому, спрашивается, в стране, бесконечно усталой от постоянных житейских передряг, нужна революция? Дугин мечтает о ней. «МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, РЕВОЛЮЦИЯ!» – заявляет он прописными буквами. (Я постараюсь всюду, где возможно, характеризовать политическую позицию Дугина его собственными словами, соблюдая даже его правописание).

Другой пример. Большее, нежели любимая им революция, отвращение вызывают в стране разве что перспективы гражданской войны. Но и тут, однако, не склонен Дугин к компромиссу. Гражданская война представляется ему «меньшим из зол», поскольку «гражданский мир не может быть основан на компромиссе, если две стороны в этом компромиссе являются прямыми противоположностями». По какой причине «Россия должна немедленно идти на паломничество в Сербию. Сербия должна немедленно вселиться в Россию. У нас сейчас одна революция».

Исторический прецедент

А теперь попробуем вспомнить, был ли уже в России другой политик, столь же, казалось бы, безнадежный маргинал даже в оппозиционном стане, чьи идеи так же демонстративно противоречили всему, чем жил

в его время народ, и кто в измученной драматическими и кровавыми передрягами 1905 года стране тоже звал к революции и гражданской войне. Звал притом именно по той же причине, что и Дугин. Потому, что руководители России «однозначно квалифицируются как национальные преступники, с которыми невозможно никакое соглашательство».

Я, конечно, опять цитирую Дугина, но, согласитесь, что строки эти вполне могли быть написаны Лениным. Даже самые отчаянные теософы и прорицатели не могли бы в 1905-м предсказать, что не пройдет и полутора десятилетий, как этот непутевый маргинал и впрямь навяжет великому народу революцию и гражданскую войну. Возможно, стало быть, в русской истории и такое.

Бесстрашие мысли

Другое дело, что отличий между Лениным и Дугиным тоже тьма, и они бьют в глаза. Ленин исходил из манихейской версии марксизма о непримиримом противостоянии рабочего класса и буржуазии. Дугин исходит из манихейской версии geopolитики о непримиримом противостоянии «теллурократии» и «талассократии». На экзотерическом, по любимому его выражению, т.е. понятном каждому, языке означает это непримиримость сухопутной и морской цивилизаций. Еще проще – Суши и Моря. Вытекают, впрочем, из этого противостояния последствия поистине роковые – и у Ленина, и у Дугина. Из невозможности компромисса между буржуазией и пролетариатом следует неизбежность всемирной революции. Из невозможности компромисса между «теллурократией» и «талассократией» – неизбежность мировой войны.

Другое отличие еще важнее. За Лениным стояла пусть маргинальная, но сплоченная партия, вполне

усвоившая манихейские идеи вождя. А за Дугиным – лишь разношерстные и враждующие друг с другом оппозиционные фракции, решительно не способные додумать до конца, к чему, собственно, ведет их «непримиримая» позиция. Ну вот, допустим, провозглашает Подберезкин, что «Россия не может идти ни по одному из путей, приемлемых для других народов и цивилизаций». Или Зюганов формулирует главную задачу, стоящую сейчас перед страной, как «собирание земель». Так и пишет: либо мы «сумеем интегрировать постсоветское пространство и восстановить контроль над geopolитическим сердцем мира, или нас ждет колониальное будущее».

Формулировать-то они формулируют, но к чему в мировой политике, в планетарном, как любит говорить Дугин, масштабе могут эти их формулы привести, не имеют ведь ни малейшего представления. Даже вопроса об этом не осмеливаются поставить. В отличие от него, они безнадежные провинциалы.

Потому-то и говорю я, что Дугин серьезный, быть может, единственный серьезный мыслитель в стане оппозиции. Он бесстрашно, опять-таки подобно Ленину, додумывает до конца все, в чем его конкуренты останавливаются на полдороге. И столь же бесстрашно называет вещи своими именами. Нельзя даже сказать: что у других лидеров оппозиции на уме, у Дугина на языке. И не снилась им яркость и масштабность его мышления, широта его интеллектуальных интересов или блестящая эрудиция.

«Евразийцы – это большевики»

Ленин ведь тоже не был лишь «автором политических памфлетов», как изображает его американский аналог Дугина Збигнев Бжезинский. Он конспектировал «Феноменологию духа» Гегеля и оставил толстенный том

философских заметок. Можно как угодно относиться к его «Материализму и эмпириокритицизму», но нельзя отрицать глубину и масштаб его интеллектуальной пытливости. Попробуйте для сравнения представить себе Зюганова конспектирующим «Феноменологию духа». Или, если уж на то пошло, просто читающим Гегеля...

А Дугину близко все. И тайны иудейской каббалистики, и «геополитическая декомпозиция Украины», и «метафизика секса», и «сакральная география евразийского континента». Обо всех этих сюжетах написал он сотни статей и много книг. Самая, быть может, важная из них – вышедший великолепным изданием в 1997 г. трактат «Геополитическое будущее России», где подробнейшим образом расписано все, о чем и в голову не приходит задуматься его конкурентам.

Вот почему я думаю, что если когда-нибудь, Господи не допусти, придет в России к власти «непримиримая» оппозиция, победит в ней, в конечном счете, так же как в 1917-м, именно та ее фракция, которая будет точно знать, чего она хочет.

Конкуренты Дугина не знают. Он знает. Между прочим, и сам он отнюдь не отрекается от аналогии с семнадцатым годом. «Евразийцы (как называет он свою фракцию) – это большевики, отказывающиеся от компромисса с коррумпированной мондиалистской властью, от парламентской демагогии, от соглашательства». Он убежден, что они победят, ибо только «в стане евразийцев полным ходом идет процесс идеологического творчества, в результате которого складывается новая концепция славянофильского футуризма, великая идея Евразийской империи, которая способна в будущем не только восстановить потерянное Россией геополитическое могущество, но и стать центром антимондиалистской доктрины, пригодной

для провоцирования планетарного процесса идеологического и геополитического освобождения от американского банкократического господства». По всем этим причинам есть, я думаю, смысл рассмотреть идеи Дугина заранее.

«Весь мир превратится в сушу»

Собственно, суть его доктрины читателю уже ясна. Сложность в том, что дугинские идеи – двух родов. Экзотерические, о которых мы уже упоминали, и эзотерические, т.е. открытые лишь для посвященных. Они, конечно, друг с другом связаны, но все-таки принципиально различны. Присмотримся сначала, насколько позволяет формат газетной статьи, к первым.

Как мы уже слышали, геополитика по Дугину «является утверждением фундаментального дуализма» между Сушей и Морем. (Это, заметим в скобках, конечно, грубая, можно сказать, тевтонская ее формулировка. Ибо в действительности геополитика имеет дело лишь с так называемым балансом сил между государствами на мировой арене, и ни к какому такому манихейскому «дуализму» отношения не имеет. Другое дело, что некоторые из ее пропагандистов, главным образом фашисты, которым следует Дугин, действительно склонны были трактовать ее в манихейском ключе).

Так или иначе, у Дугина получается, что «сухопутным ... народам чужды индивидуализм, дух предпринимательства», а свойственны им, напротив, «коллективизм и иерархичность». Продолжая в том же духе, он, естественно, приходит к тому, что дуализм между Морем и Сушей оказывается «дуализмом между демократией и идеократией».

России как главной, по его мнению, представительнице сухого пути следует добиваться уничтожения морской цивилизации – и демократии. Чем это должно

закончиться, понятно: «Весь мир превратится в Сушу и повсюду воцарится идеократия». Это еще что за птица? С обычным своим бесстрашием Дугин и не старается скрыть: «Предвкушением такого исхода были идеи о Мировой Революции и планетарном господстве Третьего Рейха».

Карфаген должен быть разрушен!

Вот он нам все и растолковал. Яснее о предназначении России в его схеме будущего сказал лишь его обожаемый ментор, о котором Дугин и до сих пор не может говорить без трепета и придухания, покойный бельгийский фашист Жан Тириар. Советская империя, завещал он, «унаследовала детерминизм, заботы, риск и ответственность Третьего Рейха... судьбу Германии. С geopolитической точки зрения СССР является наследником Третьего Рейха».

В этом и заключается отличие евразийской теории Дугина от аналогичных, евразийских же по сути, идей других фракций «непримиримой» оппозиции. Зюганов, допустим, тоже ненавидит «новый Карфаген» – Америку. И тоже понимает, что «восстановить контроль над geopolитическим сердцем Евразии» невозможно без того, чтобы ее изолировать, загнать за океан, унизить. Чего он, однако, не понимает, так это того, что для России, величай ее хоть Третым Римом, такая задача непосильна – без «стратегического союза» с теми, кого Дугин именует «антимондиалистскими силами Евразии независимо от их религиозной принадлежности». Без создания того, что называет он «Евро-Советской империей». С тем, чтобы, «двигаясь, – согласно завещанию Тириара, – с востока на запад, выполнить то, что Третий Рейх не сумел проделать, двигаясь с запада на восток». Иначе говоря, невозможно то, о чем мечтает оппозиция, без «разрушения

Карфагена» и «похищения Европы». Одним словом, без мировой войны.

Просто Зюганов (и Подберезкин, и Кургинян, и Проханов, не говоря уже о Гумилеве или Шафаревиче), привычно застревают на полдороге, а Дугин, как всегда, идет до конца – до момента, когда «весь мир превратится в Сушу и повсюду воцарится идеократия», то бишь фашизм. Конкуренты, по его словам, «ориентированы только на пассивное, защитное сопротивление. Они смотрят назад, увлеченные ностальгией, сентиментальным чувством тоски по прошлому. Они верны не столько духу и сути Русской Традиции, сколько ее внешним формам», тогда как его идеология «наступательна, агрессивна, универсально применима как в Европе, так и в Третьем мире». Только она «означает радикальную борьбу до последнего вздоха с русофобским отребьем, захватившим сегодня власть в нашей стране». Только она объясняет, почему «фаталистический и антииндивидуалистический Ислам оказывается типологически ближе Русскому Православию, нежели англосаксонское, индивидуалистическое и подрывное протестантское псевдохристианство». Только она, короче, способна обеспечить всемирную победу фашизма.

«Между мистическим патриотизмом и криминальным терроризмом»

Я знаю, и Дугин знает, что похоже это все скорее на бред, нежели на реалистическую стратегию. Особенно при нынешней расстановке сил в ядерном мире. Для того и написал он шестисотстраничный трактат, чтобы расставить все точки над «и», объяснив миру, при каких именно условиях осуществима для России роль Третьего Рейха.

Конечно, и Дугин не может отрицать, что теллурократия (фашизм) потерпела в XX веке эпохальное

поражение. Не исключено, однако, полагает он, что «поражение теллурократии – явление временное» – и в России, и в мире. В первом случае опирается он на зловещее пророчество Тириара: «Ельцин – это Керенский... Сталин придет позже, за ним. Он обязательно придет, он не может не прийти». Во втором – на выкладки своего трактата, позволяющие предположить, что «Евразия вернется к своей континентальной миссии... но уже другого качества и другого уровня».

Пока что, однако, утверждает он, нет для России иного выхода, кроме как присоединиться к «партизанской войне» против нового Карфагена. Здесь опирается он на работу другого своего ментора, знаменившего фашистского правоведа Карла Шмитта. «Малая партизанская война, – говорит Дугин, – уже идет ... на Балканах, в Ливии, в Ираке. Там... верные Почве отстаивают свою Национальную Вечность против... Нового Мирового Порядка». Однако «начать Большую Партизанскую Войну зависит только от России». Ибо только «наш Партизан вооружен ядерными боеголовками и мощными ракетами». Одна лишь Россия «может остановить мондиалистскую диктатуру на планете».

Вот почему «сегодня верность русской истории означает прямой и страшный выбор Партизана, выбор народной войны без правил и приличий... балансирующей между мистическим патриотизмом и криминальным терроризмом... с использованием всех видов вооружений, всех средств, всех разрешенных и запрещенных приемов». Так, уходя от нас, завещал герр Шмитт. И так учит Дугин. «Суровый выбор мондиалистской эпохи таков: либо планетарный коллаборационизм, либо планетарная герилья... мировое движение Сопротивления, во главе которого по логике истории должна стать самая святая и самая могущественная

из наций – великий русский народ и великое русское государство».

«Проклятое древо познания»

Таково в общих чертах эзотерическое учение Дугина. Как мог убедиться читатель, зовет оно народ России во имя «его особой кровавой и ослепительной Славянской Христианской Судьбы» – к новой войне, крови и смерти. И все-таки риторика его остается здесь в привычных для оппозиционной прессы терминах бескомпромиссной борьбы «с русофобским отребьем». Пусть даже борьбы «до последнего вздоха». Покуда главным врагом выступают в ней все те же «американское банкократическое господство», новый мировой порядок и прочие привычные жупелы «непримиримой» оппозиции, она почти не выбивается из ряда. Читатель может даже сперва и не заметить в ней зловещих эзотерических протуберанцев, прорывающихся порою из-под глыб всей этой набившей уже, честно говоря, оскомину «патриотической» декламации.

И все-таки одно дело, согласитесь, «планетарный коллаборационизм», и совсем другое – «продажа Национальной Души надвигающейся цивилизации Сына Погибели, Сателлита Мрака». Одно дело – обозвать руководителей России «национальными преступниками», и другое – призывать «разрушить темную власть Космоса». Одно, наконец, дело накликивать на измученную страну катастрофу гражданской войны, это и Ленин делал, и совсем другое – провозглашать, что ситуация «оставляет открытым только один путь – путь Абсолютной Революции ... которая становится революцией против Рока, против Современного мира как мира Антихриста», «главной фигурой [которой] будет Абсолютный Сверхчеловек... не-человек».

Никакой такой эзотерической подкладки у Ленина (и тем более – у нынешних его полуграмотных последователей) и в помине нет. С нею вступаем мы во вторую, подземную, если хотите, мистическую сферу учения Дугина. И здесь становится совершенно ясно, что все его призывы к войне и смерти совсем не случайны, что он лишь опасно проговорился. А настоящая его мечта – совсем о другом. Она – о Смерти. И в первую очередь, о смерти России. Ибо «смысл России», оказывается, «в том, что сквозь русский народ осуществляется последняя мысль Бога, мысль о Конце Света». Более того, неожиданно узнаем мы, что смерть России близка. «Определенные знаки указывают на то, что... скоро исполнится обещание Господа нашего, скоро коронована будет русская нация в чертогах Небесной России – Нового Иерусалима».

Но как же, позвольте, быть тем соотечественникам Дугина, которые хотят жить, а не умереть? Тем, кто хочет сеять пшеницу, любить и рожать детей здесь, на своей земле? Кто вовсе не торопится в «чертоги Небесной России»? У них, с торжеством провозглашает Дугин, шанса нет. Ибо «именно смерть есть путь к бессмертию». А что касается любви, она как раз, по его мнению, «и убьет мир» (курсив везде Дугина). Ибо на самом деле «любовь начнется» только тогда, когда «мир кончится». И умные люди должны, полагает он, это понимать. Более того, им следует этого жаждать, «как жаждали первые, истинные христиане, а не тот фарисейский сброд, который сегодня называется этим именем... Мы заканчиваем древний подкоп под проклятое древо Познания. Вместе с ним рухнет Вселенная».

Бросаю перчатку

После всей этой, пусть и эзотерической, но похоронной риторики возникает, согласитесь, законный вопрос. Если

следует нам жаждать лишь смерти, на кой, извините, черт тогда новая русская революция, «Большая Партизанская Война» и «борьба до последнего вздоха с русофобским сбродом»? И вообще все те земные страхи и ужасы, что накликает на нашу голову Дугин? Кому в этом случае нужен его «славянофильский футуризм»? И какое может быть у России «геополитическое будущее», если «мы знаем: мир скоро кончится. Кончится потому, что мы... готовим Последнюю Революцию»? Зачем тогда огород городить? Неужели только затем, чтобы (страшно даже подумать!) приблизить смерть любимой страны?

Конечно, мне больше всего хотелось бы задать этот вопрос самому Дугину. Если б он, конечно, осмелился выйти на публичную арену с поднятым забралом. Выйти на свет, в «профанический, десакрализованный» мир, чтобы открыто защитить свои убеждения перед лицом своего народа, в любви к которому он клянется и который он хочет убить. Вот его слова: «Истинно национальная элита не имеет права оставить свой народ без Идеологии, которая выражала бы не только то, что он чувствует и думает, но и то, что он не чувствует и не думает, но чему втайне даже от самого себя истово поклоняется в течение тысячелетий».

Вот так: Янов бросает перчатку Дугину. Предоставляя ему тем самым уникальную возможность объяснить, наконец, городу и миру, чему именно народ его, втайне даже от самого себя, поклоняется. И сделать это не в эзотерических катакомбах, где привык он вещать сектантскому кругу посвященных, а на страницах газеты, которую читают действительно образованные люди – на двух языках. Жду ответа, Александр Гельевич.

По учебнику Дугина?

Но если Дугин все-таки уйдет в кусты от прямого и честного вызова, есть ведь еще один человек, которого

можно об этом спросить. Он – лицо официальное, генерал-лейтенант, заведующий кафедрой стратегии Академии Генерального Штаба РФ Н. П. Клокотов, тот, кто был научным консультантом книги Дугина.

Господин генерал, Вы действительно разделяете человеконенавистнические идеи автора?

Вы, конечно, можете сказать, что эзотерические эскапады в других его статьях и книгах – не Ваша ответственность. Но ведь и в книге, которую Вы благословили и которая издана, строго говоря, как учебник (ее полное название «Основы геополитики: Геополитическое будущее России»), черным по белому утверждается, что отношения между Россией и Америкой – игра с нулевой суммой. Что, иначе говоря, либо Америка («талаассократия») «полностью отменяет цивилизацию теллурократии», либо «закрывает историю» Россия («Евразия»), и «тогда повсюду воцарится идеократия». Разве не провозглашает учебник, который Вы консультировали, да еще научно, что «предвкушением такого исхода были идеи о Мировой Революции и планетарном господстве Третьего Рейха»?

Нельзя ведь заведовать кафедрой стратегии и не понимать: проповедь истребления цивилизаций в духе Третьего Рейха не может означать ничего, кроме призыва к мировой войне в ядерном веке. Конечно, гибель человечества, как мы теперь знаем, входит в эзотерические планы Дугина. Но Вы-то, господин генерал, учите студентов. Неужели именно этому? По учебнику Дугина?

Александр Дугин
От имени Евразии

Московские новости, 7. (24.02.98)

1. «Прямой и внятный разговор»

В своей статье в «МН» от 25 января – 1 февраля 1998 года г-н Янов по ходу дела отпускает на мой счет замечание: «Если Дугин уходит в кусты от прямого и внятного разговора...» Меня эта формулировка удивляет. Я никогда не «уходил в кусты от прямого и внятного разговора» ни с идеологическими противниками, ни, тем более, с союзниками. На самом деле, ситуация иная: я постоянно сталкиваюсь с явными или неявными цензурными запретами на мои взгляды, мои позиции, мои идеи. И если бы таких запретов не существовало, я мог бы излагать основы своего мировоззрения намного более подробно, спокойно и обстоятельно, оставляя в стороне определенную долю риторики, которая подчас неизбежна в условиях прямого интеллектуального гонения и искусственной маргинализации. Может быть, г-н Янов пребывает в стороне от идеологической борьбы последнего десятилетия российской истории? В противном случае причины отсутствия «прямого и внятного разговора» на темы, которые действительно являются центральными и жизненно важными для нашего народа и его будущего, были бы более понятны. Именно поэтому я сразу же пользовалась возможностью ответить на статью Янова, любезно предоставленную редакцией «МН». Точно так же я с удовольствием бы поступал во всех случаях, когда публично подвергаются критике или просто обсуждаются мои взгляды, но, увы, сделать это удается не часто.

Прежде всего, считаю необходимым указать г-ну Янову на совершенно недопустимые высказывания,

сделанные им в мой адрес. Не столько в двух статьях в «МН», сколько в его книге «После Ельцина» (Москва, 1995), где автор безапелляционно и тоном, не допускающим возражений, утверждает: «Он (т.е. читатель. – А. Д.) знает, что главный редактор московского журнала «Элементы» Александр Гелиевич (ошибка в моем отчестве, надо – Гельевич. – А. Д.) Дугин – фашист» (А. Янов «После Ельцина», стр. 215). Сделав это сильное и не соответствующее истине утверждение, г-н Янов все остальные умозаключения основывает именно на нем. После выхода книги г-на Янова у меня было желание подать на автора в суд за «клевету», и я даже подготовил исковое заявление. Мне представляется, что в стране, пережившей страшную войну с гитлеровским фашизмом, такие отождествления являются кощунственными и недопустимыми. Кроме того, в наше время очень многие радикальные националистические группы и их лидеры с радостью сами себя квалифицируют именно таким образом. Учитывая мой традиционный нонконформизм и привычку называть вещи своими именами, которую отметил сам Янов, в том случае, если бы я считал себя «фашистом», я бы преспокойно об этом заявил. Если я этого не делаю, значит, я себя таковым не считаю, и имею на это веские основания. Кроме того, я являюсь автором статьи «Апология антифашизма» («Лимонка» № 61), поддерживаю дружеские отношения со многими крайне левыми антифашистскими деятелями. Мои главные мировоззренческие авторитеты – Николай Устрялов, Эрнст Никиш, Эрнст Юнгер, Юлиус Эвона, Рене Генон и т.д. – были резкими критиками фашизма, а кое-кто из них жестоко пострадал от рук гитлеровского режима (в частности, сам Никиш, основатель и главный идеолог германского национал-большевизма). Утверждение «всем известно, что Дугин – фашист» вполне

равнозначно утверждению «всем известно, что Янов – американский разведчик и сионист». Мне представляется, что разговор в подобном ключе никак нельзя назвать «внятным и прямым», это бессмысленная перепалка, состоящая из необоснованных и голословных оскорблений. В таком ключе я не собираюсь разговаривать ни с кем. Но в последней статье г-на Янова, в отличие от его предыдущих нахрапистых обвинений в мой адрес, явно прослеживается более серьезное и уравновешенное отношение, и если бы не рецидивы «фашистских клейм» – на сей раз не в мой адрес, а в отношении к великому, всемирно признанному классику юридической мысли Карлу Шмитту или выдающемуся бельгийскому геополитику и национал-большевику Жану Тириару, – можно было бы признать ее вполне корректной.

2. Упреки на двух уровнях

Г-н Янов делит мои идеи на экзотерические (открытые для всех) и эзотерические (доступные для узкого круга лиц). При этом в главе «Проклятое древо познания» допущена опечатка, так как «эзотерической» здесь названа как раз та сторона «моего учения», о которой Янов несколько выше говорил как об «экзотерической». Как бы то ни было, мне представляется такое деление неверным, поскольку обе линии, отмеченные в моем творчестве г-ном Яновым, я излагаю публично и открыто, тогда как «эзотеризм» предполагает обращение к закрытым группам, что в свою очередь исключает факт распространения общедоступных публикаций. О моих «эзотерических» взглядах г-н Янов получил сведения из тех же книг и изданий, в которых речь шла и о «экзотерической» стороне, и приобрести их мог любой желающий на прилавках центральных магазинов Москвы или Санкт-Петербурга. Следовательно,

ни о каком «эзотерическом» знании в полном смысле этого слова применительно к моим текстам речи быть не может. Правильнее говорить о разных уровнях исследования, иногда ограничивающегося политологической, геополитической, социологической стороной, а иногда захватывающей философские, религиоведческие, поэтические или экзистенциальные пласти. Так было бы точнее.

Анализ двух аспектов моего мировоззрения приводит г-на Янова к двум «сенсационным» выводам, относительно моей «истинной» позиции: моей главной внешней (социально-политической) целью якобы является «война», а внутренней (экзистенциальной) – якобы смерть. Возникает образ «черноромантической», декадентской первертной личности, скрывающей под многообразными теориями изощренную танатофилию и суициdalный милитаризм. Однозначная негативность определений и их поверхностное толкование г-ном Яновым, требует освещения темы в дополнительном и несколько ином свете.

3. Да, война (основные принципы геополитики)

Я убежден, что Россия стоит на пороге войны. Более того, эта война не просто вопрос будущего, но фактическое состояние дел. Наука, на основании которой я делаю большинство своих аналитических обобщений, – наука геополитика, – является такой же конфликтологической, как и марксизм. В этом отношении Янов совершенно прав: параллелей между геополитикой и марксизмом множество. В основе геополитической дисциплины лежит базовая идея о неснимаемом конфликтном противоречии, существующем во все эпохи и на всех уровнях, между цивилизацией Моря и цивилизацией Суши, между талассократией (современный атлантизм) и теллурократией (современная

Евразия). Тот, кто знаком с текстами отцов-основателей геополитики – Маккинdera, Мэхэна, Спикмэна и т.д., – не может отрицать главного закона данной дисциплины. Без концепции «великой войны континентов», т.е. абсолютной противоположности Суши и Моря, говорить о геополитике нельзя. Тот факт, что множество людей сегодня используют термин «геополитика» в каком-то ином, им одним ведомом смысле, объясняется лишь исключительным невежеством в этой области. Под этим красивым словом каждый волен у нас понимать все, что ему заблагорассудится, тогда как западные интеллектуалы используют его в надлежащем контексте. Поэтому, если мы не признаем фундаментального противоречия, объективно существующего и всегда существовавшего между Сушей и Морем, то мы не должны употреблять термин «геополитика» и его дериваты. Так и поступают некоторые политические деятели, отрицающие эту науку вовсе (например, Джордж Сорос или сам Александр Янов). Но заметим, что с американской стороны, т.е. со стороны атлантистов, эту дисциплину признают куда более влиятельные и ответственные лица – такие, как Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер, Дэвид Рокфеллер и т.д., т.е. как раз те группы, которые отвечают за реальную планетарную стратегию западного мира. Эта атлантистская стратегия исходит только и исключительно из геополитических принципов, и, быть может, как раз поэтому Запад добился столь впечатляющих результатов в его сложной и масштабной войне с Сушей, т.е., увы, с нами. Планируя расширение НАТО на Восток, Запад следует исключительно геополитической логике, которая заставляет атлантистов считать Россию и ее евразийское окружение главным стратегическим противником даже в том случае, если наша экономическая и идеологическая система являются

кальками с Запада, а наши правители раболепно этому же Западу подчиняются. Тот, кто говорит «геополитика», говорит «война». И первыми в этом вопросе идут атлантисты, открыто публикующие планы грядущего расчленения Российского Государства на несколько неполноценных зависимых образований (см. «НГ»: З. Бжезинский «Геостратегия для Евразии»). Так как я представляю и возглавляю сегодня геополитическую школу в России, а это уже само по себе подразумевает ответственное и последовательное евразийство (никакой другой геополитики у нас по определению и быть не может, как не может существовать неатлантистской геополитики в США), то я обязан мыслить в категориях «войны», именно таким образом характеризуя те процессы, которые уже идут на нашем геополитическом пространстве, и предвосхищая те события, которые здесь развернутся в будущем.

Нет сомнения, что Море (Запад) нанесло Суше (нам) сокрушительное поражение, расчленив некогда подконтрольные нам пространства в Восточной Европе, сумев разрушить СССР, заложив основы дальнейшего распада Российской Федерации через поощрение сепаратистских тенденций окраин.

В некотором смысле, Евразия сейчас выступает в роли оккупированных Западом территорий. И атлантистское могущество сильно как никогда. В таких условиях призывы к сопротивлению вражеской силе, послание, обращенное к покоренным и сломленным народам Евразии с призывом континентального восстания за свою геополитическую свободу, безусловно, является делом неблагодарным, рискованным и опасным. Это в чем-то аналогично расклейыванию патриотических листовок партизанами на оккупированных нацистами территориях. И уж конечно, полицаи и оккупационные власти того времени не

поощряли такое занятие, упрекая партизан в том, что «они искусственно дестабилизируют ситуацию», «провоцируют администрацию на карательные меры против мирного населения» и т.д. В нашей ситуации в роли такого «ответственного» и «уравновешенного» полицая выступает сам г-н Янов, настаивающий на том, что «борьба бесполезна», «победитель слишком силен», что «любое сопротивление приведет только к усугублению ситуации». При этом тот факт, что сам я прекрасно отдаю себе отчет в невероятной сложности геополитического восстания, в том, что это чрезвычайно трудное (хотя и необходимое) предприятие, вызывает у г-на Янова ложную догадку, что я, якобы, заведомо желаю поражения России-Евразии в этой борьбе. Нет, я хочу только победы, живу для этой победы, готов отдать за нее жизнь. Но я не склонен, в отличие от многих безответственных политиков, способных лишь на патриотическую фразу, приумалить кошмар той ситуации, в которой мы оказались. Нам предстоит суровая и страшная борьба с извечным врагом, и мы должны быть готовы к самым тяжелым и драматическим ее поворотам. Тот мир, в котором мы оказались после гибели великой Евразийской Империи, настолько по своей жестокости контрастирует с сонным, ленивым позднесоветским бытием, что психологическая катастрофичность, понимание острейшего трагизма нашего положения должны быть привиты нашему обществу (даже самым жестким способом), которое само по себе и не думает расставаться с безответственностью, безразличием, уютным брежневским сомнамбулизмом, патологической обывательской миопией, неряшливым самогипнозом интеллигенции... Отсюда и полемические обороты тех моих текстов, которые сам я рассматриваю, как призывы к тотальной

мобилизации, к геополитическому пробуждению нации перед лицом великой угрозы самому нашему историческому бытию.

Запад – наш главный геополитический противник, сильный, коварный, и пока побеждающий. Но наше противостояние, наше сопротивление вписаны в саму ткань политической истории и политической географии. Неоднократно мы, русские, переживали тяжелые времена. Конечно, сегодня проблема ставится самым глобальным образом: под угрозой гибели вся евразийская цивилизация, вся сокровищница истории Суши. Поэтому и бой, который нам суждено дать, вполне можно назвать «последним и решительным».

4. Да, смерть (основные принципы философии жизни)

Теперь о смерти. В последнее время стало модным у ряда полемистов (ранее ограничивавшихся голословным, оскорбительным, но неубедительным обвинением меня в «фашизме», которое сегодня перестало действовать или вызывает у публики обратную реакцию) упрекать меня в «танатофилии». Возможно, сказывается запоздалое знакомство с трудами Нормана Кона, Вильгельма Райха или Алена Безансона, которые давно отождествили все разновидности «красно-коричневых» («врагов открытого общества», по попперовской терминологии) с «влюбленными в смерть». Мне представляется это отождествление крайним выражением обывательского, недофилософского сознания. Использование упреков в «танатофилии» в публицистическом контексте позволяет новоиспеченным интеллектуалам выглядеть «образованными», одновременно играя на привычке обывателей любой ценой избегать экзистенциальных травм, с необходимостью сопряженных с мыслью о смерти.

Смерть, г-н Янов, это «обратная сторона шара бытия» (М. Хайдеггер), это не простое, абстрактное не бытие, это инобытие. Хотим мы этого или не хотим, но все рождающееся находится под ее непрекаемой юрисдикцией. Все то, что есть, ограничено смертным пределом. Смерть это не альтернатива жизни, и нелепо противопоставлять ей «сечение пшеницы», «рождение детей», как делаете это Вы в своей статье. Пшеница не взойдет, если не умрет зерно, брошенное в землю. Дети не рождаются и не взрастают, если отцы не отадут свои жизни, защищая родную землю, свой народ, свою веру.

Смерть и жизнь проникают друг в друга, и осмысление факта смерти, – не только той, которая ждет нас всех в будущем, но и той, которая царствует над миром как онтологическое бремя, как скорбный отчужденный дух «мира сего» – лежит в основе всех мировых религий. И более того, наша русская Вера, Православие, утверждает, что только «смертью попирается смерть», что избавление из-под оков смерти даровано нам Спасителем в крестной муке.

Для христианина «память смертная» – одна из горячо вымаливаемых добродетелей: представление в своем сознании трупа умершего человека должно вызывать в повседневной молитвенной практике яркое ощущение временной преходящести мира и параллельное обнажение мира нетленного (Из «Канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу, Песнь 8-я: «Како не имам плакатися, егда помышляю смерть, видех бо во гробе лежаща брата моего, безславна и безобразна? Что убо чаю, и на что надеяся?»).

Г-н Янов прав в одном: тема времени и вечности, соотношение духа и плоти, фатальная конечность проявленных вещей и существ меня в высшей степени интересуют. Как, впрочем, и большинство философов или историков религий. Я не считаю земную жизнь

высшей и единственной ценностью, и я глубоко убежден, что человеческий дух, героическое и идеальное начало в нас свидетельствует как раз об обратном. Раз человек способен в определенных случаях жертвовать собой, значит, есть нечто, что выше этой жизни. И здесь незачем далеко ходить за примерами: наши ребята отдавали свои молодые жизни в Чечне, воюя за Государство и его цельность. Они тоже хотели «жить», «сеять пшеницу» и «рожать детей», но Родина, Россия, Государство, Народ были для них более весомым понятием. И павшие в Чечне, в этой, на первый взгляд, совершенно бездарной и бессмысленной войне (она была таковой лишь на уровне правителей и предательского пацифизма СМИ), на самом деле, пополнили ряды героев, погибших за Русь, за великую Евразию, за цивилизацию Суши. Они пали на «великой войне континентов», так же, как и наши отцы и деды в Великую Отечественную войну.

И с этими вещами шутить не следует. Я, естественно, не желаю смерти никому, особенно своему народу. Разве что врагам его. Но готовиться к этому событию надо всем и чем раньше, тем лучше, тем полноценней, ответственней, умнее и чище проживем мы нашу жизнь, тем более подлинную цену вещей и существ мы узнаем. То, за что никто не заплатил жизнью, не имеет никакой стоимости. Все великое созидается, увы, кровью. Никто еще не смог отменить этот трагический закон истории, а если бы это было иначе, то, возможно, мир земной потерял бы последнюю привлекательность, став окончательно царством серости и тихого тления.

5. Не изучают, но будут изучать

Г-н Янов несколько преувеличил значение моей книги «Основы геополитики» для современной военной элиты. К моему глубокому сожалению, с этой дисциплиной

знакомы только отдельные люди из этой сферы. Но хотелось бы задать г-ну Янову встречный вопрос: а что, собственно, должны изучать современные высшие военные кадры России вместо геополитики? Экологию и историю пацифизма? Азбуку рынка и менеджмента? Адама Смита? Может быть, Карла Поппера? Наша армия и, шире, все силовые министерства поставлены в нелепую ситуацию – политическое руководство от них требует реформ, но не дает той основополагающей модели, доктринальной базы, из которой следует исходить. Раньше такой базой была социалистическая идеология, отталкиваясь от нее, мы определяли, кто является вероятным «потенциальным противником», а кто «союзником», и затем органично и естественно строили военную доктрину (как и концепцию государственной безопасности). Теперь же от идеологической картины мира правящие элиты России отказались, но ничего взамен предложить армии не смогли. В такой ситуации никакого иного выхода, как обращение к геополитике и к ее моделям, просто не существует, тем более, что сам западный мир в лице своего политического истеблишмента основывается именно на этой науке.

Когда нынешнее шоковое состояние в руководстве силовых ведомств России пройдет, независимо от согласия или несогласия г-на Янова, все больше и больше военных специалистов и аналитиков будут обращаться именно к геополитике. А так как я постарался сделать свой учебник максимально объективным, то, надеюсь, дело дойдет и до него. Я понимаю озабоченность г-на Янова таким положением дел. Все вещи встают на свои места, когда читаешь вторую строку под фамилией «Янов» в публикации «МН» – «Александр Янов, Нью-Йорк».

Голос из Нью-Йорка обращается к моему научному руководителю (при создании военного раздела «Основ

геополитики») генерал-лейтенанту Н. П. Клокотову – «Но вы-то, господин генерал, учите студентов. Неужели именно этому (т.е. геополитике. – А. Д.)? По учебнику Дугина?» Жителю Нью-Йорка хотелось бы, чтобы все было иначе, чтобы геополитика изучалась лишь по ту сторону океана, и чтобы место «русского Бжезинского» было либо вакантным, либо занятым человеком, с которым атлантистам «можно было бы легко столковаться». Мне понятна озабоченность возрождением евразийской геополитики моего заокеанского оппонента и того внутрироссийского меньшинства, которое отождествило свою групповую судьбу с окончательной и не подлежащей пересмотру победой Запада над Востоком. Если быть откровенным, в данный момент они волнуются напрасно: трагическое невежество российских политических элит, их бескрайний конформизм, всепоглощающая трусоватость и покорность представляют собой надежное препятствие для того, чтобы евразийские идеи в должной мере овладели масштабным и влиятельным сектором нашего политического и военного руководства.

Но так будет не всегда – все постепенно вернется в свое русло, и вот тогда, действительно, не позавидуешь судьбе тех, кто слишком рано принялся праздновать триумф Моря над Сушей.

Александр Янов
«С ним рухнет вселенная»

Александр Гельевич,
семнадцать лет назад ответ свой на мою статью о Ваших
идеях в «МН» Вы начали, негодуя: как мог я предполо-
жить, что Вы, Дугин, «уйдете в кусты», не поднимете
перчатку, которую Вам бросили? «Я никогда, – восклик-
нули Вы, – не уходил в кусты от прямого и внятного
разговора с идеологическими противниками!»

Я понимаю, полтора десятилетия – и каких десяти-
летия! – длинный перегон. И, возможно, сейчас, ког-
да из маргиналов Вы произведены в подполковники,
можно сказать, национал-патриотической оппозиции
(назовем ее для краткости Н-П), Ваши взгляды пере-
менились. Но скажу Вам как профессор профессору
то же самое, что сказал бы в 1998-м, будь у меня в ту
пору возможность Вам ответить: вопреки собствен-
ной декларации, Вы ушли-таки в своем тогдашнем
ответе в кусты. Не ответили ни на один из моих серь-
езных, судьбоносных, если хотите, вопросов. Отгово-
рились тривиальностями.

Отдаю на суд читателей. Что ответили Вы на мой во-
прос о Вашем зловещем пророчестве: «Определенные
знаки указывают на то, что скоро исполнится обеща-
ние Господа нашего, скоро коронована будет русская
нация в чертогах Небесной России»? Скоро (Вы повто-
рили это дважды!) «сквозь русский народ осуществится
последняя мысль Бога, мысль о Конце Света»? Именно
в этом, как Вы тогда писали, и есть «смысл России»?

Ваш ответ: «Все, что есть, ограничено смертным
пределом». Следует ли из этого, спрошу я читателей,
СКОРАЯ гибель России и ее «коронация в Небес-
ных чертогах»? СКОРЫЙ «Конец Света», наставший
«сквозь русский народ»?

Как, по-вашему, читатель, должно звучать это пророчество для миллионов россиян, которые рожают детей для долгой жизни на этой грешной земле? Да, все, что есть, ограничено смертным пределом. Да, дети тоже раньше или позже умрут. Но лучше позже, чем раньше. И не дай нам Бог видеть их смерть. Большим ли послужит нам утешением, что «именно смерть есть путь к бессмертию», как обещает Александр Гельевич?

Поправлюсь, не на одни лишь таинственные «знатки» Вы ссылаетесь. Еще и на «надвигающуюся цивилизацию Сына Погибели, Саттелита Мрака», на то, что воинствуете Вы «против Современного мира как мира Антихриста», призывая «разрушить темную власть Космоса». Не говоря уже о том, что «мы заканчиваем древний подкоп под проклятое Древо Познания. Вместе с ним рухнет Вселенная».

Ни слова обо всем этом в Вашем ответе мне в «МН». Только для «своих» писали Вы это, для посвященных? Не место этой средневековой абракадабре при свете дня перед лицом профанной аудитории? Что ж, Вам лучше судить, чему где место. Скажу лишь, что на фоне обрушения Вселенной нестерпимой фальшью звучит Ваша забота о «евразийской цивилизации и сокровищницах Суши». Разве не приговорили Вы к смерти и эти сокровищницы вместе с Современным миром, «с проклятым Древом Познания» и рухнувшей Вселенной?

Кто Вы, Александр Гельевич?

Если, впрочем, очистить Ваше послание от всей этой эзотерической шелухи, то сродни оно, скорее, вполне экзотерической угрозе пресловутого телеведущего Дмитрия Киселева, что Россия в силах оставить от США лишь радиоактивную пыль. Другое дело, что Киселев – балаболка, болтун. Как и все Ваши конкуренты в Н-П, не решается он договорить – или додумать – свою

угрозу до конца. Вы решаетесь, изображая гибель России и ее превращение в радиоактивный пепел как вознесение в «Небесные чертоги». И накликивая тем самым на мир то, что на профанном языке ученых зовется «ядерной зимой» (для тех, кто подзабыл уже этот страшный термин времен холодной войны, напомню, что, по авторитетному заключению тогдашних специалистов, означает он, что атмосфера Земли просто не выдержит одновременного взрыва десятков ядерных бомб, лопнет), а на Вашем, эзотерическом, «последней мыслью Бога о Конце Света».

Так вот, не понимаю я Вас, Александр Гельевич. На одном, эзотерическом, уровне твердите Вы, что «Запад – наш главный геополитический противник», и этим ничем не отличаетесь от Вашего генерала (от Проханова то есть), на другом, эзотерическом, добиваетесь обрушения Вселенной, совершенного чуждого и Вашему генералу, и вообще Н-П. Но ведь тут же явная нестыковка: что им, спрашивается, до Запада, если с ним рухнет Вселенная? Где Вы – настоящий? На какую роль претендуете: на роль геополитика или на роль... Антихриста?

Недоразумение

Кто-кто, но Вы поймете, почему я об этом спрашиваю. Просто потому, что помните, я думаю, знаменитое пророчество Константина Леонтьева, что Россия когда-нибудь родит Антихриста. И если Вы вообразили себя в этой роли, то мне не о чем с Вами спорить и ни к чему ждать от Вас ответа. Тем более что я не уверен, позволяет ли Ваш новый подполковничий чин полемизировать с идеологическим противником. И вообще я не психиатр.

Другой вопрос, если Вы взялись возрождать такую безнадежно устаревшую и давно вышедшую из

употребления в современной литературе о международных отношениях дисциплину, как геополитика. Тут я должен Вас разочаровать. Эту дисциплину, действительно популярную в первой половине XX века, убила мировая война 1939-1945. Вы опоздали почти на столетие, Александр Гельевич. Последний из ее адептов – Карл Шмитт, Ваш наставник, кстати, чудом избежал Нюрнбергского трибунала по обвинению «Теоретическое обоснование военной агрессии». Вот передо мной авторитетный 500-страничный «The International Relations Dictionary». В нем нет даже упоминания о геополитике. Ни в одном американском университете ее не преподают. И вообще мало кто о ней слышал.

Поэтому меня удивило, что в середине 1990-х вспомнил о ней Збигнев Бжезинский (он, правда, говорил о «геостратегии»). Но и он довольно скоро перестал. Я, конечно, льщу себе, что под влиянием моей критики: я обратил внимание публики, что в России у него есть двойник по имени Дугин. Но, скорее всего, перестал он просто потому, что остался в одиночестве и выглядел анахронизмом. Спор в Америке идет между «реалистами» (от слова *realpolitik*), как те же Киссинджер или Дэвид Рокфеллер, которых Вы, неизвестно почему, причислили к геополитикам, и «идеалистами» (в каком качестве подвизались при Буше неоконы). И потому Ваша инсинация, что «первыми в этом [геополитическом] вопросе идут атлантисты, открыто публикующие планы расчленения Российского государства», либо недоразумение, либо, извините, сознательный обман. Доказательств-то нет: из статьи в статью перетаскиваются одни и те же старые цитаты все того же Бжезинского.

Так что Ваше заявление «я представляю и возглавляю сегодня геополитическую школу в России» звучит

столь же смешно, как если бы во времена Карамзина наш с Вами тезка Александр Шишков гордо заявил, что пока он возглавляет школу архаистов, никто в России не произнесет слова «калоши», только «мокроступы». И свидетельствует Ваше заявление лишь о том, как отчаянно отстало наше отчество в общепринятом дискурсе международных отношений.

К сожалению, Ваши архаические идеи далеко не так смехотворны, как шишковские мокроступы. И когда слышишь Ваше: «Тот, кто говорит геополитика, говорит война», смеяться не хочется. Тем более, когда это сопровождается мечтой о том, как Россия «закрывает историю», и плохо скрываемым сожалением, что не сбылось «планетарное господство Третьего Рейха». В отличие от Шишкова, Вы играете с огнем, Александр Гельевич.

Личное

Не удержались все-таки, г-н Дугин, попытались ударить ниже пояса: «Все становится на свои места, когда читаешь вторую строку под фамилией «Янов» в публикации «МН» – «Александр Янов, Нью-Йорк»... жителю Нью-Йорка хотелось бы, чтобы геополитика изучалась лишь по ту сторону океана, и чтобы место русского Бжезинского оставалось вакантным».

О том, что геополитика изучается лишь по одну – дугинскую – сторону океана, я уже говорил. И то, что житель Москвы Дугин об этом не знает, его не извиняет: невежество – не аргумент. А о себе, что ж? Да, я живу в Нью-Йорке. Потому, что советская власть – Ваша, г-н Дугин, идеократическая власть – не пожелала, чтобы я жил в России. И с ее стороны это было вполне логично: я не первый, с кем у нее возникли такие «стилистические» разногласия. Но и живя в Нью-Йорке, я все-таки делаю больше, чем многие,

кто живет в Москве, для того, чтоб отечество мое никогда не оказалось в радиоактивных «Небесных чертогах». Во всяком случае, льщу себя такой надеждой. Впрочем, судить об этом читателю.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абалкин Л.И. 49
Абдулатипов Р.Г. 206
Авен П.О. 182, 211
Аганбегян А.Г. 36, 37
Акаев А.А. 88, 128, 129
Аксючиц В.В. 94, 113, 116
Алекперов В.Ю. 290
Александр I 101
Александр II 48
Алексеев С.С. 233, 260
Патриарх Алексий II 164, 206
Анисимов С.В. 182, 184
Анищенко Г.А. 116
Анучин К. 136
Аристотель 212
Арутюнян Л.А. 87
Архангельский А.Н. 307, 309, 310-312
Астафьев М.Г. 94, 113, 156, 203
Ататюрк (Мустафа Кемаль) 120, 122, 123, 126, 131
Аушев Р.С. 335, 341
Афанасьев Ю.Н. 27, 234, 235, 242
Ахмат, хан Золотой
- Орды 298, 299
Ачалов В.А. 42, 162, 164, 266
Бабурин С.Н. 71, 112, 114, 130, 147, 160, 164, 191, 195
Байбаков Н.К. 62
Бакатин В.В. 81
Бальцерович Л. 181, 186
Баранников В.П. 162, 164, 230
Баркашов А.П. 31, 50, 51, 94, 108, 109, 134, 148, 164, 173, 195, 204, 218
Барсуков М.И. 163, 231
Басаев Ш.С. 257, 334, 337, 338
Баткин Л.М. 232
Батурин Ю.М. 232
Безансон А. 363
Беляев А.Н. 319
Березовский Б.А. 336-338, 340
Берлин И. 220
Бетман-Гольвег Т. 73
Бжезинский З. 346, 360, 367, 371
Бильдт К. 181, 186

- Бломбрген И. 337, 338
Боксер В. 304
Бонапарт Наполеон 13, 23, 213
Бондарев Ю.В. 96
Бородай А.Ю. 11, 104, 157, 298, 299
Бородай Ю.М. 298
Брагин В.И. 169
Брежнев Л.И. 176, 224
Буртин Ю.Г. 231, 233, 235
Буш Дж. Г.У. 40, 155, 228
Бычкова О.Е. 141
- Варенников В.И. 97
Васильев А.В. 273, 275
Вейдле В. 14, 314-315
Венедиктов А.А. 10, 11
Видроу Дж. 171
Виноградов В.В. 170
Волков В.В. 164
Волкогонов Д.А. 208, 209
Волошин А.С. 333, 337, 338
Вольский А.И. 35, 88, 145
Воронин Ю.М. 196
Воронов Г.И. 32
Восленский М.С. 214, 215
Выжутович В.В. 134
- Гавел В. 65
Гайдар Е.Т. 38, 43, 101, 128, 146, 162, 163, 171, 175, 179-182, 184, 185, 187-190, 192, 193, 202, 204, 208-210, 212, 233, 238, 239, 242, 247, 260, 261, 277, 280, 284, 326, 328, 341
Гайдар Т.А. 181, 210-212
Гевара Ч. 306
Гегель Г.В.Ф. 71, 347
Генон Р. 357
Геращенко В.В. 189, 282, 285
Герцен А.И. 343
Гессен М. 318, 320
Гинденбург П., фон 146
Гитлер А. 142, 145, 146, 161, 199, 308
Глазьев С.Ю. 66, 162, 163, 179, 187, 230, 236
Говорухин С.С. 227
Голембиовский И.Н. 288, 299
Голушко Н.М. 162
Горбачёв М.С. 22, 33-36, 40, 41, 43-48, 62, 64, 65, 69, 70, 71, 76-85, 87-92, 94, 97-100, 105, 107, 119, 120, 125-129, 131, 137, 175, 189, 201, 215, 216,

- 243, 265, 274, 312, 313, 317, 323
- Горчаков М.Д. 311
- Гринин Д.А. 233
- Грачёв А.С. 87, 88
- Грачёв П.С. 162, 163, 235, 248
- Грозный Иван IV Васильевич 22, 316
- Громов Б.В. 97
- Гумилев Л.Н. 9, 220, 350
- Гунько Б.М. 137
- Густов В.А. 285
- Гэдди К. 318, 320
- Давиша К. 317, 318, 320, 338
- Данилевский Н.Я. 11
- Дарвин Ч. 9
- Денлоп Дж. 337
- Джуда Б. 319
- Доренко С.Л. 333
- Достоевский Ф.М. 14, 53, 254, 255, 313, 324
- Драйзер Т. 288
- Дугин А.Г. 20, 50, 106-108, 192, 236, 272, 322, 323, 335, 343-373
- Дудаев Д.М. 245-250, 252, 255, 256, 265
- Дунаев А.Ф. 230
- Дэн Сяопин 62
- Дювалье Ф. 251
- Егоров Н.Д. 248
- Екатерина II 52
- Ельцин Б.Н. 22, 23, 47, 67, 70, 71, 78, 79, 84, 85, 90, 98, 99, 103, 111, 119, 120, 122, 124-131, 137, 146, 148, 150, 152, 154-157, 160-163, 173, 174, 194, 195, 199, 201-203, 207-209, 219, 220, 225, 230, 231, 233, 234, 236, 238, 240, 241, 243-245, 249, 251, 252, 255-258, 260, 262-268, 273, 274, 278, 279, 282, 283, 285, 287, 288, 294, 298, 313, 323-325, 327, 328, 331-336, 338, 339, 341, 342, 350, 351
- Жилин А.И. 339
- Жириновский В.В. 75, 145, 151, 242, 265, 283
- Журкин В.В. 87
- Жуховицкий Л.А. 147, 248, 252
- Захаров Г.И. 163
- Зиновьев А.А. 39, 222
- Зорин А.Л. 294, 307, 310

- Зорькин В.Д. 153, 155, 156, 161, 202, 230
Зюганов Г.А. 114, 145, 148, 260, 262-266, 269-270, 280, 282, 283-285, 304, 328, 339, 346, 350
- Илларионов А.Н. 175, 178, 182, 185, 186, 189, 190-195, 197, 200, 202, 208, 210, 212
Ильин И.А. 109
Илюшин В.В. 256
Иоанн Безземельный 293
Иоанн Кронштадтский 94
Иоанн, митрополит Петербургский и Ладожский 220, 223
- Кагарлицкий Б.Ю. 338
Караганов С.А. 233
Карамзин Н.М. 11, 71, 315, 316, 372
Каримов И.А. 125, 126, 128, 131
Карпинский Л.В. 181
Карякин Ю.Ф. 233
Квасьневский А. 270
Кеннан Дж. 218
Керенский А.Ф. 351
- Киреев А. 268
Кириенко С.В. 282, 325, 326
Кириллин В.А. 60, 61
Киселёв Д.К. 254, 369
Киселёв Е.А. 336
Киссинджер Г. 360, 371
Клинтон У.Дж. 310, 324
Клокотов Н.П. 355, 367
Ковалёв С.А. 157, 203, 212, 233, 257, 260
Ковальская Г.Я. 247
Кожокин М.М. 292, 293
Козырев А.В. 133, 134, 137, 199, 211
Колеров М.А. 307, 309
Колесников М.П. 209
Коль Г. 324
Кон Н. 363
Кондратенко Н.И. 278
Кондрашов С.Н. 246, 248, 263, 288
Константинов И.В. 148, 200
Коржаков А.В. 231, 249, 256, 261, 265, 267, 279
Корчагин В.И. 94, 107
Кох А.Р. 182
Кравчук Л.М. 127, 128, 131, 200
Краснов М.А. 232
Кромвель О. 213

- Крючков В.А. 105
Куликов А.С. 265
Куняев С.Ю. 114
Кургинян С.Е. 50, 90,
91, 98, 109, 110, 112, 114,
151, 192, 223, 350
Къеза Дж. 268, 337, 338
Кюстин А. 314-317
- Лавров С.В. 20
Ландсбергис В. 126
Латынина А.Н. 145
Лацис О.Р. 63, 65, 69, 71,
72, 79, 87, 180, 187, 210-
212, 233, 256-258, 260,
268, 271, 286-288, 293
Лебедев С.В. 50, 51, 54,
55, 71, 119, 251
Лебедь А.И. 266, 273,
325, 329, 330
Лебор А. 300
Ленин В.И. 30, 34, 122,
229, 345, 352
Леонов Н.С. 318
Леонтьев В.В. 37
Леонтьев К.Н. 44, 370
Леонтьев М.В. 20, 254
Леся Українка 11
Лившиц А.Я. 233
Лигачёв Е.К. 70, 77
Лимонов Э. 104, 147, 157
- Липатников Ю.В. 233,
234
Лихачёв Д.С. 308
Локк Дж. 214
Лужков Ю.М. 325, 327-
334, 336, 340, 341
Лукьянин А.И. 76
Лучинский П.К. 88
Лысенко Н.Н. 107, 109,
158, 200
Львин Б. 179
Любарский К. 263
- Макаров А.М. 141
Макашов А.М. 31, 164,
170
Маккиндер Х.Дж. 360
Маленков Г.М. 333
Манн Томас 142
Маркс К. 175, 237
Маслюков Ю.Д. 36, 282,
285
Масхадов А.А. 265, 329,
334, 335, 338
Машадов К. 337
Маяковский В.В. 20
Миллер А.И. 10
Милошевич С. 65, 129,
297-301, 304-306, 308,
310
Михайлов А.Ю. 36, 259
Михайлов Е.Э. 278

- Млынник Ч.Г. 104
Мороз О.П. 128, 208, 328
Мурашов А.Н. 138
Мусоргский М.П. 14, 15,
313, 314
Мухин Ю.И. 50
Мэлиа М. 219, 221, 232,
234, 235
Мэхэн А.Т. 360
- Набиев Р.Н. 128
Назарбаев Н.А. 86, 88,
108, 126-129, 131
Невзоров А.Г. 105, 106,
123, 200
Немцов Б.Е. 324, 325,
328, 341
Нечаев А.А. 184
Нибур Р. 214
Никиш Э. 357
Николай I 11, 53, 103,
243, 244, 274, 310, 311,
312
Никсон Р. 175, 228
- Ослон А.А. 273
- Павлов В.С. 36, 81, 101,
189
Павлов Н.А. 141
Павловский Г.О. 103,
273, 370, 319
- Петраков Н.Я. 36
Пётр I 121
Пиночет А. 264
Пихоя Л.Г. 233
Платон 212
Подберёзкин А.И. 346,
350
Полозков И.К. 84, 269
Полторанин М.Н. 210
Попов Г.Х. 28, 233
Поппер К. 366
Попцов О.М. 156, 169,
193, 201, 203, 235, 247
Примаков Е.М. 35, 285,
299, 301, 325, 328, 332-
334, 336, 339, 340
Прокофьев Ю.А. 83, 84,
90, 92, 94, 98
Проханов А.А. 11, 20,
101, 103, 107, 109, 110,
114, 139, 142-145, 158,
192, 315, 350, 370
Пуго Б.К. 81
Путин В.В. 10, 11, 14, 16,
18, 20, 46, 50, 51, 68, 85,
103, 110, 172, 178, 217,
227, 236, 242-244, 255,
275, 278, 288, 311-314,
316-324, 330, 332-341
Пушкин А.С. 118, 316

- Радуев С.Б. 258, 259
Райх В. 363
Распутин В.Г. 96, 148
Рейган Р. 305
Рокфеллер Д. 360, 371
Рузвельт Т. 111, 188
Рузвельт Ф. 220
Руцкой А.В. 102, 115, 153, 156, 162, 163, 165, 171, 172, 192, 193, 230, 236
Рыжков Н.И. 75, 78
Рыжов Ю.А. 233
Сатаров Г.А. 232
Сахаров А.Д. 28
Сванидзе Н.К. 171
Селезнёв Г.Н. 283
Сергеев А.А. 75, 86
Сечин И.И. 20
Скобов А. 311
Смит А. 366
Смоктуновский И.М. 171
Собчак А.А. 233, 317
Соколов В.С. 206
Соколов М.Ю. 307, 309, 311
Солженицын А.И. 49
Соловьёв В.Р. 254
Соловьёв В.С. 14, 15, 119, 245, 308, 312, 314
Сомоса А.Г. 251
Сорокина С.И. 171
Сорос Дж. 360
Сосковец О.Н. 256
Сперанский М.М. 24, 36, 48
Спикмэн Н.Дж. 360
Сталин И.В. 33, 34, 250, 263, 315, 316, 351
Старовойтова Г.В. 212
Стародубцев В.А. 96, 278
Степанков В.Г. 230
Степашин С.В. 247, 327, 328, 333-335, 338, 339-342
Стерлигов А.Н. 135, 145, 146, 148-150, 198, 199, 266, 267
Стерлигов Г.Л. 136
Строев Е. 85
Талейран Ш.М. 242
Тер-Петросян Л.А. 128
Тизяков А.И. 96, 267
Тириар Ж. 358
Толпежников В.Ф. 28
Толстой Л.Н. 14, 53, 220, 313
Травкин Н.И. 35, 159
Тренин Дм. 17
Троцкий Л.Д. 34
Тулеев А.Г. 278

- Удугов М.С. 337
Ульянов М.А. 288
Умалатова С.З.
Устрялов Н.В. 357
- Федотов Г.П. 100, 113,
116, 118, 119, 123, 135,
294
Фёдоров Б.Г. 162, 189
Филатов В.И. 155
Франко И.Я. 11
Фролов И.Т. 88, 90
Фурман Д.Е. 231
- Хаджиев С.Н. 247
Хазанова М. 133,
136-138
Хазин М.Л. 187
Хайдеггер М. 364
Хасбулатов Р.И. 102, 160,
162, 202, 209
Хилл Ф. 318, 320
Ходорковский М.Б. 21,
288
Хомяков А.С. 343
Хрущёв Н.С. 79
Худенко И.Н. 215
Худоназаров Д. 87
Хусейн С. 254
- Чаадаев П.Я. 13, 14, 24,
101, 119, 176, 310, 314,
321
Чайковский П.И. 313
Черномырдин В.С. 162,
256, 257, 264, 265, 283,
284, 325, 326, 328
Черняев А.С. 129
Чехов А.П. 313
Чубайс А.Б. 265, 333,
334, 341
- Шаталин С.С. 32, 34-41,
47, 49, 54, 60, 64, 78, 83,
85, 87, 243
Шафаревич И.Р. 135,
148, 149, 222, 350
Шахрай С.М. 242
Шеварднадзе Э.А. 77,
144
Шевченко Т. Г. 11
Шенин О.С. 90
Ширковский Э.И. 127
Шишков А.С. 372
Шлезингер А. 220
Шмитт К. 351, 358, 370
Шохин А.Н. 182
Штепа В. 158
Шушарин Д.В. 306, 308,
310
Шушкевич С.С. 127, 200

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Эволя Ю. 357
Эйдельман Н.Я. 52

Юнгер Э. 357
Юнин Г. 158
Юшенков С.Н. 212, 327

Явлинский Г.А. 36, 171,
192, 193, 208, 242, 264,
265, 267, 273, 328

Язов Д.Т. 42, 43, 105
Яковлев А.Н. 76, 77, 82,
90, 137, 225
Яковлев Е.В. 136
Якушкин Д.Д. 331
Янаев Г.И. 98
Ясин Е.Г. 36

«НОВЫЙ ХРОНОГРАФ»

9 785948 813097

Научно-публицистическое издание

Янов Александр Львович
РУССКАЯ ИДЕЯ. От Николая I до Путина.
Книга третья: 1990–2000

Издатель Леонид Янович
Корректор: Юлия Виниченко
Художник: Михаил Шербов
Верстка и оригинал-макет: Михаил Щербов

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве: +7 (916) 651-30-94,
по вопросам реализации: +7 (985) 427-91-93
E-mail: nkhrongraf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете:
<http://www.novhron.info>

Подписано к печати 15.11.2015
Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 12 печ.л.
Тираж 2000 экз. Заказ №

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1